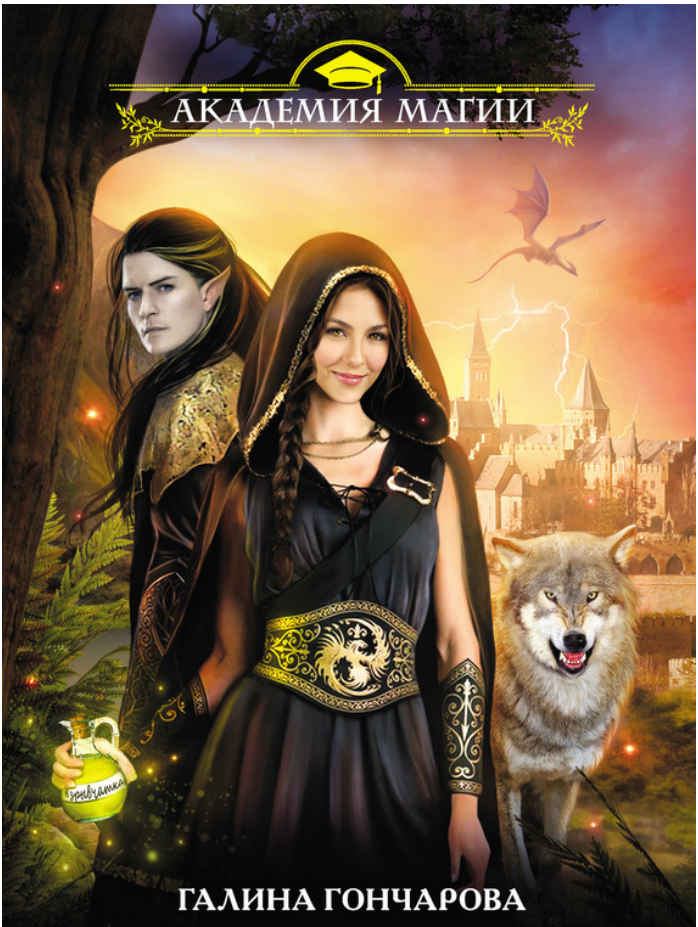
АКАДЕМИЯ МАГИИ



ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

МАГИЧЕСКИЙ УНИВЕР

УЧИТЬСЯ, ВЛЮБИТЬСЯ... УБИТЬСЯ?

Галина Дмитриевна Гончарова
«Учиться, влюбиться… убиться?»
Серия «Магический универ», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8494775
Гончарова, Галина Дмитриевна. Магический универ. Книга первая. «Учиться, влюбиться… убиться?»: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-75572-1

Аннотация

Случайное совпадение – и Юлька, будущий биолог, становится студенткой лучшего на два мира Магического универа. Казалось бы, все новое, все незнакомое… Или нет? Учеба, дружба, любовь – разве они не одинаковы во всех мирах? Опасности, приключения, заговоры, враги – и это есть везде. Но студенты факультета боевой магии, на который поступила Юлька, трудностей не боятся. На опасность – начхать, приключению – обрадоваться, заговор – раскрыть, врага – убить… все правильно? А если что-то спутаем – друзья помогут. Или любимый человек. Ах, он не человек вовсе? Неважно. Еще раз повторим – студенты факультета боевой магии трудностей не боятся. А значит – вперед!

Содержание

Часть первая 5
Глава 1 5
Глава 2 73
Глава 3 175
Глава 4 196
Конец ознакомительного фрагмента. 217

Галина Гончарова
Магический универ. Книга первая. «Учиться, влюбиться… убиться?»

© Гончарова Г., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»», 2014

Часть первая
«Не бросайте меня в терновый куст»

Глава 1
Прыжок в неизвестность

Вообще-то я нормальная. Ну, или была до дня Ивана Купалы. Даю самое честное пионерское слово – я была абсолютно вменяемой занудой, одной из самых занудных в группе. Носила старые джинсы – просто потому, что так удобнее, читала детективы на переменах, вместо того чтобы разговаривать с подругами, и никогда не красилась – просто из лени. Я Юля, но всю жизнь все называют меня Леля, хотя я просто ненавижу это имя. Леля – что-то такое высокое, худое, задумчивое и с интересной бледностью лица, происходящей от несварения желудка. И очень стервозное внутри. А я веселая, взбалмошная, с вечным румянцем во всю щеку и волосами, которые принципиально торчат в разные стороны. Им, видите ли, так удобнее. А то, что я ни одну прическу не могу сделать, на голове всю жизнь как воронье гнездо, – это мелочи. Еще я студентка биологического факультета и чи-

таю запоем книги. В общем, все как у всех, ничего особенного, велосипед не изобретаем и не крадем. И вот случилось историческое событие. Хотя тогда я называла его обычным заскоком по фазе.

В одной из книг я наткнулась на описание ночи на Ивана Купалу – с шестого на седьмое июля по новому стилю. В эту ночь прыгают через костер, обливают друг друга водой и собирают магические травы. И самое главное – цветет папоротник. Кто сорвет цветок, тому будут ведомы все тайны на земле. Вообще-то у папоротника еще много функций, но эта меня заинтересовала больше всего. И я решила – надо ехать. Уж я-то наверняка найду этот цветок. Вот стукнуло мне что-то в голову. Или по голове… Но если я упрусь в одну идею – уж поверьте мне, второй в моем мозгу не уложиться. Места, наверное, мало.

Как студентка биофака, я, конечно, знала, что папоротник не цветет. Но разве нельзя поверить в чудо? Нужно!

И я отправилась в лес за цветком папоротника. Собралась в темпе вальса, чтобы не передумать, и поехала, как и решила, за сотню километров от города. Предупредила маму, что вернусь на следующее утро, мама махнула рукой и сказала катиться колбаской и быть поосторожнее. Особо она за меня не боялась. Мы в этом лесу ежегодно отдыхали на турбазе, так что я там каждый пенек на ощупь знала. Отца решили не информировать, брат просился со мной, но я его отшила, сказав, что без сопливых скользко. Я даже не боялась ехать

в лес одна. Компас был, карта леса и фонарик тоже, оделась я тепло – так что за меня беспокоиться? Волки в нашем лесу уж триста лет как не водятся, а кабаны и лоси сами к человеку не подойдут. Да и человека к себе не подпустят. Оставались еще люди, которые похуже всяких зверей, но с ними я постараюсь не встречаться. В лесу шаги далеко слышно, успею спрятаться.

В общем, самыми страшными зверями в нашем лесу были комары. Огромные и злющие. И не кормленные с зимы. И вот иду я от автобусной остановки, а от нее еще до леса километров семь пилить, да еще в лесу устраиваться, а уже темнеет. Ничего, вот доберусь, разведу маленький такой костер и буду жарить на нем взятый из дома хлеб с крахмально-бумажно-красительной колбасой, а потом пойду искать этот цветок папоротника. И обязательно найду его. Найду, потому что иначе нельзя. Я всегда верила в чудеса, а значит, они должны происходить в жизни. Обязаны! Ведь как жить без чудес? Этого и не понимали мои однокурсницы. Они не понимали, почему мне хочется плакать на рассвете, когда солнце такое большое и чистое, а мир открытый и нежный, словно спящий котенок. А я, грешна, никогда не понимала, чем косметика от фирмы Avon лучше или хуже фирмы Faberlic и как можно в пятый раз обсуждать немодный свитер училки по математике и ресницы мальчика на соседней парте. Может, это просто моя ущербность? Не знаю. Но мне всегда становилось от этого тоскливо. Потому-то у меня и

друзей было мало. А сейчас я шла по деревне, готовясь свернуть на проселочную дорогу…

– Леля! – окликнул меня знакомый голос.

Я обернулась, улыбаясь до ушей. Голос принадлежал бабе Вере, у которой мы всегда покупали молоко с тех пор, как меня в возрасте трех лет первый раз привезли на турбазу. Мы приходили к вечерней дойке, баба Вера наливала нам трехлитровую банку, и молоко было теплое и странно живое, и мы с братом не выдерживали и отпивали по несколько глотков прямо из банки, ссорясь за право первой очереди.

– Здравствуйте, баб Вера.

– Вечер добрый, Леля. Вы отдыхать приехали? – спросила старушка.

– Нет, это моя самодеятельность, – откликнулась я. – Захотелось отметить ночь на Ивана Купалу.

Лицо бабы Веры словно потемнело.

– Зря ты это задумала, Леля, зря.

– Почему? – не поняла я.

– Сегодня темная ночь, – непонятно ответила она. – Кто знает, что сегодня выйдет из ворот…

– Из каких ворот?

– Это не важно. Может, не пойдешь?

– А куда мне тогда? Автобус уже уехал…

– Да хоть у меня переночуешь. Я тебе в дочкиной комнате постелю.

Я подумала и покачала головой. Хотелось в лес. Я уже на-

строилась жарить хлеб на костре, а деревья будут загадочно покачиваться у меня над головой, и бледная луна – подмигивать с прозрачного неба. И променять все это на деревенскую ночевку? Запах леса на запах навоза?! Да ни за что!!! Так я и заявила.

Баба Вера стала еще более задумчивой.

– Зря ты это затеяла. Напрасно. Кто знает, что ты там найдешь…

Я пожала плечами. Что я там найду кроме комаров и романтики? Вопреки всем воплям о страшном лесе. Поверьте мне, на улице средь бела дня гораздо опаснее, чем в самом темном лесу самой страшной ночью. А в нашем хоженом-перехоженом лесу вообще нет ничего особо страшного.

– Или кто меня найдет? Может, это судьба?

– Может, и так. Только будь осторожнее.

Я попрощалась и отправилась дальше. Уже стемнело, когда я вступила в подлесок. Настроение не то чтобы испортилось, но как-то изменилось. И не в лучшую сторону. Странно как-то было. Словно что-то менялось во мне и в природе. Я уже давно сошла с дороги и шагала по бурелому, привычно держа направление на запад, к реке. Как хорошо в лесу! Сосны колыхались и завораживали меня. Легкий ветер скользил по лицу, лаская его и стирая капельки пота. А запахи! Цветы, травы, хвоя, смола… Я завертелась, широко раскинув руки. Голова у меня пошла кругом от переизбытка кислорода. А когда я проморгалась, посреди поляны стояло оно. Это бы-

ло похоже на привидение или на взбесившееся облако, которое решило сменить небесную прописку на лесную. Лоскут снежно-белого марева, лохматого по краям и непрозрачного в середине. Я помотала головой. Лоскут все так же стоял посреди леса, не собираясь исчезать. В следующие пять минут я поочередно щипала себя за руку и за кончик носа, чесала в затылке и швыряла в странное явление веточки. Потом обошла его кругом. Веточки пролетали в марево и не возвращались. Что я сделала? Я поступила, как тот самый генерал из анекдота. Не фиг тут думать, прыгать надо. Так что я разбежалась, покрепче зажмурилась и ринулась прямо в плотную белую середину. И, кажется, завизжала в полете.

* * *

Я визжала громко и пронзительно, на одной высокой ноте. От такого визга могли и стекла полопаться. Это был мой коронный детский номер. Я могла визжать без перерыва до получаса. Потом требовалось немного передохнуть, и я могла визжать еще полчаса. И сейчас намеревалась побить все свои прежние рекорды, но пребольно хлопнулась задом о какую-то твердую поверхность. И заткнулась. Потом открыла глаза. Сперва один, потом второй. М-да, круто я попала, только вот куда?! Уж точно не на TV. Ни камер, ни зрителей. Хотя нет, зрители как раз имелись. Я сидела на заднице в огромном зале с колоннами. Потолок был белым, сте-

ны и колонны черными, и пол тоже. А я находилась точно в центре пентаграммы, нарисованной чем-то красным. Рядом с пентаграммой стояли два странных типа. Первый из них имел вид мага с картинки. Этакая синяя хламида, расшитая золотом, кипенно-белые волосы, падающие на плечи красивыми волнами, окладистая борода и ярко-алый нос. Второй был раза в три потолще «мага» и ниже на голову, в фиолетовой хламиде, тоже расшитой золотом. Она великолепно оттеняла короткую черную бороду и блестящую лысину. Лысина маскировалась редкими прядками, начесанными от ушей на макушку. «Внешний заем», – вспомнила я. И фыркнула. Горло болело, как будто я его час наждаком начищала. Интересно, а говорить я смогу? Надо проверить. И первой моей фразой стало:

– Мать вашу за ногу!

– Россия, – безошибочно определил пузатый тип.

– Согласен с вами, коллега, – наклонил голову «маг». – Кажется, это одно из общеупотребительных русских выражений?

Говорили они на каком-то странном языке, но я их понимала. Слова сразу проходили в мозг, не задерживаясь в ушах. Голоса звучали странно, но вполне приятно.

– Да, по нашим сведениям… – начал толстяк.

Что там было по их сведениям, я уже не узнала. Потому что решила поддержать честь родной державы парочкой не менее общеупотребительных, но уже непечатных выраже-

ний:

– … …! … …! … …!!!

– Несомненно, Россия, – заключил худой.

Я помотала головой, прогоняя остатки дурноты. Народная русская речь – это, конечно, хорошо, но пора бы и налаживать контакты с аборигенами.

– Ладно, колитесь, господа-товарищи-граждане! Где я? Кто вы? Как я здесь оказалась? Что со мной произошло в лесу? Что вы собираетесь со мной делать?

Между двумя типами словно пронесся теплый поток. А поскольку они стояли друг напротив друга и как раз надо мной, то меня тоже задело. Тогда я еще ничего не знала, но четко уловила обрывок чужой мысли, поняла, что это касается меня, и решила вмешаться в разговор. Молчание, конечно, золото, но я всегда больше любила серебро.

– Логика мне действительно сопутствует, но далеко не всегда. У нее есть занятия и поинтереснее, а вообще я предпочитаю чувство юмора.

Толстый и тонкий обменялись странными взглядами и впились в меня глазами.

– Вы что-то поняли из наших мыслей? – спросил тот, что был похож на мага.

Я решила быть честной.

– Далеко не все. Только три слова: «Логика всегда сопутствует…» А что это означает, я не знаю. Но вы точно имели в виду меня.

– Это уже очень много. Это просто невероятно. Ладно. Вставайте, девушка, и давайте поговорим. – «Маг» протянул мне руку. Я гордо отвернула нос и попыталась подняться сама. Все тело будто закололо тысячами иголочек. Отлежала я его, что ли? Но когда? Ладно, стиснем зубы и перетерпим. Бывало и хуже, особенно когда я только начинала заниматься карате. Типы посмотрели на меня с уважением. Я, не удержавшись, почесала копчик и потянулась всем телом. Толстый улыбнулся мне:

– Пойдемте отсюда, девушка.

– Откуда вы знаете, что я девушка? – не удержался мой длинный язык. – Может, у меня дома семеро по лавкам сидят?

– Давайте вы потом покажете, какая вы крутая, – осадил меня седобородый. – А пока пойдемте отсюда. Вы же хотите получить объяснения по факту своего появления здесь?

Я безропотно повиновалась. Объяснений хотелось даже больше, чем в туалет. А уж как туда хотелось… Надо было сперва присесть под кустиком, а уж потом прыгать. А то опозорила бы родную державу на весь, на всю… Короче, на ту точку, в которую я попала. Минимум – двумя литрами.

Мы покинули зал, спустились по лестнице и зашли в какую-то неприметную дверь. Седобородый тип хлопнул в ладоши. Зажглись светильники. Маленькие такие шарики, висящие на оленьих рогах. Я огляделась по сторонам. Это явно был чей-то кабинет. Множество шкафов с книгами, гро-

мадный письменный стол, несколько кресел, уютных даже на вид. На стенах то ли плакаты, то ли картины. Разглядеть я их не успела, потому что седобородый мужчина пригласил меня занять кресло, а сам уселся напротив и впился в меня инквизиторским взглядом.

– Теперь можешь задавать вопросы, – разрешил «маг».

Я вдохнула, потом выдохнула воздух, потом опять вдохнула и выдохнула. Обладая родными, которые повторяли все по шесть-восемь раз, я просто не переносила эту манеру в других людях, и еще больше не переваривала, когда повторять заставляли меня. Аутотренинг помог плохо.

– Спрашиваю в третий раз, – тихо произнесла я. – Где я, черт подери?!

– Ты прошла через ворота в другой мир, – спокойно ответил чернобородый.

Я просто не поверила. Поэтому и спросила с издевкой:

– А вы кто? Волшебники?

– Интуиция у тебя великолепная, – согласился чернобородый. – Мы действительно колдуны.

– Правда?!!

Глаза у меня тихо полезли на лоб. Хотя… Может, я просто с разбегу об сосну ударилась, когда прыгала через облако? А сейчас я очнусь и обнаружу, что лежу среди деревьев с шишкой на лбу.

– Вполне возможно, – согласился «маг». – Но это зависит от тебя.

Я уже ничего не понимала.

– Расскажите все по порядку, пожалуйста, – жалобно попросила я, – я же сейчас с ума сойду, а вы еще и издеваетесь! Совести у вас нет – так мучить нежную девушку!

Мужчины весело переглянулись. Кажется, они мне не верили. И зря… Я же такая нежная, такая чувствительная… не всяким бревном перешибешь!

– Хорошо, – кивнул седобородый, – слушай. Ты действительно находишься в другом мире. Наш мир и твой совсем разные. В вашем мире техника подавила души людей. Мы же не строим машин. Наш мир основан на магии. Магия слова, магия жеста, магия мысли. Да, в чем-то мы используем и машины, но они играют второстепенную роль. У вас изучают физику и начертательную геометрию. Мы исследуем строение потоков магического эфира, сокращенно – СПЭФ и начертательную магометрию. Ваш мир – механика, наш – колдовство. Когда-то наши миры соприкасались, и дорога к нам и к вам всегда была открыта. Многие приходили, кто-то оставался, кто-то возвращался, многие учились здесь…

Я вспомнила сказки народов мира, которые перечитывала под настроение, и охнула. Вот оно что! Мир магии! Отсюда все и пошло. И тридевятое царство, и «поди туда, не знаю куда», и все-все-все остальное, типа говорящих волков и вампиров!

– Правильно, – подтвердил седобородый.

Как ни ошеломлена я была свалившимися мне на голову

новостями, но все-таки наконец среагировала. Не прошло и года!

– Вы что – мысли читаете?!

– Читаю. Ты еще совсем не умеешь контролировать их. Но не все, а только те, что относятся к нашему миру. Надо же знать, не принесешь ли ты нам вреда!

Я невольно засмеялась. Ну и наглость! Затащили к черту на рога, а теперь еще и в мозги лезут!

– Ладно, читайте. Со временем я вам отплачу той же монетой.

– Посмотрим. Так вот, около шести тысяч лет назад по нашему летоисчислению…

– А по-нашему? – не утерпела я.

– Около двух тысяч лет. Три наших дня равны одному вашему. Ясно? Подробнее тебе потом расскажут, на «временных потоках».

– Простите, больше перебивать не буду.

Колдун кивнул и продолжил:

– Около шести тысячелетий назад один безумный гений запер ворота между нашими мирами. Он был колдуном, и гениальным колдуном, надо сказать, но в то же время сумасшедшим. Он возненавидел все иные формы жизни.

Я зажала себе рот рукой, чтобы не перебивать, но «маг» улыбнулся и пояснил:

– Мы, люди, самая многочисленная раса, но есть еще и другие. Вампиры, оборотни, друиды, эльфы, элвары, альвы,

гномы, лешие, кикиморы… да всех просто не перечислишь! Этот маньяк, а по-другому его и не назовешь, смог закрыть ворота между нашими мирами, и вы пошли по технократическому пути развития. Он уже умер, и это очень хорошо, но этот мерзавец был гением. После своей смерти, то есть самоубийства, он устроил так, что его неизрасходованная сила, – он как-то так произнес это слово, что я сразу поняла – речь идет о магической силе, а не о бодибилдинге, – поддерживает заклинание, закрывающее наши миры друг от друга. Наши колдуны подсчитали, что это продлится еще около двадцати четырех тысяч лет. По вашему счету это около восьми тысячелетий. Потом ворота откроются, и ваш мир снова станет миром магии.

– Если доживет до этого, – вздохнула я.

– Даже если и не доживет, – пожал плечами седобородый. – Магия может многое. И устранить все, что вы причинили себе своими нелепыми железками, и вырастить леса, и наполнить моря водой… И мы опять придем в ваш мир. Я, конечно, не доживу, но мои дети, внуки, правнуки… Ладно, это просто мои мечты. Так вот тот подонок не только запер наши миры, он еще и насадил в вашем мире чрезвычайно агрессивную и нетерпимую религию. И новоявленные христиане, – слово это он выговорил так, словно его жгучим перцем посыпали, – рванулись истреблять всех, кто не успел удрать. Чертей возвели в ранг сил Тьмы! Про колдунов и ведьм рассказывали такое, что повторять тошно! За несчаст-

ными вампирами и оборотнями охотились, как за дикими зверями! Да ты и сама все отлично знаешь!

Еще бы мне не знать. Небось все про инквизицию в школе слышали!

– Пока он был жив, мы ничего не могли сделать, – вздохнул чернобородый. – Этот мерзавец и правда талантлив. Но после его смерти мы сумели найти лазейку. Представь себе, что ручей, впадающий в огромную реку, завалили камнями. Он потек по другому руслу, набирая в себя грязь и гадость, но отдельные его потоки… Нет, не потоки, капли, всего лишь капли, но они все-таки просачиваются через камни. И их все больше и больше. И ты – одна из таких капель.

– Оставим поэтические сравнения для певцов и музыкантов, – решительно вмешался седобородый. – Скажи честно, девочка, как ты относишься к вампирам и оборотням? Эльфам и лешим? Кикиморам и водяным?

Показалось, что его взгляд проткнул меня насквозь. Но стыдиться мне было нечего.

– Никак не отношусь, – ответила я. – Никакого страха или отвращения. Скорее, наоборот. Здоровое любопытство. А у вас они водятся? Все сразу?

Глаза «мага» потеплели.

– Это хорошо. Теперь я могу говорить дальше.

– А если бы я сказала, что я – ревностная христианка и всякую нечисть надо уничтожать?

Спрашивала я из чистого любопытства. Во-первых, я все-

гда была атеисткой. Как говорил один мой знакомый, надо либо думать, либо верить. Я же предпочитала думать. Бога нет до тех пор, пока его существование нельзя будет доказать математическим путем. И точка. А во-вторых, я с детства усвоила, что нет плохих и хороших, есть только наше отражение в зеркале. И если тебе подставляют подножку, подумай, что бы сделал ты на месте этого человека. Возможно, то же самое? Так какое же право я имею осуждать тех же вампиров? Они пьют кровь, согласно мифам. Но им же это необходимо! Стоит только поставить себя на их место, и их уже нельзя осуждать. Неужели вы, неожиданно превратившись в вампира, перешли бы на растительную пищу? Что-то я сомневаюсь. Или еще проще. Я в жизни видела ну очень мало вегетарианцев. С нашей точки зрения, есть бифштекс – поддерживать силы. А с точки зрения коровы, из которой этот бифштекс приготовлен? Убийство и людоедство.

– Ты бы очнулась в лесу с сильной головной болью и шишкой на лбу, – отрезал седобородый. – Мы не можем рисковать! В нашем мире не будет ни христианства, ни остальных его разновидностей! Слишком мы разные, чтобы делиться на угодных и неугодных вашему Богу! Да и рабы из нас плохие!

– Мы не рабы!

– Угу, а рабы – не мы? Так, что ли? А как же ваши фразы? Раб Божий такой-то, спаси, Господи, раба своего, такого-сякого? Не ваши?

– Наши. – Я внезапно поникла духом. – Я ведь крещеная.

Это может помешать?

– Не может. Пять капель воды и бормотание, которое исходило от человека, лишенного магической силы и знаний, не могут ни помешать, ни повредить тебе как ведьме. Если ты сама во все это не веришь.

– Я не ведьма.

– Пока – нет. Я ведь так и не представился тебе. Ведун Антел Герлей. Полностью – Верховный колдун Магического Универа, Антел Герлей. Ученики до ведуна сократили, а там и прижилось. Это мой помощник, – он кивнул на чернобородого. – Колдун Бреме Теодорус.

– Оч-чен-нь п-прият-тно, – заикнулась я. – Юлия. Синичкина. Можно – Леля. А почему – Универ, а не Университет?

– Узнаешь на уроках истории.

– Уроках истории? – Новости вышибли из меня остатки мозгов. Голова казалась большой и гулкой, как медная кастрюля.

– Да, на уроках истории! И теперь мы подходим к самому главному. Ты хочешь здесь учиться?

Хочу ли я стать ведьмой? Хочет ли орел – летать, рыба – плавать, человек – дышать?! Хочу ли я стать колдуньей?! Да я готова была заплатить за это любую цену!

– Платить не потребуется, – прочел мои мысли ведун. – Во всяком случае, деньгами. Но должен тебя огорчить. Дело в том, что пройти из вашего мира в наш можно только в строго определенные дни. Сюда ты прошла. Вернуться обратно ты

сможешь только после десятого года обучения.

– Десятого года? Но сколько же всего здесь учиться?!

– Мало. Пятнадцать лет.

Кусок воздуха застрял у меня в глотке. Через пятнадцать лет мне будет ближе к сорока, чем к тридцати. Прекрасный возраст, но все же пятнадцать лет… С другой стороны – стать колдуньей… Я решительно выплюнула застрявший воздух обратно вместе с кратким:

– Согласна.

Ведун засмеялся.

– Таких жертв не потребуется. Во-первых, маги живут гораздо дольше обыкновенных людей, а во-вторых, они сами выбирают, когда стареть.

– А вы? – ляпнула я. И покраснела. – Простите.

– Ничего, все в норме. Подумай сама, я – ведун, я заведую всем Универом, как еще мне выглядеть, чтобы меня уважали? Сейчас ты беседуешь со мной с уважением, которое должно оказывать опыту. А если так?

Он провел перед собой рукой – и лицо его потекло, смазалось, расплылось, чтобы через секунду собраться в маску мальчишки лет семнадцати, явного шалопая и оболтуса. М-да, такого я уважать бы не стала. Дружить – да, но не слушаться и не повиноваться.

– Это всего лишь иллюзия, – пояснил маг, небрежным жестом проводя по лицу и возвращая прежний возраст. – Хотя это я в мои пятнадцать лет. Сейчас же мне необходим со-

лидный образ. Как в твоем представлении должен выглядеть директор Универа?

Я подумала и решительно кивнула:

– Примерно так и должен. Еще раз извините. Можно вопрос?

– Можно.

– То облако в лесу. Что это было?

– Ворота в наш мир. Они открываются три раза в году, в строго определенные ночи. В остальное время они невидимы для всех, кроме опытного колдуна.

– А в обычное время там можно пройти?

– Колдун сумеет, если хватит силы.

– Но я еще далеко не ведьма! Я же прошла.

– В эти три ночи ворота может миновать только одаренный магическими способностями человек. И то не каждый. Для начала ворота надо увидеть. То есть оказаться в нужном месте в нужное время. Это раз. Нужно не испугаться и пройти через них. Это два. Человек должен быть взрослым. Не будь тебе двадцати, ворота не пропустили бы тебя. Это три.

– Понятно. Ой!

– Что?

– А как же мои родные? Они с ума сойдут!

– Ну что ты! Я направлю к твоим родителям мага, он придет и проведет сеанс гипноза. И твои родители будут свято уверенны, что ты уехала за границу по приглашению какого-нибудь университета. Ведь ты студентка?

– Да, это так. Но ни звонков, ни писем…

– Почему? Среди нас есть люди из всех стран мира! Один наш год – это ваши четыре месяца. Напиши письма родным, а я отошлю их нашим агентам в вашем мире, и они будут отправлять их в определенные дни. Все просто. Механизм отработан на тысячах студентов. Вот фотографии послать не получится.

– Почему?

– А ты посмотри на себя.

Я повиновалась. Высшие Силы, что это со мной?! Во-первых, моя одежда. Симпатичные джинсы превратились в серые штаны из какой-то плотной ткани. Курточка из кожи «молодого дермантина», которую я просто обожала, стала действительно кожаной, но застежка-молния куда-то исчезла, а вместо нее появились грубые пуговицы. Майка претерпела такие же изменения. Цвет ее остался прежним, но ткань теперь была другой на ощупь. Кроссовки превратились в полусапожки, а рюкзачок?

– Потом посмотришь, – отмахнулся Ведун. – Главное ты поняла. Наш мир автоматически перестраивает все вещи из вашего мира на свой лад. И фотоаппарат здесь превратится в кисти, краски и мольберт.

– Понятно, – протянула я. – Ладно, как-нибудь приспособлюсь.

– Не сомневаюсь. Завтра, то есть уже сегодня, ровно в полдень у нас вступительные экзамены.

– Вступительные экзамены?! – испугалась я. – Но как… я же…

– Все в порядке, – успокоил меня Ведун. – Это просто название. На самом деле ты должна будешь пройти распределение и сделать свой выбор.

– Это как?

– Существует пять факультетов. Каждый колдун больше предрасположен к какой-то определенной деятельности. Есть лекари, есть временщики, стихийная магия, изучение иных форм жизни и боевая магия.

– А всего вместе нету?

– Нет. Раньше маги получали всестороннее образование, но сейчас мы делаем упор на специализацию.

– Но это же непрактично!

– Почему? Зачем, например, лекарю знать о числе когтей у вурдалака?

Зачем-зачем, да просто потому, что меня не устраивает что-то одно! Хочется всего и сразу! Дайте мне таблетки от жадности, да побольше, побольше, побольше!

– А если они случайно встретятся? Надо же им о чем-то поговорить?

– Это исключено. Каждому – свое. И потом, вурдалаки предпочитают не разговаривать с колдунами, а обедать ими.

– Тем более! Должен же лекарь уметь защитить себя?

– Им читают краткий курс самозащиты.

Я вежливо кивнула, оставаясь при своем мнении. Краткий

курс самозащиты – великолепная вещь, но все же, все же… Я как-то сомневалась, что голодный вурдалак примет это в расчет.

– Пока еще никто не жаловался на узкую специализацию, – прочел мои мысли Ведун.

– Еще бы. Сложно пожаловаться на неудобства, если тебя съели, – съязвила я. – Извините.

– Ничего, все в порядке. Значит, так, распределение начнется завтра в полдень. Сейчас ты под гипнозом выучишь наш язык, а потом магистр Теодорус отведет тебя в общежитие.

– А разве вы говорите не по-русски?

– Ни в коем случае! При переходе из одного мира в другой язык усваивается мгновенно. Тебе только кажется, что ты говоришь на русском. Но читать и писать на нашем языке ты не сможешь. Это мы сейчас и исправим.

– Как?

– Смотри сюда. – Откуда-то Ведун извлек небольшой кристалл на цепочке и стал раскачивать у меня перед глазами. – Смотри внимательно и слушай…

Дальше я уже ничего не слышала. Все заволокло светло-зеленой пеленой. А когда я очнулась, Антел Герлей был бледен, как смерть.

– Что с вами? – спросила я.

Ведун залпом выпил стакан воды и только потом махнул в мою сторону рукой.

– Сиди пока. Знал бы я, что мне предстоит, ни за что не взялся бы с тобой работать! Тебя загипнотизировать не легче, чем полк солдат.

– Но я же почти сразу отключилась!

– Это одно. А вот впечатать что-либо в твой мозг почти невозможно. Я смог это сделать только потому, что ты не сопротивлялась. А если бы ты не желала выучить наш язык, я мог бы гипнотизировать тебя с утра до вечера, но безрезультатно.

– Это плохо? – не поняла я.

– Это великолепно для тебя, – ответил Бреме Теодорус. – Я буду читать курс прикладной гипнологии, тогда ты и поймешь, каким сокровищем обладаешь от рождения. Пойдем со мной, я отведу тебя в общежитие. Только одно условие, оно обязательно для всех. Никому не называй своего имени и ни у кого не спрашивай имен.

– Почему? – искренне удивилась я.

– Имя – это часть личности человека. Зная имя, настоящее имя мага, можно причинить ему массу неприятностей. Поэтому все наши ученики носят прозвища.

– Все равно не понимаю! У них же есть родные, друзья…

– Это у тех, кто родился в нашем мире, и им это не страшно. Они могут оставить свои настоящие имена. Они с самого рождения умеют защитить себя от такого воздействия. Для них это так же естественно, как дышать или видеть. А те, кто пришел к нам из другого мира, ничего не умеют. Они стано-

вятся слишком уязвимы. И пока они учатся у нас, они получают прозвища. Не возражаешь?

Я не возражала. Все равно мне мое имя никогда не нравилось. И потом, ужасно несправедливо, что родители придумывают имена для своих детей, даже не советуясь с ними. Лучше бы дети сами выбирали себе имена в восемнадцать лет, а до того носили детские прозвища. Меня никогда не назвали бы Юлией, тем более Лелей, если бы знали, какой я вырасту. Скорее Наташей или Александрой. Вот только…

– А почему я не могу выбрать себе прозвище прямо сейчас?

– Мы так никогда не делаем. Прозвище дается только после поступления в наш Универ. Какой смысл мучиться, если ты еще и не поступишь?

– Логично, – признала я. Я-то обязательно поступлю! Это как дважды два! – Больше вопросов нет.

– Тогда пошли, – скомандовал Бреме Теодорус, тяжело поднимаясь из кресла.

Я попрощалась с Ведуном и отправилась по следам учителя Теодоруса. Да, чтобы не заблудиться в этом Универе, нужны компас и карта. И стрелки с указателями. Мы спускались, потом опять поднимались, сворачивали то вправо, то влево, я пыталась запомнить дорогу, сбилась со счета на семнадцатом повороте и бросила это бесполезное занятие. Наконец мы остановились перед дверью, из-под которой пробивался слабый свет. Колдун постучал, и дверь мгновенно

распахнулась.

– У вас осталась свободная койка? К вам новенькая. До свидания.

Вот так, коротко и ясно. И смотался, прежде чем обитательница комнаты успела хотя бы рот открыть.

– Привет, – сказала я, все так же стоя на пороге.

– Привет. Проходи.

Я с удовольствием оглядела комнату. Да, что-то подобное и надо устраивать в общежитиях. Маленькая комнатка была рассчитана на двоих. Две кровати, по обе стороны от окна, между кроватями две тумбочки, с одной стороны от двери платяной шкаф и письменный стол с тремя стульями, с другой – платяной шкаф и что-то вроде холодильника. Пол сделан из толстых досок и тщательно отполирован. Но ковриков нет. На одной из кроватей лежит подушка и толстое одеяло, на второй – только матрас в веселенькую красную полоску. Совсем как американский флаг, только звездочек не хватает. Я прицельно запустила рюкзак под кровать, а сама бухнулась на матрас.

– Ты тоже собираешься поступать? – спросила соседка.

– Конечно! А ты на какой факультет поступаешь?

– Это неизвестно до самого последнего момента.

Кажется, девушка знала больше, чем я. Надо было это исправить.

– Это как? Объясни?

– Завтра в полдень мы все выйдем на поле собраний, и

нам начнут называть факультеты. Когда ты услышишь то, что нужно тебе, к чему у тебя сердце лежит, ты выходишь вперед и дотрагиваешься до Определяющего Кристалла. Если он засветится, то есть подтвердит твой выбор, ты принята. Если же нет – тебя отправят назад. А почему ты так поздно? Все прошли через ворота уже три-четыре часа назад.

– А я только сейчас. Я ведь здесь чисто случайно. Увидела ворота в лесу, заинтересовалась и прыгнула. А ты?

Глаза у моей собеседницы были по копейке, а теперь стали по рублю и полезли из орбит.

– Ты всерьез? Но это ведь бывает крайне редко!

Я передернула плечами:

– Ничего не поделаешь, я всегда была, что называется, не пришей кобыле хвост. Отовсюду вылезала и никуда не хотела залезать. Скажи, а ты давно знаешь о существовании этого мира?

– Давно. С детства. Но через ворота смогла пройти только сейчас. – И, видя мое недоумение, пояснила: – Мои родители – колдуны. Они лечат людей и часто говорили мне, что я унаследовала их дар. И я тоже хочу лечить людей!

– Ты – или твои родители?

– Конечно я!

Я пожала плечами. Лично меня целительство не привлекало ни в каких видах. Хватало уроков анатомии.

– А где ты жила в том мире?

– В Новосибирске. А ты?

– На волчьей родине.

– В городе, в котором есть две улицы прямые, и фонари и мостовые…

– Там два трактира есть, один – Московский, а другой – Берлин, – подхватила я.

– А у вас там еще волки остались, в тамбовских лесах?

– Черт их знает. Во всяком случае, я с ними не встречалась.

– А с кем встречалась?

– С кабаном. – Я покраснела и фыркнула. – После этой встречи наш лес небось все кабаны стали за версту обходить!

– Это как? Расскажи?

– Да чего тут рассказывать! Мы тогда летом отдыхали на турбазе. И пошли в лес за черникой. Идти за десять километров, если не за пятнадцать. Я, мама и еще трое ее подруг. Дошли, сидим, собираем ягоду – вдруг кто-то топает в кустах. И одна из маминых подруг, истеричка, каких свет не видывал, говорит:

– Ой, мамочки, это, похоже, кабан!

А кто-то в кустах топает. Я, правда, не знаю, кто там был. Может, кабан, может, грибник, но истерика-то вещь заразная! Эта идиотка послушала еще несколько минут, а потом как заверещит на весь лес:

– Каба-а-а-ан!!! Карау-у-у-ул!!! Спаси-и-и-ите!!!

Да как ломанется в лес! Хорошо хоть в противоположную сторону от кабана. Мы, естественно за ней, она ж в ле-

су не ориентируется, заблудится, ищи эту дуру потом! Вещи похватали и помчались на третьей космической. Кто орет: «Стой, ненормальная!» Кто верещит: «Помогите, кабан!» Но весело всем. Мы бы ее остановили метров через двести, но тут по закону подлости ее вынесло еще на группу ягодников, человек в десять. Она верещит, а они как услышали, что она верещит, так за ней и помчались. Подумали, что ее кабан сожрать хочет, или нас за кабана приняли. И тоже орут на весь окрестный лес: «Спасите-помогите, нас кабан преследует!» Минут двадцать мы круги по лесу наматывали. Если там какой кабан и был, то он, забыв обо всем на свете, сбежал куда подальше! Мы-то несемся по лесу и орем дурниной, причем каждый – свое, и поди разберись, кому что нужно! Но потом у истерички завод кончился. Повезло. Разбирались мы там еще битый час, черники толком из-за этой ненормальной не набрали. И молчали потом, как рыбы. Если бы кто узнал, над нами бы вся турбаза смеялась. Одно дело – от кабана удирать, а другое – от своего хвоста… заячьего.

– Да, думаю, все кабаны из вашего леса просто мигрировали, – подвела итог соседка по комнате.

– Наверное, – зевнула я. – Давай спать, а?

– И ты можешь заснуть перед таким важным моментом в твоей жизни?! – изумилась она.

Я могла заснуть даже в новогоднюю ночь под грохот праздничного салюта, в чем честно и призналась. Потом достала из своего шкафа постельное белье, разделась под оде-

ялом и отключилась в мгновение ока. Слишком много было на сегодня впечатлений. Как говорила моя подруга в том далеком мире, «перегрелся кинескоп». И я заснула спокойным глубоким сном, которому не мешали на свет, ни вздохи соседки.

* * *

Меня разбудили первые солнечные лучи. Соседка по комнате все так же сидела в кресле и листала какую-то книгу.

– Доброе утро, – поприветствовала я ее.

– Доброе… если его можно так назвать, – согласилась она.

Я фыркнула:

– Чего тебе еще не хватает? Мы живы и в безопасности! Хотя ты просто не выспалась, потому и нервничаешь.

– Но я не могу спать, когда волнуюсь!

Я посочувствовала соседке. Интересно, сколько дней в году она спала бы, учась в нашем институте? Думаю, не очень много. Но развивать эту тему я не стала, а просто поинтересовалась:

– Слушай, а здесь водопровод и канализация имеются?

Такое уж я приземленное создание.

И первое, и второе имелось, но на деревенском уровне. Канализация по типу ямы в земле, водопровод – из колодца. Не могу сказать, что я была счастлива, но это лучше, чем ничего. А ледяная вода бодрила и придавала сил. Все «удоб-

ства» находились в маленьком дворике, обнесенном высокой стеной, без малейшего признака дверей. Об этом я и спросила у соседки, вернувшись в комнату.

– Нам не стоит выходить до полудня, – пояснила она. – Потом двери откроются.

Любые запреты вызывали во мне только одно желание – нарушать их.

– Это официально? – поинтересовалась я.

– Нет, просто традиция. А что?

– Хочу на улицу. Или просто погулять по Универу. Интересно, откуда такое название?

– Хочешь, я дам тебе книгу по истории? – предложила соседка. – Там рассказывается об этом.

– Давай, – кивнула я. Авось зачитаюсь.

Соседка протянула мне тяжеленный том, и я открыла его и перевернула первый лист. Книга была явно не из бумаги. Плотные, зеленоватого оттенка страницы пахли рекой. Позднее я узнала, что это листья озерного плавунца, выведенного оборотнями, и что он составляет важную часть их экономики. Но книга была интересной. Странные буквы с легким наклоном влево стали знакомыми и понятными. Я даже улыбнулась им, как старым друзьям. Все-таки рукописные книги гораздо интереснее печатных. И можно многое узнать об их авторе по почерку. «Записи по истории земли, сделанные Верховными колдунами Магического Универа» – краснело заглавие. И в уголке было мелко приписано: «копия».

Я открыла первый рукописный лист.

«Я, Элаорн Карием, бывший принц Леса Друидов, а ныне волей судьбы первый директор Магического Универа, начинаю историю земли с первого дня второго года после уничтожения Храма Рока. Магический Универ, наше детище, еще не открыт и вряд ли откроется слишком скоро. Нам предстоит сделать многое, очень многое. Ученикам надо где-то жить, чем-то питаться, учиться по каким-то книгам, но ничего этого мы предоставить им пока не можем. Мы маги, но даже если объединим все силы, то едва-едва уложимся в десять лет. Какое счастье, что друзья помогают нам, не требуя ничего взамен…»

Книга действительно была интересной, но с семи утра до полудня не смогу читать даже я. Около девяти часов я поняла, что если не отложу книгу и не выйду на улицу, то получу страшную головную боль. С другой стороны, как я найду дорогу в этом переплетении коридоров? Проще отыскать дорогу в лабиринте. Интересно, а минотавры здесь бегают? Проверять не хотелось. Я вернула соседке книгу и заходила кругами по комнате. Наглый солнечный луч в третий раз пощекотал мне нос, я поморщилась, а потом до меня дошло, и я бросилась к окну.

Окна здесь были отличные: широкие, двустворчатые, с настоящим стеклом и со ставнями, вылезти в такое окно могла не только я, но и моя бабушка, милая дама объемом сто двадцать – сто двадцать – сто двадцать. Я высунула голову и

повертела ею в разные стороны. Ага! В двух шагах слева от окна проходит водосточная труба, да какая! Тяжелая, прочная даже на вид, с завитушками и узорами. Лазить по таким трубам – одно удовольствие. Только вот чтобы добраться до трубы, мне придется какое-то время стоять на отвесной стене. А вдруг сорвусь? Ладно, будем надеяться на лучшее. Я сняла сапожки, связала их и перекинула через плечо.

– Ты с ума сошла? – разгадала мои намерения соседка.

– Так утверждают многие мои знакомые, – огрызнулась я. – Но никто еще не установил дату этого исторического события. Не желаешь попробовать?

– Мне и пробовать не надо. Ты родилась уже сумасшедшей.

– Это понятно. А куда выходит окно?

– На территорию Универа.

– Это хорошо. Еще немного, и у меня клаустрофобия начнется!

– Ты понимаешь, что тебя могут выгнать?!

– Что не запрещено, то разрешено, – отрезала я и распахнула окно. Пару минут просто сидела на подоконнике, привыкая к высоте, потом перевернулась, нащупала пальцами ног какие-то уступы, прочно зацепилась за них и аккуратно поползла по стене. Через пару секунд я ухватилась за водосточную трубу и помахала соседке:

– Не хочешь присоединиться?

– Ни за что! – отрезала она.

– Ну и зря. Тогда оставь окно открытым.

– Оставлю. Смотри не разбейся.

Блин, ну и пожелание! А главное – вовремя. Соседка по комнате мне начинала активно не нравиться. Не люблю ни занудства, ни излишней правильности. А из нее эти качества так и били фонтаном. Я кое-как сползла по трубе, отряхнулась, натянула сапожки и отправилась на поиски приключений. Долго ждать их не пришлось. Уже за вторым поворотом на меня налетел какой-то растрепанный тип.

– Осторожнее! – возмутилась я. – Глаза, что ли, на столе забыл?!

– Прошу пардону! – фыркнул нахал.

Я похлопала себя по карманам.

– Пардону нет, я его тоже дома забыла.

Шуточка была так себе, третьего сорта, но парень улыбнулся, я подмигнула в ответ, и мы расхохотались, как добрые знакомые.

– Во что ты одета?! – возмутился он, отсмеявшись и разглядывая меня. – Через три часа начнется церемония, а ты выглядишь как пугало!

– На себя посмотри! – тут же обиделась я. – У тебя умерла любимая теща?

Парень действительно был одет в черные лосины и черную тунику, а на плечах у него развевался короткий черный плащ. Сапоги – и те были черными.

– Погоди, – не понял он, – так с какого ты факультета?!

– Я еще ни с какого, я пока не поступила, – объяснила я.

Глаза у него стали просто квадратными.

– И ты – здесь?!

– А где мне еще быть?

– В своей комнате!

– Мне там стало….

– Ой, мамочки, Ведун! – перебил меня парень. – Все, увидимся потом, на церемонии!

Он поклонился кому-то за моей спиной и растаял в воздухе, как мороженое в горячем кофе.

Я обернулась, уже зная, кого я увижу. Верховный колдун, директор Универа Антел Герлей.

Мне тоже захотелось растаять в воздухе, но я этого еще не умела и потому осталась на месте.

– Позвольте узнать, юная леди, что вы здесь делаете?

Вопрос был глупым, так что ответ оказался нахальным.

– Мне стало скучно, и я решила пойти погулять, – я невинно захлопала ресницами.

– Нет, вы слышали, ей стало скучно?! – поинтересовался колдун у неба, стен и травы под ногами одновременно. – А мое заклинание?

– Какое заклинание? – искренне удивилась я.

– Никто не должен был выходить из корпуса без моего разрешения!

– А я и не выходила!

Теперь удивился уже Ведун:

– Но как тогда?

– Я вылезла в окно и спустилась по водосточной трубе.

Ведун покатился со смеху, потом все же попытался выглядеть суровым, но безуспешно.

– Об окнах я не подумал. Ладно, ты прощена. А теперь давай вернем тебя на место.

– Скучно! – пожаловалась я.

– Ничего, повеселишься после полудня. А о чем ты говорила с Каном?

– Ни о чем. Я не успела поговорить с ним. А его зовут Кан? Это имя или прозвище? Он студент Универа? Ну, правда, я же от любопытства помру!

Ведун испытывающе посмотрел на меня, потом решил, что я говорю правду, и кивнул:

– Если помрешь, возьмем тебя привидением. Нам парочка по штату положена, а нету.

– А это у него траур или форма? – поинтересовалась я.

– Форма.

– А какого факультета? – за разговорами мы потихоньку направились обратно в корпус.

– Тебе это неважно. На этот факультет женщины все равно не принимаются.

– Почему?! – взыграл во мне феминизм.

– Потому что сами не хотят. Или Определяющий Кристалл их отсеивает.

Я вздохнула.

– Готова поспорить с вами на что угодно, что я поступлю именно на этот факультет.

В глазах директора зажегся азарт. Да, недалеко он ушел от того мальчишки с иллюзии.

– Договорились! Спорим на полстипендии, что ты выберешь другой факультет. Если вообще не поступишь, пари считается недействительным.

– По рукам! – кивнула я.

Мы повернули за угол, и Ведун распахнул передо мной дверь нашей комнаты.

– До встречи.

– До встречи. – Этот тип начинал мне нравиться. Если я не поступлю, мне будет очень грустно. Лишиться ТАКОГО директора института?! Это же натуральная жизненная трагедия!

Остальные два часа я провела, тупо листая книгу и отвечая на все соседкины расспросы невразумительным мычанием. Достала меня эта зануда! Ну сколько можно?! Я таких еще дома не выносила! Отличники, зубрилки, все правильные до отвращения и своей правильностью всем остальным в нос тычут. Редкостные стервы!

Наконец кто-то постучался в нашу дверь, и я увидела того самого парня, с которым болтала.

– Нам пора идти на площадь.

Я отдала книгу соседке и подошла к зеркалу. Надо же привести себя в порядок! Да, определенно надо. Волосы торчат

во все стороны, губная помада размазалась по подбородку. Кан наблюдал за моими действиями с явным интересом.

– Слушай, а что ты такого наболтала директору, что он на меня даже не сердился?

– Ничего. Мы с ним просто поспорили на полстипендии, что я поступлю на единственный факультет, на который женщины до сих пор не принимались.

– Балдеж! – протянул Кан. – Если ты и вправду это сделаешь, будет круто! Девчонки, давайте, собирайтесь быстрее, а? Вы же ненадолго! Сделаете выбор и обратно домой!

– Типун тебе на язык и еще три на задницу, – огрызнулась я. Соседка поморщилась, но Кан только фыркнул:

– Можешь не трудиться, это сейчас лечится.

Мы шли по коридорам, спускались и поднимались по лестницам, поворачивали направо и налево. Я снова подумала, что здесь можно запросто заблудиться, когда наш провожатый свернул налево, и передо мной открылась огромная арена. Вверх от огромного поля, на котором сейчас толпились множество людей, шли скамьи, раскрашенные в пять цветов. Красный, желтый, зеленый, голубой, черный. И такого же цвета была одежда людей на скамейках. Красные плащи на красном поле, зеленые – на зеленом, черные – на черном. Я подумала, что черный цвет стройнит, и удивилась своим мыслям. Почему именно черный, а не зеленый или желтый? Хотя мне, как подлецу, все к лицу. На арене стояли люди в самой разной одежде.

– Иди туда, к ним, – подтолкнул меня Кан. – Ни пуха, ни пера.

– К черту!

Сильный толчок вмял меня в толпу вместе с соседкой. Я тут же развернулась, собираясь дать нахалу подзатыльник, но было поздно. Люди зашумели, заволновались. Потом все стихло. На трибуне прямо перед нами появился директор Магического Универа.

– Друзья мои! Маги и ученики магов! Люди и не-люди! – провозгласил он. Голос его, негромкий, но отчетливый, был великолепно слышен во всех концах площади. – Сегодня вы собрались искать здесь свою судьбу. Я надеюсь, что нам не придется расстаться ни с одним из вас. Но я сразу же напоминаю вам, что, если у вас что-то и не получится, это не страшно. Через пять лет каждый из вас может попытать счастья снова. Сейчас вы построитесь в шеренгу, а я стану называть факультеты, на которых вам предстоит учиться. Если вы чувствуете, что именно это – ваше призвание, вы должны сделать шаг вперед. Потом вы по очереди будете подходить к Определяющему Кристаллу и дотрагиваться до него. Если вы выбрали неправильно, кристалл останется белым, а вы молча уйдете, надеюсь, чтобы вернуться сюда еще раз. Если Определяющий Кристалл признает вас и засветится, я назову учеников, которые возьмут над вами шефство на первое время, покажут вам Универ и расскажут о нашей жизни. Прошу не толкаться и подходить по очереди. Любой затеяв-

ший ссору будет выкинут за порог. Все ясно?

– Ясно! – крикнула я, но мой голос потонул в шуме согласий. Директор Универа медленно поднял руку. Толпа расступилась, и я увидела простую белую глыбу, лежащую на зеленой траве.

– Факультет лекарей! – провозгласил Антел Герлей.

И цепочка людей медленно потянулась к глыбе. Я хорошо видела, как первый человек подошел к простому куску кварца и дотронулся до него. Белый камень заискрился мягким голубым светом. Человек отнял руку и свет погас. Со скамьи поднялся юноша в голубом плаще, подошел к человеку и то-то сказав ему, потянул за собой. А к камню уже притрагивался следующий. Я стояла на месте. Лекарем я быть не хотела. Увы. В моем сердце нет необходимых для этого жалости и терпения. Все они были израсходованы на мою бабушку, милую даму, которая просто обожала болеть и лечиться. Нет, я не хочу сказать о ней ни одного дурного слова, но всему есть предел! Например, когда ваша бабушка вызывает врача и на полном серьезе объявляет ему:

– Доктор, у меня, наверное, перелом позвоночника!

Ей-же-ей, я жалела об отсутствии фотоаппарата. Лица врачей, услышавших это сообщение, были просто неописуемы. Квадратные глаза и отпавшая челюсть. Медики спешили выписать ей какое-нибудь лекарство тысячи за две рублей стоимости и сматывались со скоростью кометы. К счастью, покупать все эти таблетки нам не приходилось. Бабушка не

до такой степени любила болячки, чтобы тратить на них всю пенсию.

– Факультет временной магии!

Я огляделась. На площади осталось не больше половины людей, которые были здесь с самого начала. Неужели на медиков такой большой спрос? Моя соседка тоже исчезла с площади. Тоже стала лекарем? Хотя она же к этому и стремилась. Теперь камень вспыхивал светло-желтым огнем. Магия. Она была везде, она текла и струилась, пощипывала кончики пальцев и приятно холодила кожу, ей был пропитан сам воздух на арене, и что-то раскрывалось внутри меня, стремясь на свободу. Иногда камень не вспыхивал. Тогда к обиженным людям подходили субъекты в черном и уводили их прочь. Кто-то из неудачников шел спокойно, многие плакали.

– Факультет стихийной магии!

На поляне преобладали алые тона. Но на факультет стихийной магии людей шло гораздо меньше, чем в лекари. И в основном мужчины.

– Факультет изучения иных форм жизни.

Камень, вспыхивая нежно-зеленым цветом, сливался с травой. Рядом со мной оставалось двенадцать человек, когда Антел Герлей объявил:

– Факультет боевой и практической магии.

Я огляделась вокруг. Двенадцать мужчин, я – тринадцатая и последняя в шеренге. Больше на всей арене никого.

Мужчины стали поочередно прикасаться к камню. Он окрашивался в черный цвет то ярче, то светлее, три раза он вообще не зажегся, и неудачников тут же увели прочь. Наконец я осталась одна. Странное дело, раньше мне было бы неприятно всеобщее внимание, сейчас же меня словно какая-то сила вела. Кто-то большой шагал рядом со мной к камню, и его присутствие успокаивало меня. Я уже не владела своим телом. Мной управлял кто-то другой, но это было даже приятно. Он поднял мои руки и положил их на камень. Черным огнем полыхнуло так, что я зажмурилась. Осторожно убрала руки и только потом открыла глаза. Камень медленно и словно нехотя светлел. Я увидела отвисшую челюсть Верховного Колдуна и постаралась максимально адресно подумать: «Она всех вечно удивляла, такая уж она была».

Антел Герлей звучно захлопнул челюсть и прокашлялся.

– Кан! – рявкнул он. – Доставь ее в мой кабинет немедленно!

Ко мне подошел кто-то, взял за руку и потянул с арены. Я не сопротивлялась. У меня голова шла кругом. Голос Ведуна позади вещал что-то утешительное на тему второй попытки через пять лет.

– Ты спишь или как? – раздался над ухом веселый голос.

– Или где! – рявкнула я. – Что надо?!

– Это не мне, а тебе надо в кабинет шефа.

– Извини, совсем забыла, – покаялась я и впервые посмотрела на своего собеседника как на человека. У него были ве-

селые голубые глаза, светло-русые волосы и россыпь веснушек на носу. Черное ему просто удивительно не шло.

– Никогда бы не поверил! – признался Кан. – Так что получается, директор проспорил тебе полстипендии? С тебя бутылка!

– Если меня еще примут.

– А куда они денутся? Твой выбор совпал с выбором *силы*, теперь даже Вечный Свет тебе не помешает.

– Вечный Свет?

– Это вы потом будете проходить, на богословии. Религия Тьмы, религия Света… В общем, всякой твари по паре.

– Слушай, а почему на ваш факультет никогда не принимали женщин?

– Да нипочему! Официального запрета на это нет. Просто так повелось! Считается, что для женщин проще лечить, чем убивать.

Я потерла виски. Голова у меня шла кругом. Неужели это все по-настоящему?!

– Я тебя уверяю, это более чем по-настоящему, – ухмыльнулся Кан. – А ты часто думаешь вслух?

– Когда у меня шарики заходят за ролики, мне становится по фигу, как я там думаю! И вообще, некрасиво подслушивать чужие мысли!

– Ладно тебе, не переживай! Сейчас подпишешь договор, получишь новое имя, и пойдем за одеждой и твоей первой стипендией. Все будет пучком!

Легко ему было говорить. А мне каково?! Я даже не успела поступить в Универ, зато успела поспорить с директором, выиграть пари и напроситься на факультет, на который женщин просто не принимают. Не проще ли будет избавиться от меня, чем разбираться с таким сомнительным счастьем?

С этим вопросом в голове я и вошла в директорский кабинет.

– Не проще, – тут же ответил Антел Герлей, кивая мне на кресло. – Садись, и давай поговорим.

Я повиновалась и уставилась на него преданными глазами.

– Могу заверить тебя в тысячу триста сорок второй раз: ты не спишь, не ударилась головой о дерево и не наелась мухоморов с последующими галлюцинациями. Ты действительно в другом мире и хочешь не хочешь, пробудешь здесь еще лет десять. После десятого курса особенно способные уже смогут проходить между мирами. А что-то мне подсказывает, что в отстающих ты не окажешься. Теперь об условиях. Каждый лунный круг студенты получают стипендию в десять золотых. Столько же отправляется и их семье. Лунный круг, поясняю, это ровно двадцать восемь дней. Десять золотых на ваши деньги примерно равны пятидесяти тысячам российских рублей.

– Но это же очень много!

– Для нас получение золота уже давно не проблема. Философский камень мы, конечно, не изобрели, он невероятно сложен в получении, а ингредиенты для него иногда дороже

золота, так что он себя попросту не окупает, но мы не бедствуем. Универу принадлежит кое-какая земля, а наши услуги довольно дорого оплачиваются. Да и цены здесь повыше, чем в вашем мире. Поверь, стипендии никогда не хватает. Но теперь поговорим о том, что важно в данный момент. Ты еще не выбрала себе имя?

– Нет.

– Тогда в следующие пятнадцать лет будешь Ёлкой.

– Ёлкой?!

– Да. Тебя же зовут Юлия? Леля? Но это имя тебе не подходит. А вот Ёлка – в самый раз. Да и с твоим именем не очень созвучно, значит, порча не подействует даже случайно.

– А почему дерево?

– Будешь вредничать – попрошу всех называть тебя Сосной. Или Дубом.

– Не все то дуб, что дерево… Ёлка…

Я примерила это имя на себя. Ель, Ёлка, Ёлочка… А что, вполне!

– Вот и отлично, – предупредил мое согласие Ведун. – Далее, ваши пятнадцать золотых, госпожа ученица магов. Обычная стипендия – десять, но с проигрышами у нас принято расплачиваться как можно скорее, учтите на будущее, ученица. Одежду получите бесплатно на складе, правда, там только мужская, а женскую вам дадут в начале следующего лунного круга. Когда сошьют. Но вас ведь мужская одежда не пугает? – Я помотала головой. – Вот и отлично! Напиши-

те письмо родным, я отправлю его в ваш мир. Откуда вы хотите, чтобы оно пришло?

Я подумала и выбрала наиболее спокойную страну:

– Из Англии.

– Отлично! У нас много учеников из Англии. И последнее. Необходимо подписать договор.

– Кровью? – плоско пошутила я.

– Кровью не надо. Хватит черных чернил. Прочтите.

Договор был коротким, и запомнила я его почти дословно.

ДОГОВОР

Подписанный 37-го летня 6004 года от закрытия ворот и 156494 года от основания Магического Универа Верховным колдуном и директором Магического Универа Антелом Герлеем и ученицей мага с инициалами Ю.С., носящей в этом мире имя Ель. Данная ученица на двадцать первом году жизни с настоящей секунды считается полноправной студенткой факультета боевой и практической магии и принимает на себя все права и обязанности, соответствующие данному статусу (см. Кодекс поведения, свод прав и обязанностей ученика мага от 153492 года, исправленный и дополненный).

ПОДПИСЬ ДИРЕКТОРА

ПЕЧАТЬ УНИВЕРА

ПОДПИСЬ УЧЕНИЦЫ.

Верховный колдун взял изящное золотое перо, расписался и протянул мне вместе с договором. Я лихо черкнула: «ЁЛКА» в нужном месте и отдала бумагу обратно. Антел Герлей свернул его и убрал в ящик стола. И кивнул мне:

– Наклонись ближе.

На мою шею скользнула холодная тонкая цепочка с черной пластинкой. Я скосила глаза, пытаясь рассмотреть ее. На пластине было выбито несколько изящных рун.

– Магический Универ. Ель. Что это?

– Вроде опознавательного знака. Такое все носят. Кстати, он не снимается. Только через пятнадцать лет.

– Это на случай, если меня кто-то съест? – поняла я. – Чтобы было по чему опознавать?

Развивать эту тему Антел Герлей не пожелал и махнул на меня рукой:

– Все. Остальное расскажет и покажет Кан. Ты свободна.

– До свидания, – попрощалась я, сунула первую стипендию в карман и направилась к двери.

– Не туда, – поправил меня директор. – Вон в ту дверь. Кан уже ждет там.

– А что за той дверью? Голодный вурдалак?

– Гораздо хуже, – ухмыльнулся директор. – За той дверью очередь из двухсот двенадцати поступивших, которым не терпится подписать свой договор.

Я кивнула и улетучилась за дверь. Кан стоял, прислонившись к стене и насвистывая какой-то незнакомый мотивчик.

При виде меня он прекратил работать колонной и подмигнул:

– Ну что, подписала свою кабалу?

– А то. Будем знакомы, меня теперь зовут Ёлка.

– Держи пять, Ёлка! Кстати, тебе это имя чертовски идет!

– Кан, а ты из какого мира? Техники или магии?

– Мы практически соседи, Ёлка. Только ты, по-моему, русская, а я поляк.

В географии я разбиралась слабо, а Польшу знала в основном по книгам Хмелевской, которую почитывала моя бабушка в свободное время, приговаривая: «Брехня, но посмеяться можно». В чем и призналась Кану. Он немного обиделся, и я минут пять слушала лекцию на тему: «Польша – это хорошо, а Россия – плохо». Я, в свою очередь, ни обидеться, ни поссориться с Каном не успела. При очередном повороте за угол нас окружила толпа, целиком состоящая из мужчин в черных плащах. Кажется, это все были студенты с моего факультета. Молчание длилось несколько минут, прежде чем я успела разозлиться и открыть рот.

– Ну и чего вы смотрите на меня, как на обезьяну в зоопарке?! У меня что, третья пара ушей выросла?!

– Да нет, – протянул кто-то в толпе. – Слушай, а кто ты такая?

– Человек прохожий, обшита кожей! Неужели не видно?!

– Да не в этом смысле!

– А в каком?! – медленно зверела я.

– Что ты сделала, чтобы Кристалл тебя распределил к нам на факультет? – спросил уже другой голос.

– Ничего! Подошла и положила руки!

– Но так не бывает! Боевая магия вообще не для женщин!

– Твое счастье, что я вообще никакой магией пока не владею! – обиделась я. – А то бы я тебе лично показала, где раки зимуют.

В толпе засмеялись.

– А что ты сделала с директором?! Это же нарушение всех традиций?!

– Да ничего я не делала, – невинно захлопала я глазами. – Просто сегодня с утра я вылезла из комнаты через окно, пошла гулять, пару минут мы поболтали с Каном, потом меня отловил директор, и мы с ним, не сходя с места, поспорили, что я, ничего не зная, поступлю именно на тот факультет, на котором женщин раньше не было. Ну и я выиграла.

– Круто начинаешь! – протянул один из парней, стоящих рядом со мной, невысокий темноволосый крепыш. – Будем знакомы, Кесс.

– Давай пять. Меня нарекли Ёлкой.

Кесс сжал мою руку так, что пальцы едва не сплющились в монолит. Мне очень захотелось взвыть от боли, но я промолчала и потихоньку отделила их друг от друга. Через это просто надо пройти. Или я стану «своей девчонкой», можно «своим парнем», или… О второй возможности лучше просто не думать. Кесс хлопнул меня по плечу.

– Нас мало, но мы в тельняшках, Ёлка. Пошли, получишь одежду, и мы тебя познакомим с нашим родным и любимым Универом.

– Заметано! – с восторгом согласилась я.

Мы успели получить у жутко неприветливой кладовщицы три комплекта одежды – лосины и туники черного цвета, один комплект парадный, один зимний, один летний, два плаща – осенний и летний, зимнюю куртку, две пары сапог и сандалии на деревянной подошве, все веселенького черного цвета. Плюс сумка и пояс. При этом мне сообщили, что «бабы совсем стыд потеряли», что «не напасешься на всякую голытьбу» и что «следующая выдача через год и три дня, и не вздумайте прийти раньше».

– Повезло тебе, – фыркнул Кесс. – Обычно у этой грымзы новых вещей шиш допросишься!

– Женская солидарность сработала, – пожала я плечами.

Собственно, и вещи секонд-хэнд меня бы не шокировали. Свою любимую ветровку, явно не ношенную, я купила именно в секонд-хэнде за двести рублей, и это было примерно на полторы тысячи дешевле, чем на рынке. Мы, то есть я, Кан, Кесс и еще несколько десятков парней, перетащили мои вещи из комнаты, которую мы делили с девчонкой из Новосибирска, в другой конец здания. Причем трое тащили, а все остальные развлкались в меру своей фантазии, строя предположения о моем будущем. Я огрызалась.

– Наше общежитие именно здесь, – объяснил Кан. – А то,

наверное, отдадут лекарям. У них, как всегда, перебор. Триста с хвостиком человек приняли. А к нам больше пятнадцати человек за раз не попадает. Раньше, говорят, здесь и нелюди учились, но сейчас их почти не бывает. Но это из-за нашего короля. Он у нас горячий сторонник чистой крови.

Я не стала вникать в тему.

Моя новая комната ничем не отличалась от старой. Та же обстановка. Только раскрашено все в цвета ночи. Ну и второй девушки в ней не предвиделось. А парня ко мне подселить было нельзя. Я этому только обрадовалась. Иногда одиночество необходимо. Ребята подождали снаружи, пока я переодеваюсь, и потащили меня на скорую руку знакомиться с Универом.

Если вкратце, Универ вполне тянул на какой-нибудь райцентр по числу студентов. Он состоял из нескольких корпусов, соединенных переходами и обнесенных высокой кирпичной стеной. В центре находилось самое старое здание Универа, говорили, что его построили сами основатели. Там обычно шли занятия. Вокруг стояли еще шесть корпусов общежитий: для лекарей, временщиков, нечистиков, стихийников и самоубийц (так в просторечии именовался наш факультет) и шестое – для преподавателей. Оно было заполнено примерно наполовину. Кто-то из учителей жил здесь с семьей, кто-то предпочитал держать семью вдали от себя, кто-то еще не обзавелся второй половиной и потомством. Еще были несколько стадионов для тренировок, две полосы пре-

пятствий, пруд и речка, петлей охватывающая нашу территорию. Объяснив мне все это в темпе вальса, ребята потащили меня в столовую. Сегодня, в честь новых мучеников науки, устраивался пир. И пропускать его не стоило. За соседним столом я увидела и свою бывшую соседку, уже в нежно-голубом наряде факультета лекарей.

– Привет медикам, – помахала я рукой.

– Привет бойцам! – улыбнулась она. – И как тебя теперь зовут?

– Ёлка.

– А я – Береза.

– Тебе идет.

Я ни капли не кривила душой. Соседка и правда была похожа именно на березу. Высокая, со светло-русыми волосами, бледно-голубыми глазами, классическими чертами лица и фигурой супермодели, то есть сплошные кости в разные стороны от позвоночника. Небось все время на диете. Да она и сейчас ела, как воробей. Я, успев проголодаться, не миндальничала с обедом. Но, учитывая, сколько ели ребята, я могла бы слопать и втрое больше. Я же представляла собой полную противоположность Березе. Среднего роста, с неплохой, но уж никак не модельной фигурой, темноволосая, вечно растрепанная, длинноносая и лопоухая, с глазами того оттенка, который благородно именуется «ореховым». В общем, Ёлка. Антел Герлей попал в точку.

– Тебе тоже идет твое имя, – согласилась Березка. – Жаль,

что ты переехала. Мы могли бы стать хорошими подругами.

– Заходи в гости, – предложила я.

– К вам на факультет?! Лучше сразу повеситься!

– Уговорила, – кивнул Кан, утаскивая у меня из тарелки вкуснющий бутерброд. – Вечером зайдешь ко мне, я тебе дам веревку и мыло.

И добавил, уже мне на ухо:

– Ну и тля березовая! Вовремя ты от нее удрала! От ее занудства и молоко скиснет!

Должна признаться, я была с ним полностью согласна. Что было дальше, я помню весьма смутно. Кажется, мы провозглашали тосты за первую женщину на факультете боевой магии (Кесс), за сам факультет (лично я), за Магический Универ (Кан), за его основателей, за людей во всех мирах, за нелюдей в тех же мирах, за магию и колдовство, за то, чтобы не переводилась работа для боевых магов, за Вечный Свет, за Вековечную Тьму, за Силы Леса…. дальше я уже отключилась. Где-то около полуночи Кан оттащил меня в мою комнату, поставил на тумбочку у кровати трехлитровую банку с огуречным рассолом и смылся допивать оставшееся.

Как я была ему благодарна на следующее утро!

* * *

Утро было похмельным.

Дети и взрослые, никогда, НИ-КОГ-ДА не нажирайтесь

как хрюшки. Даже если вас только что приняли в Универ вашей мечты.

Я пришла в себя только после трех стаканов рассола. И начала переодеваться. Оказывается, я завалилась на кровать прямо в форме. Пришлось быстренько снять ее. Мятая и в каких-то подозрительных спиртовых пятнах, она была… м-да.

Надо бы найти прачечную.

А еще мне хотелось в душ, в туалет…

Я натянула штаны, собрала вещи в большой сверток и кое-как пригладила волосы. Из зеркала смотрело привычное усталое и растрепанное чучело. Ну и что? Внешность не главное, главное в человеке – душа. И – листья петрушки, потому что при таком запахе перегара до души дело уже не дойдет.

И я поскакала по коридору.

Первым, кто мне встретился, был молодой парнишка, не старше меня. Смешной. Растрепанные светлые волосы, коренастая фигура веснушчатый нос – и широкая улыбка. И форма факультета самоубийц. Черный плащ. Грозный черный плащ!

– А сама-то! – возмутился парень. И я поняла, что последнюю фразу опять выдала вслух. Бывает…

– И я. А ты…

– Ученик мага первого курса факультета самоубийц Лютик. Дай пять, коллега…

– То же, там же. Ёлка. Ты тоже из России?

Мы крепко пожали друг другу руки.

– Из нее, родимой. Я тебя видел вчера.

– Наверное, это было уже после шестого тоста.

– Это было аккурат, когда ты подначивала какого-то парня с нашего факультета превратить всех тараканов в столовке в семечки.

Я этого в упор не помнила.

– И что? Превратил?

– Да. Но семечки оказались тыквенные и на лапках.

Я хрюкнула.

– И что?

– Вы их начали ловить. А потом кто-то предложил их поджарить – и ловить уже жареные. И начал кидаться молниями.

Мне стало плохо. Молнии в деревянном помещении?

– Да ты не волнуйся. Никто не пострадал. Кроме тараканов и шеф-повара. Последний – морально. Хотя… вопил он так, словно эти тараканы были его родными детьми. Так что охоту вы прекратили. Дыры в полу вышли впечатляющие, но какой-то присутствующий друид предложил разобраться с проблемой.

– Разобрался?

Чем дальше, тем больше наш диалог напоминал незабвенную: «Все хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо…»

– А то! Теперь в нашей столовой шикарный пол, заросший

вечнозеленой травкой. И даже с цветочками. Только вот не знаю, какие они будут…

– То есть?!

– Он вырастил росянки для охоты на тараканов. Так что лежать рядом с цветочком я бы никому не рекомендовал. Не съест, так поднадкусывает. А учитывая, что убрать эту пакость еще никому не удалось, столовую теперь спешно переименовывают в «Травяной дворик».

Я хрюкнула еще раз. Что ж… В отличие от маркизы, мы не так страшно отделались.

– А ты не знаешь где тут прачечная?

– Знаю. Где горячие источники. Туда все ходят искупаться и постирать. Проводить?

– А ты свободен?

– Я сам туда собирался.

Улыбка у парня была широкая и обаятельная.

Всю дорогу до источников мы болтали ни о чем. Почему? Лютик предупредил, что его жизнь в том мире – тема запретная. И просил ее не трогать. Поэтому я расспрашивала про Универ. А когда поняла, что приятель тоже знает не слишком много, начала болтать ни о чем. Поделилась парочкой анекдотов, тройкой смешных историй… мне захотелось с ним подружиться.

То есть… он не понравился мне как мужчина, нет. Но иметь хотя бы пару друзей…

Я всегда об этом мечтала.

У источника Лютик подмигнул мне.

– Мальчики – налево, девочки направо.

Я хлопнула ресницами. Обычно бывает наоборот.

– Это еще почему?

Буквы «М» и «Ж» подтверждали его правоту.

– А мне вчера объяснили. Мол, женщина всегда права, а мужчина обязан хоть иногда ходить налево.

Я захохотала.

– А потом ты чем собираешься заняться?

– Пойду в библиотеку.

– Здесь есть библиотека?! – взвизгнула я.

Книголюб я на генетическом уровне. За прошлые пять поколений у нас все собирали книги. И умудрились сохранить их в войнах и революциях. Подозреваю, что из огня мы потащим тоже – книги. А брюлики? А пускай горят!

– Есть.

– Люу-утик… – заныла я, делая плаксивое лицо, – а можно я упаду тебе на хвост?

– Нельзя. У меня нет хвоста. Но если ты будешь цепляться за подол моего плаща, стонать и рыдать не меньше часа…

Я взглядом поискала что-то вроде бейсбольной биты – единственное приличное изобретение американцев, на мой взгляд… Лютик понял без перевода.

– Ладно. Я планировал часок поваляться в воде. А потом жду тебя у этого же указателя. Покажу, где библиотека. Идет?

– Идет!!! – алчно потерла лапки я.

И поскакала по направлению к пруду.

Мне предстало восхитительное зрелище. Собственно, это было настоящее озерцо, диаметром не меньше тридцати метров, с берегами, изрезанными мелкими заливчиками, так что из одного заливчика совершенно не было видно, что делается в соседних. Над каждым заливчиком висела табличка. С одной стороны на ней значилось большими зелеными буквами местного языка «Свободно». С другой – красным «Занято».

Я так поняла, что хочешь общения – плыви на середину. Не хочешь – сиди в заливчике. Выбрала себе тот, который был подальше. И расположилась со всеми удобствами. Постирала одежду. Искупалась. И даже немного повалялась на горячих камнях…

Кто бы мог подумать, что мне так повезет?

Иначе как бешеным везением я это назвать не могла.

А ведь могла бы не пойти в лес. В конце концов, мне отлично известно: папоротник – не цветет. Но – пошла. И нашла что-то гораздо большее. Не это ли имели в виду кладоискатели?

Жизнь была прекрасна. Я уже и забыла, когда испытывала такое ощущение беспредельного счастья.

Почему? Казалось бы, студенческое время – прекрасные годы. Живи и радуйся. Но – нет.

И во многом была виновата моя семья. Увы…

Наша семья вообще-то довольно большая. Среди двоюродных и троюродных родственников есть и такие, кого я ни разу не видела. Но они почти все живут в других городах. А наша ячейка общества невелика.

Мой отец Борис Синичкин – тот, кого называют «новым русским». К нефтяной трубе он не присосался за ее отсутствием, но зато занялся торговлей кассетами и дисками. Обзавелся кучей студий. Запись, перезапись, видеосъемка и фотосъемка…

Дома он бывал только для сна и еды.

Мама, видя это, окончательно замкнулась в своей науке – она у меня биолог, причем талантливый. Во всяком случае, несколько ее учебников раскупаются в вузах, как горячие пирожки. И не ради того, чтобы их автор поставил зачет. Просто мама умеет объяснить простыми словами то, что другие преподаватели не всегда понимают сами.

Но когда отец углубился в свой бизнес, она сначала пыталась повлиять на него, вытащить с нами в лес, погулять, в школу… да хоть куда! Но у него постоянно были неотложные дела. То одно, то другое… и мама смирилась. Она не стала скандалить. Ругаться. Чего-то требовать. Просто в ней словно огонек потух.

Она начала заниматься только нами – и наукой. А все остальное ей стало глубоко по фиг. Для решения бытовых проблем отец нанял домработницу, что вызвало возмущенные вопли его матери.

А моя бабушка – это отдельный рассказ. Листов так на двадцать. Обо всех ее подвигах я даже не знаю. Но если вкратце…

Она у нас ярая коммунистка. До сих пор состоит в партии. КПРФ, естественно. И участвовать в демонстрациях, и закидать тухлыми яйцами штаб-квартиру другой партии – это для нее раз чихнуть.

Это первое из ее призваний.

Второе – она всегда права.

Третье – она всегда больна. Чем? А в зависимости от прослушанной передачи.

Четвертое – спорить с ней невозможно, потому что она слышит только себя. Всегда. Единственный выход – делать все по-своему. Иногда это выгодно. Иногда – наоборот. Так, например, чиновники из нашего ЖЭКа бабушку не просто уважают. Они на все готовы, лишь бы бабуля не заявилась с личным визитом. Как-никак ветеран, редкостная зараза и в свои восемьдесят способна камни ворочать…

А вот дед сбежал от нее, когда отцу было два года. И так затихарился, что его до сих пор никто не отыскал. А бабушка ведь пыталась. Даже КГБ хотела привлечь… но что-то не сложилось.

Нас с братом она пыталась воспитать, как юных ленинцев. Но тут мать встала стеной. Или мы оставались невоспитанными – или в срочном порядке снимали квартиру и переезжали на другой конец города. Или вообще куда подальше. В

другой город (страну, континент…).

Бабушке пришлось смириться.

Ну и последний – мой брат. Игорь Борисович.

Копия отца. Только более мелкая. И – противная. Он у меня младший – и вечно меня доводит. Я не остаюсь в долгу – а отец в свое время (лет десять назад, когда еще был человеком, а не бизнесменом) драл уши нам обоим. И – за дело. Во всяком случае, на мелочи вроде тараканов в тапках и зубной пасты на носу мы не разменивались.

Хорошее было времечко. А потом все как-то сошло на нет. Брат был на пять лет меня младше. Интересно, как он там будет без меня? Вот бы и его – сюда…

Но чего нельзя, того нельзя.

Такая вот у нас семья. Отец – капиталист, бабка – коммунистка, мать – пофигистка, и мы с братом – продукты окружающей нас социальной среды. Все красивее звучит, чем «обнаглевшие свинтусы».

За размышлениями я чуть не пропустила час икс. Вылетела из купальни, поспешно оделась и поскакала на встречу с прекрасным.

С книгами, если кто не понял.

* * *

Библиотеку я бы сама не нашла. Ни в жизнь.

Библиотека оказалась… невероятной!

Я бы никогда не догадалась, что здоровенная башня размером больше Пизанской – это и есть библиотека. Вся – от подвалов до чердака. Все стены были заставлены книгами. Вверх уходили винтовые лестницы. А у самого входа стояла конторка, за которой сидел сухонький старичок. Такой древний, словно его недавно вытащили из книжки, где он последние сто лет лежал вместо закладки. Белые волосы, падающие до плеч. Бледное вытянутое лицо, такое худое, что, казалось, на кости сразу натянули кожу. Белый балахон. Идеально белый – это в таких-то условиях! Книжная пыль тут не просто парила в воздухе. Правильнее было бы сказать, что она здесь и являлась воздухом. А кислород – это так, добавка.

Но главным в старичке были его глаза.

Светло-голубые. Неожиданно яркие. Цепкие. Умные и очень внимательные. При взгляде в них становилось ясно: этот может построить и роту гоблинов. Или испепелить к лешевой матери. Особенно если те осмелятся вторгнуться в книгохранилище. А Лютик улыбался как ни в чем не бывало. И я удивлялась. Неужели он этого не видит?!

– Привет! – поздоровался Лютик. – А мы за книгами.

– А руки вы мыли? – проскрипел библиотекарь, даже и не думая ответить на приветствие.

– И руки. И ноги. И уши.

– И хвост?

Я невольно улыбнулась. Вот уж чего-чего, а язвительности у этого старичка хватило бы на десятерых.

– Ага, – подтвердил Лютик. – Хотите проверить?

– Показывайте.

Приятель чуть растерялся.

– Что?

– Хвост. И если окажетесь без хвоста, я вам точно ни одной книги не выдам. Пока вы его не отрастите. Или помочь?

– Нет. Спасибо. Я уж так…

Лютик смущенно улыбнулся. И отступил.

– А можно мне книги… без показа хвоста?

– Можно. Первый курс? Новый набор?

– Да.

– Предъявите пластинку.

Лютик послушно потянул за цепочку. Библиотекарь сделал отточенный жест пальцами – и вокруг нее заклубился, сгущаясь, туман. Я хлопала глазами. Клубочек марева подплыл к ладони старика – и вдруг обернулся небольшой книжечкой в черном переплете.

– УМ первого курса факультета боевой магии Лютик… Так. И что вы хотите почитать, молодой человек?

– Записки Аладора Верганского. И «Где обитают чудовища?» Эйны Лори.

Библиотекарь чуть скривился. Но поднял руку. И ему на ладонь медленно спланировали две книги. С обложки одной улыбался молодой мужчина в лихо заломленной шляпе и со шпагой, на которую были насажены пылающие сердца. С другой кокетливо подмигивала красотка с таким роскош-

ным бюстом, что при жизни он ей точно жевать мешал.

– Понятно. Это все?

– Пока все.

– А вы, госпожа будущая волшебница?

Я задумалась. А что я, правда, хочу почитать?

Не знаю. Так может…

– Уважаемый… простите, не знаю, как к вам обратиться…

Я сделала глаза «олененка Бэмби». Вроде бы получилось, потому что библиотекарь сухо произнес:

– Истрон Леронский. Можете обращаться ко мне «магистр Истрон».

– Магистр Истрон, – улыбнулась я. – Я первый день в этом мире. Если не считать дня избрания. И мне хотелось бы спросить вашего совета. Что поможет мне быстрее освоиться с этим миром, с Универом, с моей судьбой боевого мага? Если у вас есть такие книги, я была бы очень признательна вам за совет и помощь…

Голубые глаза сверкнули.

– Признательность в карман не положишь…

Я подняла бровь.

– А что положишь?

– Разумеется, разборку старых рукописей и их каталогизацию. За вами будет час отработки.

– Так давайте я сейчас…

– Нет. Сейчас вы идете читать и осваивать прочитанное.

А когда явитесь ко мне за новыми книгами, я скажу время отработки. Предъявите цепочку.

Мой формуляр ничем не отличался от того, что завели на Лютика. Ни расцветкой, ни формой. Простенькая книжечка в черном переплете.

А потом Истрон Леронский поднял руку. И на стол опустились четыре книги.

Огромный том размером так сантиметров пятьдесят на пятьдесят, толщиной с мою руку, в коричневом кожаном переплете.

Небольшая книжечка величиной с ладонь. Два томика, больше похожие на толстые тетрадки.

– «Краткая история Универа, землеописание, народы и их обычаи». «Магия для начинающих». «Структурирование магических потоков». «Развитие внутренних силовых каналов». Читайте. Придете, как прочитаете. Если захотите что-то скопировать для себя – обращайтесь.

Я кивнула. Вопросительно поглядела на библиотекаря – «можно?» и, дождавшись кивка, сгребла со стола книги. Осторожно взяла толстенный и тяжеленный том, ласково провела пальцами по кожаному переплету, не удержалась и потерлась об него щекой. Осторожно-осторожно. Вдохнула этот потрясающий запах новой и незнакомой тебе книги. Она еще совсем чужая, ты еще ни разу ее не открывал, но предвкушение уже покалывает иголками кончики пальцев… и не дает спокойно жить, тебя так и тянет открыть книгу,

заглянуть хоть куда-нибудь, ухватить пару строчек – и пережить восхитительное ощущение познания до сих пор неизвестного.

– А вы любите книги, – заметил библиотекарь. Одобрительно? Нет? Не поймешь!

Я кивнула и расплылась в широкой улыбке.

– Люблю.

– Приходите, когда все прочитаете. До свидания.

Я кивнула и вышла.

Лютик ждал меня у входа.

– Все? Взяла? Что тебе дал этот старый гриб?

– Он не гриб! – обиделась я. – Вот!

Предъявленные книги особого восторга у Лютика не вызвали.

– Зачем? Нам же все равно будут это преподавать! Лучше бы что-нибудь интересное почитать взяла…

– А что ты взял?

– А, это? Это типа местного мушкетера. А дамочка – знаменитая куртизанка, жила веков шесть тому назад…

– Надеешься что-то новое узнать?

– И узнать, и опробовать…

– Вот и я тоже. Только в другой сфере.

Мы улыбнулись друг другу и заторопились по комнатам. Мне хотелось добраться до книги. Лютику – тоже.

* * *

Обед я бессовестно пропустила. Зачиталась тоненькими книжками. И даже кое-что попробовала. Но так и не разобралась – то ли я действительно что-то видела? То ли это просто в глазах круги плывут от перенапряжения? Ужин бы пропустила тоже. Не дали спазмы желудка.

Но ужин откровенно не порадовал. Вареная картошка была холодной, рыба (в меню значилась как салака отварная под соусом элько) – недоваренной, а соус элько на поверку оказался обычными помидорами, только сильно наперченными. В принципе, можно было слопать еще и не такое. Но киселя я точно не выдержу. Ненавижу эти жидкие сопли!

Вывод – нужно искать места, где можно перекусить. Или обзаводиться холодильником. Хоть всухомятку бутерброд слопать.

– А еще они могут дать на ужин творожную запеканку, – сообщил сидящий рядом парень. Был он невысок, строен, черноволос и сероглаз. И в такой же черной тунике, как и я.

– Творожная запеканка – это вообще-то вкусно, – пожала я плечами.

– Ага. Если ее готовят не здесь. А жевать что-то похожее на творожную подметку я не нанимался. У меня клыки для мяса, а не коренные зубы, как у коровы, для жвачки…

Парень широко зевнул, продемонстрировав действитель-

но впечатляющий ряд клыков. В два ряда. Я присвистнула. У людей таких не бывает. То есть…

– А ты – оборотень?

– Ага. Эвин Лерайр.

– Ёлка. Будем знакомы.

– А то! Ты и есть та самая девчонка-боевик?

– С утра – была. А сейчас уже и не знаю.

– В смысле?

– Меня настолько достали вопросами, что я решила податься в жрицы и посвятить свою жизнь Свету Вечному, – пропела я, складывая лапки в оборотневский жест отрицания – левая рука сжата в кулак, правая тоже, кроме указательного и среднего пальцев, они лежат поверх левого кулака. Вычитала в самом толстом фолианте, когда от тонких книжек круги в глазах пошли. А интересно, кстати…

Эвин фыркнул.

– А ты забавная. Давай лапу. Не хочешь удрать в город, перекусить?

Думала я недолго. Кушать все равно хотелось. И цены хорошо бы узнать…

– Хочу. Мы вдвоем?

– Я пока здесь никого не знаю…

Мой внимательный взгляд выцепил в углу столовой Лютика, который не столько жевал, сколько жестикулировал ложкой, рассказывая что-то высокому парню с каштановыми волосами.

– Сейчас спрошу еще одного друга.

– Пошли вместе.

И мы пошли.

Лютик, увидев нас, засиял широкой улыбкой:

– Ёлка, привет! Как читается?

– Шикарно. Знакомься, Эвин Лерайр. Эвин, а это Лютик.

– Будем, – оборотень протянул Лютику руку. Ребята обменялись рукопожатиями.

– А это Лерг Истроу, – представил своего соседа Лютик. – Мой сосед по комнате и жуткий зубрила.

– Сам дурак, – обиделся Лерг.

– Зато обаятельный.

Я улыбнулась Лергу. Парень мне понравился. Хорошее такое, открытое лицо, застенчивая улыбка… сразу видно – ботаник. Как и я. Но здесь я такой точно не буду. И начнем мы – с вылазки в город.

– Ребята, хотите с нами в город?

– Зачем? – удивился Лерг.

– За едой. Или вы считаете, что молодого здорового оборотня можно накормить вот этим?

Лютик фыркнул.

– Этим даже молодого здорового мужчину не накормишь. Стипуха есть, можем и рвануть! А что, давайте!

– Догоним и еще раз дадим, – огрызнулся Лерг. – А как ты себе это представляешь? Нас вообще выпустят за ворота?

– УМам не запрещено.

– Правда?

Неужели я сегодня увижу настоящий средневековый город?!

Глава 2
Акклиматизация

Через час мы стояли у ворот, злобно глядя на стражников. Ворота оказались уже закрыты. Но когда мы постучали в калитку рядом с воротами, в ней распахнулось окошко – и наружу выглянула бородатая морда. Хотя выглянула – это громко сказано. Фиг бы такой щекан в настолько маленькое окошко протиснулся. Так что мы увидели часть щеки, глаз и кусок бороды.

– Маги? После заката пускать не велено!

– А если мы очень попросим?

Умильная гримаска не помогла. На монетку в пальцах Эвина тоже внимания не обратили. Лерг многозначительно пощелкал пальцами, по которым пробегали синие огоньки, но на стражу и этот довод разума не подействовал.

– Нас-то вы попросите. И даже какую-нибудь гадость нашлете, – ухмыльнулся стражник. – Если силенок хватит. – Мужчина вытянул из-за воротника и специально повертел так, чтобы нам было видно что-то вроде амулета – серебряная подвеска с камнями. – А завтра придете расколдовывать и извиняться. А то и на каменоломни отправитесь. Сами знать должны – у градоправителя с вашим Директором договор. Так что шли бы вы отсюда… пока ничего плохого не случилось…

Мы развернулись – и пошли. Недалеко. Ровно пока не покинули зону видимости стражи. А там остановились и переглянулись.

– Я голодная.

– Что за наглость! Загрызть их за такое мало!

– Конечно, мало! Чтобы нас в какой-то паршивый городишко не впускали?!

– А как поступают в этом случае в вашем мире?

– Ломают ворота и добавляют хозяину по морде, – огрызнулся Лютик. – А вообще-то у нас такого не бывает. Почти. Но всегда можно пойти в другой кабак.

– Другого тут нет. Ребята, предлагаю мозговой штурм. Как еще мы можем пролезть в город?

– Телепортироваться не получится. Уровень не тот.

– Я мог бы обернуться волком. Но вы…

– Мы не обернемся. Да и волк…

– Наложить на нас иллюзию? Типа знатная дама с собачкой и слугами?

– Долго не продержится. И какая знатная дама попрется пешком за город? Неправдоподобно. Проверят – и еще пинков отвесят. Драка со стражей…

– А как же тогда?

Я почесала нос.

– Неужели нигде нельзя пролезть? Вообще нигде?

Эвин поглядел на свои руки.

– Оборотнем для меня такая стена не преграда.

– А по городу ты без трусов пойдешь?

Мы переглянулись. Раз. Другой. И Эвин начал раздеваться. Я отвернулась, чтобы не смущать парня. И принялась вытряхивать кучу всякой пакости из сумки, чтобы было куда положить одежду.

Через пять минут спиной повернулись и ребята. А еще через десять минут мы шли по полю. Эвин, оказавшийся в звериной ипостаси здоровущим волчарой, чуть ли не полтора метра в холке, тряхнул шеей, чтобы сумка расположилась поудобнее.

– Деньги во внутреннем кармане, – напомнила я. – Пойдемте, поищем подходящее место. А как стемнеет…

Волк кивнул.

И мы двинулись вдоль стены. Пока Эвин не тряхнул головой, указывая на стену.

Место действительно оказалось – мечта диверсанта. Войн в этом мире не было уже как лет пять. Сотен. А этот конкретный город вообще не воевал уже лет сто. Тысяч. Потому что рядом стоял Универ. И устраивать баталии рядом с гнездом магов дураков не было. Тут же набегут студенты на практику. Боевые маги – на войну, целители – на лазарет, остальные по ситуации – и получится бардак. Соответственно, крепостные стены хоть и остались, но были – одно название. Средней высоты, кое-где с выкрошившимися камнями, в паре мест на стене даже проросли кустики. Ров давно пересох. Но все равно оставался грязной сточной канавой. И

лезть через нее не пожелал бы ни один здравомыслящий человек. Это было все равно, что добровольно гулять по канализации. Бытовая магия хоть и снимала большую часть проблем, но все устранить не могла.

– Остается подождать, чтобы со стены стража не заметила, – подвела я итог. И вздохнула. – А я так в городе сегодня и не побываю…

– А тебе хотелось? – удивился Эвин. В волчьей ипостаси у него выходило не слишком разборчиво, но мы кое-как понимали.

Я повертела пальцем у виска.

– Спрашиваешь! Это же первый раз! Другой мир, другой город…

– Так можно и потом сходить, – пожал плечами Лютик.

– Потом – это уже будет не то… ладно! Переживу!

– Зачем переживать? – искренне удивился Эвин. – Ты сколько весишь?

– Килограммов шестьдесят.

– Никогда б не дал! – удивился Лерг. – Ты вроде стройная такая…

– А у меня кость широкая.

– Ну и в чем вопрос? – Эвин пожал плечами. – Подруга, до девяноста килограмм я уволакиваю, даже не напрягаясь. Держись крепче – и будет тебе экскурсия по городу. Заодно и мне не перекидываться по сто раз.

– А меня там не обидят?

Парни переглянулись и дружно заржали. Я опустила глаза, понимая, что сморозила глупость. Могут и обидеть. Только вот… есть и более безболезненные способы самоубийства, чем нападать на женщину, которая прогуливается в приятной компании оборотня. Это я уже знала. Среди оборотней практиковалось очень конкретное отношение к тем, кто обижает женщин. Их просто ловили – и вбивали уважение палками пониже спины. Аккурат пока палки не разлохматятся.

* * *

Мы уселись на свернутые плащи. У Лютика в кармане нашлась колода карт. Эвин перекидываться обратно не пожелал. Но пару партий в дурака мы сыграли.

Солнце зашло. Появились первые звезды.

И мы пошли на дело. Я перебросила ремень сумки через плечо. И кое-как взгромоздилась верхом на волка. Обхватила его руками за шею. Прижалась покрепче. Шерсть оборотня слегка пахла псиной. Но противно не было. Наоборот – это вам не мопс. Это – волк.

Эвин примерился – и, вдруг подобравшись, прыгнул сразу через ров на стену, зависнув где-то на середине. Я едва не взвизгнула. Но справилась с собой. Только вцепилась покрепче. Авось не задушу… шея такая, что не обхватишь. Главное – не сползти, а то искупаюсь в средневековых отходах по самую шею.

Не сползла.

И через пять минут уже стояла на улице города, восторженно оглядываясь по сторонам.

Кто-то скажет – чего смотреть? Город как город, и люди как люди вокруг…. Но мне нравилось все. Узкие неровные улочки, вымощенные чем-то вроде щебенки, острые крыши – и даже неистребимый запах конского навоза и чеснока.

Волк чуть встряхнулся, намекая, что пора бы нам до ближайшей точки, где продаются продукты питания. А кстати, где? Что-то я сомневаюсь в наличии в этом мире круглосуточных гипермаркетов. Это я и озвучила Эвину. Волк фыркнул и прояснил вопрос:

– В таверне.

Хм-м…

А почему бы и нет? Пусть будет таверна!

«Свинья и кабан» попалась на нашем пути первой. И явно была открыта. Из окон лился свет и доносились звуки музыки. Хотя если бы это услышал Бетховен – он повесил бы автора на первом суку, а исполнителя на втором. Но кому-то явно нравилось. Потому что из окон раздавался еще и пьяный рев, в котором изредка прорывались членораздельные предлоги.

Я переглянулась с волком. Идти?

Эвин кивнул. И пристроился у ноги, как верная собачонка. Типа, ты иди, не бойся. А если кто чего, то я его – того. Однозначно.

И я толкнула рассохшуюся дверь. Ногой. А то мало ли кто за эту ручку брался.

Дверь привычно скрипнула и отворилась. Кажется, я была не первой и не последней.

Передо мной открылось довольно большое помещение. Сейчас я смотрела на него сверху вниз. Высокая лестница, по которой посетители и спускались в подвал, стойка в дальнем углу зала, столики, за ними сидят явно криминальные типы и их подруги… м-да. В моем мире таким бы скорее на бедность подали, а не сняли.

– А зачем тут лестница? Не проще было нормальный пол сделать?

– Ёлка, а ты про усадку со временем слышала? – уточнил Эвин.

Я почесала нос. Что-то было. И при чем тут оно?

– Когда-то это был первый этаж. Но городу уже несколько десятков тысяч лет. И первый этаж давно исчез под слоями мусора. Магия не дает зданиям рассыпаться, но кое-где и она не поможет.

– Это сколько ж магов надо?

– Пятьдесят человек. На обслуживание потребностей одного города надо порядка пятидесяти человек. Идем?

Я кивнула. И мы принялись спускаться.

Особо нам рады не были. Но и задирать никто не взялся. Я – в плаще мага, Эвин – явный оборотень. Можно даже табличку вывешивать: «Кому оплеухи? Бесплатно по пять на

рыло?!»

Трактирщик меня тоже разочаровал. Толстый, в каком-то засаленном переднике… но кушать хотелось.

– Что у вас есть на вынос?

Судя по глазам, меня не поняли.

– Чего, госпожа ведьма?

– С собой есть что пожрать? Сыр там, хлеб, окорок, – конкретизировала я.

Лицо мужика прояснилось.

– А то ж! Палька! Живехонько собери госпоже ведьме чего пожрать! Окорок там положи, сыру круг, зелени не забудь…

– Зелени не надо, – встрял Эвин.

Я кивнула. Мне вегетарианской диеты в столовке хватило за глаза.

– Без зелени. Вина бутыль добавь…

– Две, – скорректировала я заказ, пересчитывая наличность в кармане. – Сколько с меня?

– Три серебрушки.

– Сколько? Да за такую цену я барана куплю! – возмутилась я.

– Да кто ж вам его продаст!

– Да уж найдется кому, – рыкнул Эвин.

Трактирщик скорчил рожу.

– Две серебрушки, десять медяков.

– Одна серебрушка и пять медяков, – отчеканила я.

– Вы меня без ножа, режете госпожа ведьма!

– Эвин, помоги дяде зарезаться без ножа?

Оборотень охотно продемонстрировал весь набор режущих предметов в пасти.

– Не надо. Две и пять.

– Одна и восемь. И это мое последнее слово.

– Да скорее я тут с вами помру, чем вы со мной!

– Тогда я договорюсь с вашими наследниками.

Эвин еще раз зевнул – и на всякий случай положил на стойку передние лапы. Чтобы трактирщик еще и когти разглядел.

– Две и две, – взвизгнул мужик.

– Ровно две. По рукам?

– Ох, госпожа ведьма, пустите вы меня по миру…

– Сама пущу, сама и милостыню подам, – парировала я. – Я деньги подпольно не отливаю, как некоторые…

Хлопнула на стойку две серебрушки, взяла тяжелый мешок, развернулась – и вышла.

Эвин послушно трусил рядом у ноги. Заговорил он, только когда трактир остался позади:

– Ёлка, ты знаешь, мне показалось, что он чего-то вдруг очень испугался…

– Показалось?

– В Гварде тоже есть люди, но я с ними не так много общался. Я еще плохо разбираюсь в ваших реакциях…

Я пожала плечами.

– Не знаю. Может, там драка назревала, или что еще… Если бы у него в заведении покалечили магов, что было бы?

– Ему пришлось бы плохо. Официально за это могут и не покарать, но наш Ведун – человек очень серьезный. Уж проклянет-то наверняка…

– Ну вот. Есть чего бояться… Пошли на выход из города?

– Пошли. Только мешок на меня навьючь, ты все-таки женщина…

– А получится?

– А попробуем. Веревка есть, сейчас прикрутим. Женщина не должна носить тяжести, если рядом есть мужчина.

– Это у вас в Гварде так учат?

– Да. А что?

– Ничего. Просто у вас хорошая страна.

– Знаю.

* * *

– Срочно отправь людей за ними! Они не должны уйти!

– Господин, почему?

– Ты слышал, что она сказала? Она знает про наше маленькое дельце…

– Да она могла и просто так ляпнуть!

– Не смеши меня, Мург! Ведьма с факультета боевой магии, когда там одни колдуны, с оборотнем, случайно зашедшая в твою таверну, да еще и заговорившая о нашем малень-

ком деле? Ха! Ты сам-то в это веришь?!

– Но, господин Ройс…

– Живо! Пошли пятерых! Они должны справиться…

– С оборотнем?

– Пошли Тайра, Винко, Лося, Длинного и Каркушу. Лось уже двоих блохастых уложил. Живо!!!

– Да, господин…

* * *

Мы провозились минут двадцать, пытаясь приладить мешок. Куда там! Он постоянно сползал то вправо, то влево. Кончилось тем, что я просто проделала в мешке пару дырок и привязала к оборотню на манер рюкзака, распределив тяжесть примерно поровну. Эвин вежливо терпел все мои попытки… За это время мимо нас протопали то ли три, то ли четыре компании. Но мы тихо занимались своим делом. Подозреваю, что добропорядочные граждане сейчас дома сидят. А доказывать всякому сброду, что мы здесь самые крутые… а надо ли?

Чай, не теорема Ферма. Перебьются без доказательств!

Потом вышли из своего угла – и направились к стене. Надо перелезть обратно, найти ребят… хорошо, что у Эвина – волчий нюх…

Ау!

Под ноги же надо смотреть!

Моя нога заскользила на каком-то очистке или обмылке, я потеряла равновесие и взмахнула руками, пытаясь не впечататься в асфальт всей спиной. Руки вцепились в первое попавшееся – в оборотня – и Эвин тоже дернулся, пытаясь подхватить меня.

Не удалось. Я шлепнулась спиной на асфальт, оборотень присел на задние лапы, а рядом с нами что-то прошипело. И только заметив стрелку, выбившую искры из мостовой, я поняла: нас обстреляли.

Черт!

Рефлексы тела включились автоматически. Я перевернулась, не вставая – и свалилась аккурат в канаву. Пахло здесь не розами, ну да ладно! Буду жива – отмоюсь. Эвин молча прыгнул вперед.

О черт! Их пять штук!

И все с мечами. Какие шансы у оборотня?

Никаких. Минут на пять его хватит. А потом возьмутся и за меня. Убежать не удастся. Надо драться. Но – чем?! Я же даже еще не ведьма! И ничего не умею! Так, только читала книги, выданные библиотекарем, и делала упражнения…

Я пошарила руками в грязи… хоть булыжник бы! Нашлось кое-что получше. Доска от чего-то неизвестного. Оно и правильно. Не факт, что я попаду булыжником куда надо. А вот доской, длинненькой такой, метр в длину и увесистой… а подниму? Справлюсь?

Жить захочу – еще не так развернусь!

Я поудобнее подхватила доску, кое-как вылезла из канавы – и с психическим визгом «Уррррраааааааа!!!» помчалась в атаку.

Визжала я замечательно. На миг замерли все нападающие. И этим воспользовался Эвин, хватанув одного из них за бедро. Удачно. Мужик охнул – и отступил назад. А из-под него по мостовой поползло кровавое пятно. Что у нас там? Бедренная артерия? Паховая? А один хрен! Лишь бы сработало! Второго что есть дури огрела доской я. Хотела по голове – увернулся, попало по спине. Но хорошо так попало, душевно! Он выпустил из рук меч, на миг пошатнулся – и я добавила доской второй раз. И третий. Для верности. Хорошо работать на адреналине. Но трое еще оставались. И это явно были не простые хулиганы. Они как-то переглянулись, подтянулись – и двое набросились на оборотня, а один медленно пошел ко мне.

Бежать? А толку? Догонят. Я перехватила доску еще раз. Плевать мне на все занозы планеты, лишь бы живой остаться!

– Что, попались, сопляки, – нарушил молчание тот, который шел ко мне.

Я выдохнула. Страх прошел. Не надо было ему говорить. Почему? Теперь они стали самыми обычными людьми. Не загадочными убийцами, а просто… кому-то понадобилось нас убить. Кому? Зачем?! Что мы такого сделали?

Убийца сделал еще два шага вперед. На меня пахнуло за-

пахом пива и тушеной капусты. А в следующий миг я вспомнила своего брата. И его тренера по карате, к которому и сама ходила около года и который с высоты своего боевого опыта говорил всем женщинам одно и то же:

«Удар должен быть один. И не смейте раскисать. Если на вас напали – бейте насмерть. Лучше оправдываться на земле, чем на небесах. Бейте в горло, в глаза, в пах… хоть зубами за яйца укусите, авось от болевого шока сдохнет. И учтите, вы – женщины. Ваша сила – в вашей слабости. От вас не будут ждать сильного сопротивления… И не вздумайте играть в благородство! Играйте в слабость, в трусость – до одного момента, который нельзя упустить. Никак нельзя».

– Брось деревяшку, дура. Сдохнешь безболезненно…

Я пошатнулась, опускаясь на колени. Деревяшка упала на землю. С моих губ сорвался то ли стон, то ли вой… уж простите, не артистка… Мужчина сделал еще один шаг, размахнулся мечом… и зря! Клинок пошел в замах для колющего удара, чтобы насадить меня на вертел, как птицу… но меня там уже не было. Я упала на спину, со всей дури выбрасывая вперед ноги.

Есть!

Спасибо Гошкиному тренеру! Мои сапоги с подковками угодили точно в колени мужчине. Теперь взвыл уже он, оседая на землю. А что? Если качественно попасть в коленную чашечку, да еще ее выбить – это вам не кино с Брюсом и Норрисом! Это им надо мочить всех плохих направо и нале-

во, не падая на землю и не опускаясь до подлых ударов. А мне простительно. Потому что в следующий миг я взлетела на ноги, подхватила все ту же доску – и добавила падающему по голове.

Раз! Два!! Три!!!

Пусть ему потом хоть трепанацию черепа делают!!!

И обернулась к другу. Мало ли что?

У Эвина все было просто отлично. Одного нападающего он просто порвал. И тот лежал на улице, а из-под тяжелого даже на вид тела ползли струйки черной крови. А второго оборотень прижал к стенке. И оскалился.

– Подожди! – вскрикнула я.

Эвин даже не повернул головы. Где-то в глубинах оборотня родился глухой тяжелый рык.

– Если ты его сразу загрызешь, мы ж не узнаем, что им надо было!

Шерсть на загривке у волка чуть улеглась. А рычание перешло в отчетливую форму:

– Рррррассказывай…

Бледный как смерть нападающий прислонился к стене дома.

– Н-ничего вы н-не узн-наете…

– Узнаем, узнаем, – закивала я. – Еще как узнаем. Только придется дойти до Универа. А там водятся хорошие ребята – некроманты. Так что или тебя, или твой труп, но допросят обязательно. – И резко, поменяв выражение и тон, рявкнула:

– Колись, сука!!! Пасть порву, моргалы выколю, рога поотшибаю!!!

Эвин подержал страшным рыком и оскалом. И мужик не выдержал. Из-под него растеклось дурно пахнущее желтое озерцо. А сам он заговорил.

Исповедь заняла минуты две. Лось. Самый обычный наемник. Нанял его толстый Мург, трактирщик, у которого мы недавно побывали. И сказал срочно устранить двоих первогодков.

Почему?

Тут Лось сильно замялся, но Эвин щелкнул клыками в опасной близости от его паха. И этого хватило за глаза. Лось раскололся до конца. Оказывается, ходили слухи про фальшивые деньги. Но подробностей он не знает.

Выслушав это, Эвин почесал за ухом:

– Ёлка, надо доложить в Универ.

Я подумала. М-да. И тут же вспомнился старый ролик. Собака бежит быстрее человека.

– Сейчас оттащим их куда-нибудь, оглушим – и я останусь сторожить, – решила я. – А ты беги.

– Ёлка…

– Ты доберешься быстрее. Ты и сам это понимаешь. И ребят предупреди. Если смогут, пусть подтянутся мне на выручку. И я же улиц не знаю, сколько я буду здесь все искать? А ты сможешь найти…

Эвин заколебался.

– А этот милый мужчина даст себя связать и не станет дергаться, – успокоила я друга. – Правда ведь?

Лось закивал. Хотя… он сейчас на все бы согласился.

Связывание заняло минуты три. Эвин контролировал и направлял, Лось дрожал, я ругалась, но вязала. А потом оборотень подмигнул мне, прорычал «дер-р-р-ржись!» – и рванул с такой скоростью, что только пыль поднялась столбом из-под задних лап.

Я присела на одно из тел (а что?! Оно уже дохлое, ему не больно, а у меня придатки! Еще застудить их не хватало!) и печально поглядела на Лося. Дернул меня черт за язык!

Если бы промолчала, сидели бы сейчас с ребятами, вино пили, колбасу ели… а теперь Эвин, гад такой, унесся вместе с припасами… а ужин-то был давно. И мало…

Я вздохнула, достала из-за пазухи книжку о структурировании магических потоков и принялась читать. Две луны давали достаточно света. И вообще! Это – мир магии! Неужели здесь не лечат близорукость?!

Время шло…

– Ёлка! – послышалось из-за угла. – Ёлка, эвхаар твою дубину!

Явно меня. Я выглянула из переулка, в который мы затащили все тела. И с радостным воплем кинулась к Лергу и Лютику.

– Ребята, как я рада вас видеть! Как вы меня нашли?

– Эвин ниточку скинул, – пояснил Лерг. – А я кое-что уже

умею из магии… Где покусители?

– Покусанные в переулке, – бодро доложила я.

Туда ребята и направились. Лосю опять досталось на орехи, но жалеть его не тянуло. Они бы меня точно убили…

Потом Лютик заткнул ему рот, улыбнулся… и вдруг предложил:

– Ребята, а давайте пойдем к таверне?

– Зачем?! – офигели мы с Лергом.

– Как – зачем?! А если они оттуда сбегут? Они же будут ждать этих уродов! А их все нет и нет… думаешь, какие выводы они сделают?

– Мы их убили? Пора бежать?

– Умница. Но мы не можем этого допустить!

– И только? – прищурилась я. На альтруиста Лютик походил, как я на монашку.

– Ну… вообще-то… – замялся приятель. – Я тут подумал, не может ли у них быть и нормальных денег? У меня стипуха большей частью ушла на долги, а кушать еще захочется…

Мы с Лергом переглянулись.

Стоит ли так рисковать?

Глупый вопрос!

Необходимо!

Стипендия, увы, вещь быстрозаканчивающаяся. Даже полуторная.

* * *

До таверны мы добрались достаточно быстро – минут за десять. Но входить не спешили. А решили обойти вокруг.

– Я попробую нащупать подземные ходы, – прошептал нам Лерг, вытягивая перед собой руки. Я прищурилась.

– А ты умеешь?

– Теоретически…

– Ага… не коротнет?

– Что?

– Жив останешься, если что? – перевела я.

– Должен…

Вокруг пальцев Лерга заструилось синеватое сияние. Я прищурилась, посмотрела как бы сквозь руки Лерга… Глюки? Пусть!

Ага! А вот тут – не то!

Приятель морщил нос и встряхивал головой, но все равно – одна ладонь светилась синеватым, холодным и ровным цветом, а по второй проскакивали красноватые искорки. И я даже знала почему. Недаром читала «Структурирование магических потоков». Непонятно, почему только я могу их видеть… наверное, Лерг что-то не так сделал. Он же признался, что больше теоретик…

– Вот здесь поправь, – ткнула я пальцем в запястье. – У тебя каналы заклинания пересеклись с каналами твоей жиз-

ненной силы. И кривизна превосходит все допустимые пределы.

Лерг дико взглянул на меня. Сзади что-то хрюкнул Лютик. Я кивнула, подтверждая свои слова. И приятель опять зашевелил пальцами. Осторожнее, спокойнее…

Теперь обе руки светились синеватым.

Лицо его приобрело выражение покоя. И Лерг медленно прошел пару шагов, проводя руками перед собой, как заправский лозоходец.

Лютик цапнул меня за локоть.

– Ты откуда это знаешь?! Ты же вчера из другого мира, как и я!

– Да я просто увидела… – удивилась я. – Ты что – не смотрел?

– Куда?

– Ну… у него руки светятся синеватым… и если приглядеться, видно сплетение нитей.

– Э… тебе видно?

Я пожала плечами. Мне – видно. Почему? Вопрос не ко мне. К Ведуну. Может, когда меня обучали языку, и еще чего сдвинули в черепушке? Или при пролете через то облако? И потом, я же не смотрела прямо на Лерга, я смотрела на его руки чуть наискось. А это и в мире техники верное средство распознать нечисть или увидеть ауру.

Лютик понял, что я как собака, глаза умные, а объяснений не дождешься, – и отвял. Вместо этого он подошел к Лергу и

пристально уставился на его руки. Посмотрел. Помотал головой.

Опять вгляделся. Судя по печальному лицу, истина оставалась где-то далеко.

Лерг тем временем что-то обнаружил, потому что застыл над одним местом, как ворона на заборе.

– Что там? – шепотом поинтересовался Лютик.

– Полость. Большая.

– А люди есть?

– Этого заклинание не показывает…

– А если усилить?

– А если отвянуть?! – разозлился Лерг. – Я не настолько могучий маг!

– Ёлка, а ты помочь не можешь?!

Я сверкнула глазами на Лютика.

– Как?! Я же не умею!

– Ну магию-то ты видишь?

– И что?! Лерг, ты как?

Лерг задумался.

– Ёлка, а поделиться силой ты пока никак?

Я пожала плечами:

– Если только сам возьмешь. Можешь?

– Могу. Но тут есть опасность взять лишнего. Ты-то меня не остановишь, а у меня пока слишком мало опыта.

– И что делать?

– Взрывать я бы не рекомендовал. Тут город. И люди. И

мы просто можем провалиться, – признался Лерг. – И даже если я обрушу свод, могу не рассчитать. Навыков нету.

– Телепорт пробить?

Лерг воззрился на Лютика как на психа, только что пальцем у виска не повертел.

– В неизвестное место? С моей силой? Да еще с заемной?

– Понял, идея плохая. А что мы вообще можем сделать? Стоять тут до упора и фыркать?

– А если попробовать проследить ходы? – осенило меня. – Пройти, найти дверь – и заявиться в гости. Или подождать там?

Лютик хлопнул меня по плечу, заставив присесть.

– А что, голова у девчонки варит! Лерг, можешь?

– Это – могу.

Пальцы приятеля засветились ярче.

Лерг сделал несколько кругов по площади. Задумался над одним местом. Над другим. Потом совершил еще круг.

И наконец кивнул:

– Ага, вот это ответвление самое большое. Самое широкое.

– Так давайте по нему и пройдем? – предложил Лютик.

Я кивнула.

Лерг послушно шагнул куда-то в переулок, потом прошел чуть в сторону и едва не упал.

– Ребята, вам придется меня вести. Под руки. А я буду отслеживать ходы. Иначе упаду.

Я подхватила Лерга под руку. Лютик пошел вперед.

Мы плутали по каким-то закоулкам, перелезали через канавы, пару раз чуть не вляпались в мусорные кучи… Ох-ох-ох, что ж мне в Универе не сиделось?! Или хотя бы под стеной?!

Потянуло дуру на экзотику!!!

* * *

Эвин громадными прыжками пронесся по Универу. Еще во дворе он увидел, что в кабинете директора горит свет. Оно и понятно. Шутили, что Ведун там и ест, там и спит. Потому и не женат – поди найди дуру, которая согласится делить его со всем Универом…

Оборотень навалился лапами на дверь, та скрипнула и приоткрылась. Директор, разгребающий бумаги, поднял голову.

– А стучаться вас не учили?

Потом разглядел оборотня с мешком на спине – и поднял брови.

– Ну и что случилось?

Эвин встряхнулся, переходя в человеческое состояние: уж больно неудобно воспроизводить человеческую речь волчьей гортанью. И заговорил.

Надо отдать должное директору, слушал он внимательно и не перебивал. А потом кивнул.

– Это вы правильно сделали. А доставить вашего «языка» сюда не догадались?

Оборотень едва лбом об стол не бухнулся. А ведь и правда, что ему стоило?

– Ладно. Сейчас позову кого-нибудь, и разомнемся. Проводишь нас до места?

Эвин кивнул, опять опускаясь на четвереньки. Директор не возражал.

– Только мешок оставь.

Антел Герлей начертил в воздухе замысловатый знак и исчез.

Эвин послушно сгрузил свою ношу в углу и перекинулся обратно в оборотня. Уже медленнее. Так часто менять форму тяжело даже прирожденному.

Директор не заставил себя долго ждать. Уже через несколько минут в кабинете стояли четверо магистров. Сам Ведун, магистр боевой магии Ренкин, магистр-огневик Саминол, как ни странно – эльф, и магистр воздуха Тирен, так же по странному выбору силы – настоящий гном. Ворчливый и с любимым молотом, который благодаря талантам своего хозяина летал по воздуху как пушинка.

На сборы у магистров ушло не больше пяти минут. А потом Ведун прищелкнул засветившимися пальцами и очертил в воздухе сероватое окно портала.

– Оборотни вперед.

Эвин лязгнул клыками и прыгнул. Он волновался за дру-

зей. Оборотни благодаря обостренным звериным чувствам и чутью отлично разбираются в людях. И он был уверен – просто так его друзья дожидаться не станут. Обязательно куда-нибудь вляпаются…

* * *

На месте ребят действительно не оказалось. Ведун сдвинул брови.

– Ладно. Мы здесь. Магистр Тирен, давайте за Эвином. Выследишь своих друзей?

– Да без вопросов.

– Тогда вперед. А мы… пошли, ребята?

Эвин видел, как в полумраке черты директора чуть разглаживаются, он становится моложе и веселее. И готовится к бою. На лицах магистров тоже играли шальные улыбки.

Тяжко боевым магам жить одним преподаванием.

И если подворачивается возможность развеяться… бедные фальшивомонетчики.

Но последнюю мысль Эвин додумывал уже на ходу. Магистр Тирен ждать неделю не собирался. И вообще надеялся найти пропавших УМов за пару минут и поспеть к веселью.

* * *

– Значит, здесь выход?

Я с сомнением посмотрела на дыру в земле. Больше всего она напоминала канализацию времен каменного века. Воняет так, что и неандерталец нос зажмет. Гадость.

– И нам надо туда лезть?

Лютик задумался. Ему этого тоже не хотелось.

– Давайте здесь подождем, а там посмотрим?

Принято было единогласно. Лерг тоже сморщил нос. Найдем мы там под землей кого, не найдем, а в грязи вымажемся – форму ни одна химчистка не спасет.

* * *

В трактире старого Мурга было весело и шумно. Везде, кроме потайной комнатки. Там велся тихий напряженный разговор:

– Надо чистить отсюда шкурку.

– Вы думаете, эти два сопляка…

– Мусорщики не вернулись. Наверняка это они.

– Господин, я не уверен…

– Это маги. А с ними никогда не угадаешь. Говорят, их гадючье племя и морды менять умеет. Ты как хочешь, а я

ухожу.

Мужчина поднялся с места. Мург покачал головой.

– Я останусь. Дело тут, опять же… бросать жалко…

– Да твой трактир и ста золотых не стоит. Шкура всяко дороже.

– Зря вы паникуете, господин. Еще вернетесь через десятинку…

Мужчина, замерший у потайного выхода, ухмыльнулся. А затем рука его скользнула за пазуху.

Один бросок – и трактирщик опрокинулся навзничь, хватаясь за маленький, с детскую ладошку, нож, застрявший в его горле.

Мужчина не стал его выдергивать. Кровью запачкаться легко, а ему еще идти по городу. Да и ножи такие не редкость. Любимое оружие убийц. Кто умеет, конечно.

Бросил прощальный взгляд на папашу Мурга. И запустил руки в тайник.

Естественно, там оказалось немного. Большая часть у Мурга дома. Но и того, что здесь было, на пару лет спокойной жизни хватит. И даже на налаживание нового маленького дельца, о котором… хе-хе… лучше не знать ни королям, ни магам.

Тяжеленький мешочек был на месте. Мужчина проверил содержимое, сунул его в карман – и выскользнул через потайной выход.

Он спиной чувствовал надвигающуюся опасность. И не

прогадал… минут через десять после того, как захлопнулась дверь потайного хода, раздался громкий голос Ведуна:

– Внимание всем!!! Трактир окружен. Выходим медленно и печально, с поднятыми руками. Не то кого-нибудь поджарим. Это не стража, это маги! Любое сопротивление воспринимаем как попытку самоубийства и помогаем по мере сил. Считаю до десяти! Если никто не появится – запалим ваш гадюшник с четырех концов!!!

Антел Герлей развлекался на полную. Единственная мысль, которая не давала ему покоя, – куда делись эти паршивцы?! Первокурсники ведь! Ничего пока не умеют! И туда же! Искать приключений на свою задницу! Обычно это начинается курса с третьего… но чтобы так рано?

Ох-ох-ох…

* * *

Долго мы у канавы не просидели.

От силы минут двадцать, прежде чем из темноты вынырнула черная тень.

– Р-р-р-р-р-р!!!

– Вот вы где, паршивцы, – последовала за ней тень белая, обернувшись весьма приземистым типом с длиннющей бородой и красным носом… Гном?! Настоящий гном?! – И где вы должны были ждать?

Мы дружно потупились, а Лютик даже принялся чертить

что-то на земле носком ботинка. Но магистра это не проняло.

– Я почему должен гоняться за вами по всем помойкам?

– Р-р-р-р-р-р, – добавил Эвин.

Я вздохнула.

– Мы хотели как лучше.

– А вышло через известное место!

– Зато мы подземный ход нашли… мы думали, что если кто-то решит сбежать…

– Вы НЕ думали!

Я тоже потупилась. Да, знаю, отмазки на уровне детского сада. Но других нету. И вообще – мы же только первый курс! Могли бы и не наезжать! Как мы сумели бы удержаться, когда кругом столько всего интересного?

– Вот как вы думаете – хоть один идиот…

Эвин внезапно насторожился и зашипел, как гадюка. Распекающий нас магистр вдруг умолк.

– Кто-то идет?

Эвин затряс головой. Говорить он явно не хотел.

– Живо все по кустам!!! – рыкнул на нас магистр. – Кто вылезет без команды – ноги вырву!

Два раза нам повторять не пришлось. Мы с Эвином оказались за одним углом, и я скорчила оборотню извиняющуюся рожицу.

– Ну честно, я не думала, просто было столько интересного… ты на что больше сердишься – что мы ушли или что

тебя не подождали?

Судя по вспышкам в глазах волка – сердился он именно на второе. И непрозрачно намекал, что так друзья не поступают.

Я вздохнула.

– Извини. В следующий раз – только в компании. Веришь?

Сильный шлепок хвостом по мягкому месту заставил меня замолчать и прищуриться на канаву, откуда кто-то должен был появиться.

* * *

Вы когда-нибудь видели ловушку для тараканов, которая внезапно сломалась? И теперь освобожденные насекомые бодро разбегаются во все стороны, шевеля лапками и молясь, чтобы не появился карающий тапок?

Вот так и выглядел сейчас «Свинья и кабан». Только… Ведун сильно подозревал, что тараканы – насекомые более чистоплотные, чем то, что разбегалось сейчас в ночь. Ну, пусть бегут. Далеко все равно удрать не получится. Трактир и часть площади были окружены симпатичным заклинанием. Наткнешься на него – и залипнешь, как муха в меду. Много людей так не удержать, но до сотни – вполне.

Сколько же выходов можно отыскать у обычного трактира?

Пока Антел Герлей насчитал восемнадцать. И это не го-

воря уже о… точно. Даже из трубы кто-то пытался вылезти, застряв и подвывая от страха. Ведун улыбнулся – и кивнул магистру Ренкину:

– Рен, сходи, посмотри, что там с тайниками?

Магистр себя долго ждать не заставил. Нырнул в трактир – и окна заведения начали вспыхивать зеленоватыми огоньками.

Влипшие (в буквальном смысле слова) посетители трактира завыли и задергались. А откуда-то из канав вылезло еще несколько возжелавших свободы.

Директор улыбнулся. Он знал, что сейчас происходит внутри.

Магистр Ренкин стоит посреди помещения – и с его ладоней бьют зеленоватые лучи, чем-то похожие на прожекторы мира техники. Они тщательно проходят по каждому сантиметру стен и пола, выявляя тайники. И потайные двери начинают светиться ядовито-зеленым контуром.

Пришло пять минут.

Десять.

Пятнадцать.

Директор даже начал слегка волноваться.

Неужели основной пункт где-то еще? А здесь просто перевалочная база?

Жаль, если так. И если ребята вообще ошиблись. Придется долго извиняться перед градоправителем. А то еще и выполнять какую-нибудь работу для него, на которую добро-

вольцев и деньгами не заманишь. Например, очистку городской канализации…

– Антел, ты погляди, что тут есть! – раздался веселый голос магистра.

Ведун перевел дыхание и взглянул на Саминола.

– Удержишь контур?

Эльф коротко кивнул. Вопреки всем привычкам остроухих, разговаривать он не любил. И вообще был весьма сдержан.

И магистр нырнул внутрь.

В трактире было… неприятно. Типичное третьесортное местечко. Полы сто лет не мыты, как и столы, стены не белены, атмосфера – хоть топор вешай, так воняет разной пакостью. Стойка трактирщика залита всякой дрянью и заляпана… а где Рен?

– Здесь я, – донесся откуда-то из-за стойки голос магистра. – Ну и наглые же твари!

Директор шагнул за стойку, мимоходом испугав парочку крыс, – и прошел в подсобное помещение.

Магистр Ренкин помахал ему рукой, выглянув откуда-то из подвала, и нырнул обратно. Директор последовал за ним и присвистнул:

– Трудолюбивые, гады!

Обычный погреб. Ключ только у хозяина. Единственное отличие от других погребов – одна из бочек с вином сдвинута в сторону. А вот под бочкой…

Проход был сделан на совесть. От бочки даже вином пахло. И директор готов был поклясться, что там и есть вино. Только немного. Чтобы слуги ничего не заподозрили.

Хотя… слуги наверняка в деле…

Ведун пригнулся и нырнул в проход.

И тут же выругался, споткнувшись обо что-то… труп?

– Трактирщик.

– Вот как?

– Похоже, его недавно прирезали.

– Чем?

– Дрянь. Посмотри, вон клинок лежит.

Директор наклонился к трупу и чертыхнулся, почувствовав слабый сладковатый запах. Эльфийский бессмертник.

Если в мире есть некроманты, которые могут поднять и допросить труп, – находится и средство от них. Симпатичный такой цветочек синего цвета. Эльфийский бессмертник. Вытяжка из него надежно упокаивает любую нечисть, стоит ей попасть в кровь. А если убить кого-то кинжалом, смоченным в такой вытяжке, – ни за что не поднимешь ни труп, ни призрака, ни зомби… да никого! Ни одну из форм нежити.

Стоит бессмертник дорого, встречается довольно редко, но… недостаточно редко!

– А сообщник?..

– Ушел через потайной ход.

Рен кивнул на одну из дверей:

– Я попробую пойти за ним?

Директор покачал головой:

– Рен, тут нужен кто-то с нюхом. Или идти вдвоем. Одного я тебя не отпущу. Опасно.

– Зря ты оборотня отослал.

– Он пока еще первокурсник.

– Вот как? Лихо начинают детки.

– Лишь бы он их нашел, пока ничего не случилось.

– Да что с ними может случиться?

– Как видишь, кое-что интересное они уже обнаружили. И это просто сходив за хлебушком. – Директор язвительно ухмыльнулся и кивнул на стоящее в подвальчике оборудование.

Формы, пресс, свинец, небольшая печка – все, что необходимо для литья фальшивых денег…

Подвальчик был оборудован просто… великолепно!

Директор сам не сделал бы лучше! Если бы решил стать фальшивомонетчиком.

– Как ты думаешь, сколько они отливали в круг?

– Да уж не меньше тысячи. Если не больше. Золотые ведь гнали, не серебро… посмотри…

Действительно, в углу стояли несколько мешочков с продукцией. Директор развязал один, выгреб на ладонь горсть золотых, пропустил через пальцы, взвесил…

– Я бы и сам попался.

– И я бы… кто ж это у нас такой умный?

– Найдем. Не мог он не оставить следов.

– Найдем. И плотно пообщаемся.

Улыбка магистра Ренкина не обещала фальшивомонетчику приятных минут.

* * *

Сам фальшивомонетчик, господин Ройс, организатор, идейный вдохновитель и вообще душа всего незаконного предприятия, в этот момент бодро шагал по подземному ходу и размышлял, что в любом деле главное – вовремя из него выскочить. И лучше – с прибылью.

Вот как он.

Этот филиал придется закрыть, а остальные временно свернуть.

Но все вполне удачно.

Удачно, что он сегодня оказался здесь, удачно, что решил забрать выручку, что слышал заявление ведьмы, а то Мург так бы и не отреагировал… И дождался бы грома на свою голову.

Универ…

Маги не любят нарушителей закона.

Собственно, давным-давно между королями и магами было заключено соглашение.

Маги помогают всем, чем могут, в поимке преступников. И сами не нарушают закон.

А государства содержат Универ. Ну и магов на государ-

ственной службе.

И это соглашение всех устраивает.

Да, среди магов есть те, кто не против подзаработать, заряжая амулеты для людей… не с самой лучшей репутацией. Но ни один маг не пойдет на службу к преступникам.

Просто потому, что его участие тут же почувствуют. Возьмут слепок ауры и будут искать.

И найдут рано или поздно.

Что делают с такими найденышами?

Самое страшное для магов.

Полностью лишают силы и отдают на королевский суд. Но такие обычно даже до окончания суда не доживают. Слишком это страшно – лишиться части себя. Большей части.

Вот и сейчас – маги вышли на их маленький бизнес.

Сволочи.

Но что поделать. Придется временно затихнуть.

С этими мыслями Ройс и поднял засов на потайной двери.

Отсюда недалеко до его дома.

Дойти, оставить все деньги, а потом связаться со своими людьми и дать приказ свернуть производство. Ненадолго. На полгода, на год… не больше…

Шаг, другой…

А потом мир взорвался миллионами звезд.

Последнее, что увидел мужчина, оседающий на землю, – был огромный черный волк, рванувшийся к нему словно из-под земли.

* * *

Все было очень быстро и… страшно.

Что-то скрипнуло, хрустнуло – и из канавы начал подниматься силуэт человека.

Мы и «мяу» сказать не успели.

Магистр Тирен только рукой взмахнул. Что-то сверкнуло наподобие электрического разряда – и мужчина, оглушенный, начал оседать на землю.

К нему рванулся Эвин.

Скрылся под землей… то есть в канаве, почти сразу высунулся и рыкнул:

– Все тихо.

И мы вылезли из укрытий.

Магистр первым подошел к Эвину и отвесил волку здоровенную затрещину.

– Еще раз полезешь вперед старших, щенок сопливый, шкуру сдеру!

Эвин зарычал, но гном цепко ухватил его за мохнатое ухо.

– А если бы кто-то еще полез? Или заклинанием кинул? Артефактами и ворье пользуется! А я бы даже прикрыть тебя не смог! А перестрелка началась бы? Ты у нас от болтов заговоренный, что ли? Головой думать надо, а не геройствовать. Хотя вам это точно не грозит.

Мы потупились.

Гном оглядел нас, потом махнул рукой, подошел к поверженному врагу – и пихнул его ногой.

Что-то зазвенело. Я прищурилась. На мостовой блеснули рассыпавшиеся монетки. Рядом лежал мешочек размером с детскую голову. Тяжелый даже на вид.

– О, это мы хорошую рыбку поймали, – ухмыльнулся гном. – Так, ребятки, отойдите на секунду…

С пальцев магистра сорвалось нечто вроде синеватой сетки, опутавшей мужчину с ног до головы.

– А теперь берем его за руки и за ноги и несем обратно. И мешочек не забудьте.

Гном развернулся к нам спиной и зашагал к трактиру.

Лерг и Лютик переглянулись и покрепче ухватили парня. Эвин осторожно взял в зубы мешочек.

Я посмотрела на мостовую.

Там лежало не меньше двух десятков золотых.

Порядочный человек должен был их собрать и высыпать обратно?

Во мне проснулись гены отца-бизнесмена.

Буквально за двадцать секунд все монетки нашли пристанище в моих карманах. А я с самым независимым видом зашагала вслед за ребятами. Совесть заворочалась, но я быстро цыкнула на нее.

Магистр видел, что мешок развязался?

Да.

Он сказал что-либо?

Нет.

Значит, не возражал против небольшой компенсации за перенесенные страдания. Какие? Неважно! Моральные! Моя тонкая натура, хрупкая душевная организация…

И вообще… киселя на ужин я не перенесу.

Гадость!

* * *

Мы подоспели в самую пору.

Директор уже вышел из трактира и теперь накладывал заклинание. Что-то вроде бумажки с печатью в мире техники. Только в мире магии эта «бумажка» выглядела как синеватое облачко, окутавшее трактир.

Каждый, кто войдет внутрь, будет сфотографирован, у него возьмут слепок ауры и доложат директору. Убрать это заклинание может маг не слабее Антела Герлей. А таких среди ворья не найти.

Закончив, Ведун одарил нас насмешливым взглядом.

– Явились, герои?

Мы потупились.

– Надо вам запретить в город выходить. Не успели в Универ поступить, а уже в неприятности вляпались.

Дружное сопение.

– Или вообще за ворота Универа. Хотя вы и там приключений себе найдете…

– Антел, ты лучше посмотри, кого они нашли, – магистр Тирен кивнул на бесчувственное тело, повисшее между Лергом и Лютиком.

– О! – возрадовался магистр Ренкин, поднимая обвисшую уголовную морду за волосы на макушке и вглядываясь в грязное (ну, уронили по дороге. Раз пять. В кучу мусора!) лицо. – Лапа моя! Как я по тебе скучал! Господин Ройс! Какая встреча! А я без галстука и водки!

– Прекрати балаган, – поморщился Ведун. – Как вы на него наткнулись?

– Эти паршивцы решили, что из трактира наверняка есть подземный ход, – отчитался магистр Тирен.

– И решили проследить? Похвально. Каким образом? – Взгляд Ведуна оставался острым и ясным.

– Да уж каким там! – не выдержала я. – Нашли подземный ход и решили проследить.

– Вот просто так нашли? Над ним табличка висела?

Мы вздохнули, понимая, что спустить все на тормозах не удастся. И Лерг выступил вперед.

– Я немного уже умею. С подземными ходами. Был случай.

Директор кивнул. И Лерг продолжил:

– Отследили, прошли вдоль хода, сидели там в засаде, ждали…

– А если бы он оказался не один, а с десятком мордоворотов?

– Да откуда?! – возмутилась я. – И когда бы у него была возможность?

Директор погрозил мне кулаком.

– А с тобой мы еще разберемся! Чтобы завтра в одиннадцать положили мне на стол объяснительную! В трех экземплярах.

– Зачем в трех? – удивился Лютик.

– Для меня, для стражи и для короля. Еще вопросы будут?

– Нет.

– Тогда – брысь в Универ!

И директор одним взмахом руки очертил в воздухе круг телепорта.

Мы переглянулись – и пошлепали в указанном направлении.

Серый туман на миг сгустился вокруг. И мы оказались в телепортационном зале. То есть там, куда я и попала изначально.

– Ребята, пошли ко мне? – предложила я.

Мальчишки поглядели на меня. Я выразительно хлопнула по карману.

– Поговорим, обменяемся впечатлениями…

Никто не стал возражать. Тем более что я жила одна. Эвин мотнул головой куда-то в сторону и умчался. Наверное, за одеждой.

В моей комнате мы развалились на кроватях.

– Нет, ну это надо же так вляпаться! – вздохнул Лютик.

– Зато не бесплатно, – подмигнула я, выгребая из кармана все неправедно поднятое в том переулке. Оказалось ровно тридцать одна монета. Так что поделили по-честному – семь золотых на нос, а оставшиеся три разбили серебрушками и тоже разделили.

– Уже лучше, чем ничего, – кивнул повеселевший Лютик. – Еще бы выпить теперь…

– А где наше все? То есть честно купленная колбаса? – осенило меня.

– Были у Эвина. – Лерг поднял брови…

Дверь комнаты скрипнула. На пороге стоял уже полностью одетый Эвин в человеческом виде. И держал в руке тот самый мешок.

– Ну что – по бутеру?

– Поздний ужин вреден, но ранний завтрак – нет! – решила я. И полезла в тумбочку за ножом.

Спорить не стал никто.

Итог, увы, был печален…

Спиртное, да при не слишком богатой закуске, да на взбудораженные нервы, да в три часа ночи…

Докладную записку пришлось, увы, писать в десять часов сорок минут утра. Поминутно сажая кляксы и чертыхаясь.

Мальчишки, которые остались ночевать у меня, тоже царапали перьями по бумаге. А время катастрофически поджимало…

– Дайте сюда, – выдрал у нас Лерг имеющиеся экземпля-

ры. – Сейчас я их…

Он сложил руки над кучей бумаги и что-то зашептал.

Бумага полыхнула красным. Все зажмурились.

Если бы приятель угробил единственный экземпляр моего отчета – я бы его на терке натерла.

Оказалось, что это заклинание копирования. На столе лежали двенадцать докладных записок.

Мы цапнули свои экземпляры, накинули плащи – и рванули по коридорам.

Директор ждал нас в кабинете.

– Ну что, явились, умники?

Мы дружно закивали. На осмысленное приветствие хватило дыхания только у Эвина. Но дышать ему пришлось в сторонку. Пили-то вчера не лимонадик, а почистить зубы было некогда.

– Ага. Принесли отчеты? Давайте сюда.

Мы послушно сложили бумаги на стол.

– А теперь слушайте. Если вы, паршивцы, еще раз себе такое позволите – ноги вырву. И руки. И голову. Ясно?

Мы вежливо покивали. Чего тут неясного?

– А что вчера получилось? – не выдержала я. – Во что мы вляпались?

Директор пожал плечами.

– Да ни во что особенное. Зашли вы вчера купить покушать – и пошутили насчет фальшивых монет. А поскольку вы, балбесы, первый курс, то мозгов у вас меньше, чем у тап-

ка! Это для вас шутки – всего лишь повод посмеяться. А население этого мира привыкло, что маги такими вещами не шутят! Раз сказали, что здесь фальшак делают, значит, так оно и есть. Не говоря уж о том, что часть магов обладает провидческими способностями. И вы могли просто угадать.

Естественно, господа фальшивомонетчики запаниковали. Никогда не послали бы за вами таких лохов, если была бы возможность найти кого-то покруче! Задержись вы минут на десять – и вас бы точно ничего не спасло! Господин Ройс, чтоб вы знали, нерешительностью не отличался. Но вы ушли. И пришлось вас догонять, атаковать…

Повезло…

Мы дружно закивали. Действительно – повезло. Послали бы кого-то серьезнее, фиг бы мы справились, да еще так легко. Это пятерых лохов нам удалось свалить. И то потому, что Эвин – оборотень, а меня когда-то угораздило походить на карате. И то – чтобы накостылять братцу. А так-то… нету лучше карате, чем дубина и ТТ.

– В следующий раз сначала думайте, а потом уже ляпайте своими языками. Это к тебе, Ёлка, и к тебе, Лютик, относится. Вы просто пока еще не понимаете, какая сила в нашем мире – магия. И насколько серьезен тот груз, который свалился вам на плечи. Но это не повод валять дурака.

Мы кивнули.

– Услышав про фальшак, владелец подпольной мастерской, господин Ройс, который по случайности пришел за вы-

ручкой, послал за вами убийц, а когда понял, что вы сумели уйти, прирезал своего подельника и попытался скрыться через подземный ход. Там вы его и нашли. А теперь про пинки и пряники. За то, что полезли куда не надо и ляпали что придется своими языками, – получаете по три дня исправработ в библиотеке. А то магистр Истрон уже жаловался, что ему рабочих рук не хватает. Вопросы?

Мы дружно замотали головами. Три дня так три дня. Дешево еще отделались.

– Подойдете к магистру после занятий. Он назначит время отработки. Поняли?

Мы также дружно закивали.

– О пряниках. Вообще-то вам их не причитается. Но я сегодня добрый. За поимку опасного преступника и фальшивомонетчиков вам причитается награда. По двадцать золотых на нос. Получите, распишитесь. – На стол были выложены четыре небольших кошелечка. – Довольны?

– Ур-р-ра-а-а-а!!! – взвизгнули мы хором.

– Вопросы, возражения, замечания?

– Никак нет, – отрапортовал Эвин.

– Отлично. Тогда брысь отсюда.

Ведун придвинул к себе наши отчеты и раскрыл первый попавшийся.

Мы направились к двери кабинета.

– Ёлка!!! Это что такое?!

Упс… а что не так?

Я развернулась вовремя, чтобы поймать тяжеленный отчет, летящий мне в нос.

– Читай!!!

– После чего мы… твою мать… направились к таверне опаздываем!!! П…ц!!! «Свинья и кабан», чтобы купить… Мля, куда я свои носки подевал… не поняла?!

– Зато я понял, – прошипел Ведун. – Копировали?!

Мы потупились.

– Бараны!!! Думать, когда копируешь, не о носках надо, а о копируемом предмете!!! Это же в заклинании указано! Кто копировал?

– Все вместе, – тут же ляпнула я, пока Лерг не вылез со своей частной инициативой.

– Вот все вместе и будете разучивать это заклинание под руководством магистра Истрона. Я его уведомлю! Ваше счастье, что я в таком виде их королю не отдал! Нормальные отчеты там есть?

Мы кивнули.

– Тогда – брысь! Сам скопирую!

Мы выползли за дверь. И от души расхохотались.

– А забавно было бы в таком виде отдать отчеты в полицию… там дальше не круче?

– Скажи спасибо, что я не о сексе думал, – огрызнулся Лерг.

Я захлопала ресницами.

– А при чем тут секс?

– Так интеллектуальный же! Это когда отчет и твои мозги вступают в близость, – скорчил рожу приятель. – А ты о чем думала, пошлячка?

– О возвышенном. Только о возвышенном. О том, что у нас еще колбаса осталась, – призналась я. – И завтрак мы пропустили. Айда ко мне доедать остатки?

Предложение было принято единодушно.

* * *

Антел Герлей посмотрел на магистра Теодоруса, который развалился в кресле и потягивал сок веласа из высокого стакана.

– Ну что скажешь, Тед?

– А что тут скажешь? Ты ведь знаешь, о чем я. Точка фокуса?

– Глаз урагана.

– Но знать об этом никому не обязательно.

Магистры переглянулись с самым невинным видом.

Что такое «глаз урагана»? Вообще ураган – страшная штука. Может не только Элли в Волшебную страну закинуть, но и гору своротить. Но в самом центре урагана всегда есть островок покоя и статики. Небольшой, даже крохотный, но без него урагана быть не может.

Это в природе. А в жизни…

Есть такие люди. Вроде бы они ничего не делают. Сидят

себе на попе ровно. Или не слишком ровно. Но вокруг них всегда творится что-то весьма и весьма интересное. Иногда веселое. Иногда страшное.

Они – глаз урагана. Им не надо крутиться самим. Это как судьба. Если такой человек пойдет погулять в лес, он наткнется или на труп, или на ворота в другой мир. Отправится за покупками – поймает воришку. Начнет общаться с кем-то – и бедолаг закружит в водовороте событий. А человек будет удивленно разводить руками. Он-то ничего не делал.

И это будет чистая правда.

Око бури, что тут скажешь…

Среди магов такие встречаются довольно часто. Особенно среди неинициированных магов. Тех, которые не знают о своей силе. И не умеют ей пользоваться.

Они не виноваты. Но сила – она как хвост. Вот представьте, что он у вас есть! Длинный, роскошный… а теперь вообразите, сколько от него будет хаоса в окружающем пространстве. И чем длиннее хвост (мощнее сила), тем больше от него разрушений. Если вы умеете с ним обращаться – вопрос другой. Кое-как, криво, косо, но вы хоть дом не снесете. А если нет? И вы даже не знаете, что он у вас есть?

Представили себе масштаб разрушений?

При этом хозяину-то ничего не грозит. Кто же себя своим хвостом удушит? Хозяина его сила будет любить, беречь, заботиться, как-никак носитель… но окружающие получат по полной программе. И это только при полном безразличии

носителя хвоста (силы). А уж если такой товарищ захочет кому-то насолить… никто и никогда не узнает, откуда на его врага посыплются неприятности.

Сила, которую неконтролируемо спускают с цепи, по воздействию вполне равноценна своре охотничьих собак. Не загрызут насмерть, так все равно жизни рад не будешь.

Вот такой носитель и попал в Универ. И магистры лукаво переглядывались.

В любом другом месте такого ученика стоило бы выгнать за порог. Или доучить и выгнать. Со всеми церемониями, расшаркиваниями и прочим, чтобы не обиделся.

В Универе же…

Таких людей любили и привечали.

Почему?

А с кем еще лучше можно отработать навыки?

От кого еще придется защищаться?

Кто может послужить лучшей тренировкой для молодых магов?

– Знать – необязательно. Но вот нам придется приглядывать за девчонкой.

– Сколько?

– По моим прикидкам – лет десять. Раньше она свою силу не оформит.

– Полагаешь, она настолько крута?

– Тед, она действительно очень сильна. Кто другой смог бы увидеть наше окно? Пройти сквозь него? Попасть к нам?

Это ведь не так просто…

– Я бы сказал – один шанс на миллион.

– Миллиард. Но ей он выпал. И я полагаю, потому что Ёлка подсознательно хотела чего-то невероятного, необычного… так совпало. Сила постаралась выполнить пожелание своего носителя. И мы получили девчушку с невероятным разрушительным потенциалом. Что и испытали на себе бедняги фальшивомонетчики…

– Полагаешь?

– Конечно. Ёлка сама сказала, что первый выход в средневековый город – это как открытие, она ждала чего-то необычного, невероятного, фантастического… ну и получила. По полной программе. При этом – заметь, жива, здорова, никто из ее друзей даже царапинки не огреб, да еще и с прибылью вышли из ситуации, которая могла кончиться смертью всех шалопаев. Невероятно? Да! Но не для «глаза урагана».

– А дальше не будет ли хуже? Может, ее все-таки предупредить?

– Зачем? – искренне удивился директор. – Не вздумай! Во-первых, пока об этом знаем только мы с тобой. И пусть так и остается. Отношение к ней должно быть естественным. Во-вторых, это отличный отбор.

– Отбор?

– Разумеется! Как директор я могу многое не замечать. Сам понимаешь, нельзя объять необъятное. Как УМ она

узнает и увидит многое, что надо бы исправить в Универе. И ее сила позаботится об исправлении. Гарантирую.

– Понятно. Проверка на вшивость?

– Именно так. Ну и…

– Что? – поинтересовался магистр Теодорус, заметив лукавые огоньки в глазах директора.

– Нам с тобой так и так ничего не угрожает. Она к нам хорошо относится, и мы знаем, от чего защищаться. А мне жутко любопытно посмотреть – что же будет происходить в Универе?

Магистр Теодорус только головой покачал.

– И как ты можешь быть директором? Сам ведь мальчишка мальчишкой..

– А другой с этим дурдомом и не справится, – парировал Антел Герлей, поудобнее располагаясь в кресле. – Так что – посмотрим, чем все это дело кончится.

– Посмотрим. Главное – не забывать о мерах безопасности. Для нас с тобой.

– А остальной преподавательский состав тебе не жалко?

– Если взрослый состоявшийся маг не может о себе позаботиться – кто ж ему доктор?

Магистры чокнулись стаканами и одновременно осушили их.

* * *

Отработка в библиотеке мне жутко… понравилась!

Чаще бы такая лафа на голову сваливалась. Я вообще была неоправданно счастлива все эти дни. С утра я вскакивала и бежала в купальни. Потом – на занятия. А после занятий учила уроки около часа – и на три часа удирала в библиотеку.

Зря директор нас пугал – отработка оказалась замечательной вещью.

Так получилось – в архивах Универа была куча книг. Книги привозили, присылали, дарили, завещали – и поток был практически непрерывным. Разбирать их магистр Истрон просто не успевал. Физически.

Допускать к книгам домовых не позволяла душа библиотекаря.

Оставались только ученики.

Мы брали книгу, проверяли состояние, вносили ее в каталог, ставили штамп и приписывали к определенной полке.

В теории.

На практике мы брали книгу, начинали проверять на сохранность и отсутствие страниц – и намертво впечатывались в текст. Магистр Истрон терпел минут десять, потом начинал ругаться, а потом вместе с нами влипал глазами в книгу.

И принимался объяснять нам прочитанное.

Объяснять у него вообще получалось великолепно.

Весело, живо, без напряга, простыми ясными словами. И теория каким-то образом превращалась в практику под его руководством.

Одним словом, когда через три дня наша отработка закончилась – я все равно продолжила бегать в библиотеку.

Ребята периодически сачковали – им больше нравилось погулять, искупаться, построить глазки симпатичным девушкам.

Мне была интересна магия.

Я смотрела восторженными глазами на преподавателей.

Не отрывалась от учебников.

И, затаив дыхание, слушала магистра Истрона.

Пока у нас было всего четыре магических предмета. Магоматика. То есть математический расчет нужных параметров заклинания. Ауристика – изучение ауры. Развитие силовых каналов. И строение потоков магического эфира.

Пока это было то, что мы могли изучать без вреда для себя. Ну и общеобразовательные. Физическая культура. Языки. Этикет. История.

По каждому предмету нам обещали экзамен. А сдавали их тут очень интересно. Не в конце учебного года, когда что-то чудом задержалось в памяти, а ты после года мучений злая и усталая.

Нет!

В начале учебного года. На это отводился один лунный круг.

И вот тут ученикам приходилось солоно. Надо было вспомнить все после весело проведенного лета. Выучить. И сдать.

Поэтому пока мы даже не видели старшекурсников.

Они все сидели по местам и зубрили, зубрили, зубрили…

Ибо несданный экзамен означал пересдачу, а три несданных экзамена за сессию – автоматическое отчисление.

А быть отчисленными из УНИВЕРА?!

Лично я знала: если меня отсюда выгонят – я вот сразу же за воротами и умру.

Лягу и умру.

И ничего другого мне не надо.

Этот старый корпус, озеро-купальня, беспросветно черная форма и удивительно веселые и живые глаза преподавателей.

Это вам не мир техники – отчитал и свободен!

Здесь преподаватели любили свое дело всей душой. Магия была у них в крови, костях, душе и теле, разуме и чувствах. И говоря о ней – они говорили о своей душе. А можете вы найти человека, которому неинтересно поговорить о себе любимом?

Группа у нас тоже подобралась хорошая.

Я, Лерг, Лютик, Эвин, вечно растрепанный человек Тархо, педантичный рыженький гном Дерфер, эльф Шаталоривэль, братья-близнецы Варлин и Марлин, настолько замкнутые друг на друге и своей магии, что весь остальной мир для

них не существовал, и вампир Норфельт. Последний умудрился почти сразу сдружиться с эльфом: «Привет, меня зовут Норфельт, кто хочет – Нор. А ты? Шаталоривэль? Слушай, Шалек, пошли сегодня в трактир? Люблю эльфов под маринадом…»

Впрочем, со всеми остальными Нор тоже дружил. Просто с Шалеком они как-то быстрее всего нашли общий язык. Мы же объединились четверкой. А Тархо с Дерфером обожали препираться по каждому поводу.

Меня ребята вообще опекали всей группой. Причем – без малейших покушений на меня как на женщину. Свой парень – и все тут. А кто еще? Подруга? Подруги на факультете лекарей. Или на иноформе. А тут – боевые товарищи. И никаких интрижек между ними не бывает.

Это мне по пьянке разъяснил Эвин. На оборотней спиртное вообще действует иначе, чем на людей. Быстро опьяняет до состояния «мордой в кусты», еще быстрее проходит и не награждает похмельем. И оборотня потянуло на откровения.

* * *

«Ёлка, ну какая из тебя девчонка? – пьяно признавался оборотень. – Ты замечательная, умная, даже симпатичная, но ты же как сестренка! Тебя просто не получается не то что тронуть, даже и подумать! Ты же смотришь такими детскими восторженными глазами! Тебя хочется погладить по головке

и дать конфетку. А не затащить в постель!»

Судя по всему, остальные парни в группе придерживались того же мнения. А кто размышлял – тем друзья популярно объясняли свою точку зрения.

Я не возражала.

Более того! Я была счастлива!

Мне совершенно не хотелось портить все отношения… простите, тупым сексом! Не говоря уж о том, что не было ни времени, ни сил, ни желания. Почему? Хотя бы потому, что я еще ни с кем и ни разу. И очень хотелось любви, цветов под балконом, романтики и прочего антуража.

А не «пошли потрахаемся».

В мире техники мне иного не предлагали. И еще считали, что я должна быть благодарна. В мире же магии…

В Универе за нравственностью не следили. Директор считал, что ученикам надо где-то сбрасывать напряжение. Поэтому не возражал. И парочки по коридорам не ловил.

Другой вопрос, что все должно было быть тихо, почти незаметно, без суеты и шума.

А вы пробовали тихо и романтично ухаживать за девушкой?

А еще параллельно учиться, заниматься магией и приползать в комнату вымотанным, как черт?!

Попробуйте.

Если не вылетите из Универа на третьем круге – признаю вас талантом.

Да и зачем напрягаться с ухаживаниями, когда полно доступных девушек? И более симпатичных. На любой вкус, цвет и расу? Я абсолютно не могла конкурировать ни с тонкими загадочными эльфийками в летящих одеждах, ни с надменными вампиршами, ни с задумчивыми друидессами, которые умудрялись выглядеть полуобнаженными даже в форме Универа, ни с оборотницами с их хищной диковатой красотой… и не страдала от этого.

Как говорила мама, это годам к тридцати начнется. То есть интерес к противоположному полу. А сейчас… сейчас я оставалась просто сестренкой и подругой.

И была счастлива.

Ровно круг.

Пока старшекурсники не окончили сессию и не вышли из укрытий.

А выйдя – огляделись и заметили девчонку на факультете боевых магов. Кто-то отнесся к этому спокойно. Ну, девчонка. И что?

А вот другие…

Мы с ребятами как раз были в столовой. Да, туда тоже заходить пришлось. За три дня до стипухи, когда все, что было, уже потратилось, а что осталось – даже вскладчину на нормальные продукты не потянет.

Эвин печально взирал на свой обед. Я чуть задержалась на лекции и влетела последней.

– Чем сегодня кормят?

– Травят, – проворчал оборотень. – Суп из свежих огурцов, котлеты, тыквенное пюре, компот с булочками.

Я покривилась. Не фонтан. Сюда бы украинского борща с пампушками! И хочется холодца с чесночком. И пирожного «Наполеон»… а лопать придется огуречный суп… бэ-э-э…

– Ладно. Вам чего взять? Дополнительно?

– Ёлка, ты просто лапа. – Лютик приобнял меня за плечи. – Значит так. Стакан компота и булочку.

– То, что когда-то было булочкой, а сейчас молоток, – поправил его Лерг.

Я молча встала и прошла к стойке. Поваренок подмигнул мне – и положил в тарелки двойную порцию. Я подмигнула в ответ (вежливость – главное оружие мага!), поблагодарила, развернулась…

Твою зебру!!!

Поднос состыковался с черной мантией какого-то нахального типа. После чего тарелки поехали и украсили его своим содержимым. Суп вылился, поверх наслоилось пюре из тыквы, а котлета, побалансировав, шлепнулась на носок сапога. Изумительную картину завершила та самая булочка тверже камня. Печально закапал на пол компот.

– Смотреть надо куда прешь, бестолочь!

– Извини. Но смотреть надо, когда подходишь! Сам дурак! – не осталась я в долгу.

Парень прищурился.

– Погоди-ка… Ты и есть та самая баба, которую приняли

на наш факультет?! Какого лешего?! Ведун что – с ума сошел?!

Я зашипела кошкой. Неизвестный уже нарвался. Критику любимого (платонически, только платонически) директора я прощать не собиралась. А «бабу» – так и вообще.

– Ну уж если туда обезьян принимают, почему бы и женщин не принять? – язвительно огрызнулась я.

Нахал сверкнул глазами.

– Сразу видно – ты простолюдинка! Выползок из низов общества!

Я фыркнула.

– А что – сила зависит от происхождения? Вот не припомню у Основателей ни званий, ни титулов!

– Ты себя, что ли, сравниваешь с Основателями, быдло безродное?

На это мог быть только один ответ. Я небрежным движением подхватила со стояки еще одну тарелку с тыквенным пюре. И припечатала к физиономии надменного блондина! Тарелка со звоном упала на пол.

Блондин оскалился – и занес руку для удара. Я сделала полшага назад. Если он сейчас попробует дать мне пощечину, я увернусь – и ударю его по коленке. Повезет – смогу выбить коленную чашечку. Недаром нам Кесс показывал…

Занесенную руку перехватили сильные пальцы.

– Ты что себе позволяешь, козел?!

Эвин вывернул руку блондина назад. За его спиной встали

Лерг и Лютик.

– Извинись немедленно перед дамой!

Блондин прищелкнул пальцами свободной руки. Эвин вскрикнул – и выпустил его кисть, словно обжегся. А может, так и было. Подобными жестами легко было активировать разные виды заклинаний.

– Дама? И скольким из вас эта дама сказала «дам»?

Я подняла руку. Если этот гад хочет базарную перепалку, он ее получит!

– А ты что, жалеешь, что в очередь не попал? Так я не зоофилка!

– Да и я не некрофил!

– Конечно нет! От тебя и вурдалачку стошнит!

– Ах ты… Завра в пять утра, у горячих источников!

Я очаровательно улыбнулась.

– Топиться будешь?

– Я твой пепел над ними развею!

– А это мы еще посмотрим, кто на чьей могилке спляшет! Но я добрая. Обещаю тебя только выпороть, но не убивать.

Блондин задохнулся от возмущения, развернулся – и, широко шагая, вышел из столовой.

– Ёлка! Что тут происходит?!

Я огляделась. Как-то незаметно вокруг нас собралась целая толпа. И через нее теперь пробивались Кесс и Кан.

– Да ничего, – протянула я. – Кажется, меня на дуэль вызвали…

– Кто?! – рявкнул Кесс.

– Вирт Хелмстрон, – отозвался кто-то.

Кесс посерьезнел.

– Ёлка, ты сошла с ума?! Как ты вообще могла?!

– А меня спросили? Я не хотела с этим уродом связываться!

– Могла бы подыскать способ самоубийства получше, – огрызнулся Кесс.

– С ним даже я не справлюсь, – вздохнул Кан.

Я потерла нос.

– А подробности?

– Грубо говоря, ты умудрилась сцепиться с первым дуэлянтом факультета!

Новость не обрадовала.

– И как его, такого агрессивного, до сих пор не прибили?

– Очень просто. Вирт – сын графа. И талант к магии у него обнаружили в раннем детстве. Соответственно, попал на факультет он уже изрядно подготовленным. А здесь просто шлифует навыки. И постоянно ввязывается в дуэли.

– А они здесь разрешены?

– Еще со времен Основателей. Не до смерти. Но… если тебя и убьют, все могут списать на неосторожность. Или неумелость ученика. Всякое бывает.

– Но не всякое проходит, – мрачно фыркнул Кан. – Кто кого вызвал?

– Он – меня.

– То есть он – оскорбленная сторона? Плохо. Ты не сможешь закончить дуэль одним ударом?

Я покачала головой. Одним ударом? Если только найти палку побольше – и зайти со спины.

– Пошли. – Кесс рванул меня за руку. – Я тебе расскажу, что любит применять этот гад, и дам свои конспекты.

– Толку мне с твоих конспектов. Я – первый курс. И круга не проучилась. А он?

– Девятый.

– Мои шансы его уделать?

– Нулевые, – признал Лютик. – Ёлка…

Я сунула руку в карман и достала ключ от комнаты.

– Ребята, собирайтесь там, ладно? А я сейчас пойду, проветрюсь, подумаю…

И я опрометью рванула к горячим источникам.

Что угодно, лишь бы не видеть умоляющие и тоскливые взгляды мальчишек.

Источники помогли. Через час я вылезла из горячей, почти кипящей воды спокойная и довольная жизнью. И с одной-единственной внятной мыслью.

Библиотека.

Если где-то я смогу отыскать помощь, то только там.

А если и не помогут, то хоть книжной пылью подышу… напоследок.

* * *

Библиотекарь был на месте. И, увидев меня, грозно прищурился.

– Что скажешь, поганка?

– Я – Ёлка. Вы меня с кем-то спутали?

– И рад бы спутать. Да вот другой такой не имеется. Как ты умудрилась ввязаться в дуэль?

Я опустила глаза.

– Чисто случайно.

Библиотекарь просверлил меня взглядом.

– Верится с трудом.

– Честное слово, магистр!

Взгляд стал еще более подозрительным. А откуда-то сверху на библиотечную стойку опустился здоровущий хрустальный шар размером с мою голову.

– Положи на него руку и вспомни вашу ссору.

Я кивнула.

– Какую? Правую? Левую?

– Правую.

Я повиновалась. И в хрустальном шаре возникла миниатюрная сцена. Я в столовой, за моей спиной появляется беспредельно высокомерный Вирт… я разворачиваюсь…

Даже сейчас это выглядело досадной случайностью. Слов слышно не было, но почему-то я не сомневалась, что биб-

лиотекарь отлично читает по губам. Когда я вышла из столовой, картинка оборвалась – и магистр поглядел на меня грустными глазами.

– А хамить ему обязательно было?

– Нет. Но я просто не удержалась. Я все понимаю… но…

– Не удержалась?

Я опустила глаза.

– Ладно. Если уж честно… Если я отступлю сейчас, мне лучше самой убиться. Я пока единственная женщина на факультете боевой магии. И спрос с меня будет намного больше. Я не могу себе позволить отступить, спустить оскорбление, потерять лицо… я пока должна заработать себе авторитет. И тем, кто может прийти вслед за мной. Не я же одна с такими способностями буду… просто другие пока не решаются. А уж хорошо это или плохо – вам судить.

Лицо библиотекаря на миг расслабилось.

– Ладно. А зачем ты сюда пришла?

– Отработать свои два часа. Попрощаться. И… – Я махнула рукой и широко улыбнулась. – Я бью первой. Как вы думаете, что может применить недоучка вроде меня? Против такого монстра, как Вирт?

– А почему ты у меня об этом спрашиваешь?

– Если вы не знаете – больше мне спросить не у кого. Разве что у директора, но он ведь не одобрит…

– Нет. Не одобрит. Иди сюда, мелочь нахальная.

Я фыркнула.

– Слушаюсь, сэр.

Слово «сэр» вышло подозрительно похожим на «сыр». Но библиотекарь этого уже не заметил. Он пошептал что-то, глядя на книжные полки. И на его руку медленно спланировал старый потрепанный дневник.

– Хорошо, что ты развивала свои силовые линии. Тренировалась?

Я кивнула. Упражнения из маленьких книжек я повторяла по восемь раз в день. Наизусть. Пока ничего нового не ощущалось, но – кто его знает?

– Есть одно заклинание, которое может применить даже человек, вообще несведущий в магии.

– Это как?

– А вот так! Оно опирается на жизненную силу человека. И является даже не заклинанием. Вам ауристику читать начали?

– Да.

– Силовые каналы…

– Каналы, через которые человек связан с магическим эфиром. У кого-то они более развиты, у кого-то менее, именно через них маг получает свою силу.

– А если их перекрыть?

– Для мага это очень болезненно. И… аналог – как дубиной по голове.

– Читала, вижу. Умница.

Я расплылась в улыбке.

Нет, я бы не стала читать философию. Или экономику. Или (свят-свят-свят) римское право.

Мне это неинтересно и не важно.

Но все, что касается магии!!!

Все учебники я прочла аккурат за неделю. И сейчас на лекциях просто разбиралась в том, что нам рассказывали, и старалась уложить в памяти. Откровением это уже не было.

Кстати, все учебники мира магии оказались (ужас!!!) написаны простым и понятным даже маленькому ребенку языком (кошмар!!!).

Громадная разница с миром техники, где простую мысль старались скрыть под ворохом витиеватых определений. До сих пор помню анекдот…

«– Как называется ваша диссертация?

– «Как решетом воду носить».

– Ну что вы, голубчик! Кто же так диссертацию называет? Назовите ее так: «Анализ проблем транспортировки вещества в жидком агрегатном состоянии в сосудах с перфорированным дном».

– Профессор, а как называлась ваша диссертация?

– «Влияние русских народных музыкальных кнопочных инструментов на развитие религиозно-философской мысли России конца XVIII – начала XX века».

– То есть «На хрена попу баян»?..»

Тут же… Ведун искренне считал, что если человек не может грамотно и ясно рассказать о своем предмете – то и

учить ему никого нельзя. И тем более – книги писать. Кесс говорил, что каждый преподаватель проходит собеседование с Ведуном и его берут на испытательный срок. Потом Ведун просматривает тетрадки УМов, расспрашивает самых бестолковых, и если всем все понятно – преподаватель остается на своем месте.

Если же нет…

Вот тот самый анализ кнопочных. То есть – на хрена попу баян? А Универу такой преподаватель?

Так что на занятиях было весело и интересно.

Не на всех. Но большинство уроков я посещала бы, даже если за это потребовали бы доплату.

– Ёлочка, очнись. – Магистр пощелкал пальцами перед моим лицом.

Я тряхнула головой.

– Я слушаю. И даже внимательно.

– Рад безмерно. Так вот. Заклинание, которое я тебе покажу, позволит тебе перекрыть все силовые каналы у парня.

– А если…

– Блокировать его ничем нельзя. Есть только одна оговорка. Это болезненно не только для него. Для тебя тоже.

– Насколько?

– Я тебе дам одну вещицу. Проглотишь за час до поединка.

– Допинг?

– Что-то вроде. Снимет боль.

Я кивнула:

– А потом?

– Потом у тебя наступит что-то вроде ломки. Так что сразу после дуэли ко мне. Буду выводить тебя из шока.

– А эта штуковина, она… оно не…

– Выйдет, как обычная монетка.

Я с подозрением уставилась на профессора.

– А не запрещено вообще-то? Как-то нечестно…

– А вызывать на дуэль соплюшку, которая и круга не проучилась, – честно? Это же просто убийство.

Я пожала плечами.

– Никто меня не заставлял рот открывать. Могла бы и стерпеть.

– Ты, потом кто-то другой… твое чувство чести сильно пострадает, если ты поставишь мерзавца на место?

Вообще не пострадает. Ни капли.

Магистр кивнул.

– Эту штуковину никто не обнаружит. Она станет частью твоего тела. А в нужный момент ты просто произносишь заклинание, она активируется – и перекрывает твоему сопернику все силовые каналы.

– Ясно.

– Тебе останется только подобрать палку потяжелее и как следует его треснуть.

Я вздохнула.

– Не слишком честно, но по-другому я не выживу.

– Играть честно с подлецами – глупо. А теперь читай заклинание.

Две строчки магистр Истрон заставил меня вызубрить, как фамилию – имя – отчество. Ночью бы проснулась – не забыла. И настал черед жеста. Сложить руки горстью, потом сомкнуть их, а потом свести ладони. И все это – к определенным словам заклинания.

Тяжело…

А потом – главное. Магистр стал учить меня вкладывать в заклинание – силу. Хотя бы каплю. Для активации больше и не нужно.

В нужный момент и в нужной дозе.

Скажете – пустяк?

Даже для второкурсника это будет не так сложно. Но для меня… я еще и месяца толком не отучилась. Я едва-едва начала что-то чувствовать…

Магистр остался мной доволен только часам к одиннадцати вечера. И разрешил идти, погрозив на прощание пальцем:

– Ни капли алкоголя. Никому не показывать амулет. Никому не рассказывать про заклинание. Вопросы есть?

– Нет.

– После дуэли…

– Сразу к вам. Рысью.

– Умница.

Я улыбнулась. Хорошо, что есть такие магистры…

* * *

В моей комнате было людно. Даже – многолюдно. А еще оборотно, эльфично, вампирно и гномно.

Я даже подумала на секунду, что не туда попала. Но потом из кучи народу вынырнул Лютик и цапнул меня за руку.

– Ты где шлялась, паршивка?!

– Медитировала, – отрезала я. – Чего надо? Что тут за общий сбор?

– А ты еще не поняла? – Один из парней помахал мне рукой с кровати. – Вирт Хелмстрон – скотина. Он специально подставился. И если бы ты его вызвала, он бы даже бил первым. А это убийство. И мне это не нравится.

– А мне? – поинтересовалась я.

– Вот! Поэтому мы решали, что делать. Ты ведь вообще не маг.

– Пока нет.

– А если Вирт тебя завтра прикончит, то и не станешь.

– А если не прикончит?

– На что ты надеешься?

Я пожала плечами. Не настолько я глупа, чтобы раскрывать все карты.

– На свое неотразимое обаяние.

Судя по фырканью, обаяния не заметили. Ну и зря.

– Ёлка, я предложил рассказать все директору. Это не ду-

эль, это убийство, – вмешался Лерг.

Я сверкнула глазами.

– Только рискни! Пусть Вирт подлец! Я ему уподобляться не буду!

– Ты не понимаешь? Ты завтра умрешь! Он настроен тебя убить!

Я фыркнула.

– Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!

А как звучит… И кстати говоря – можно и на колени встать. Иногда. Чтобы, когда не ждут, броситься и вцепиться туда, где побольнее! Ниже пояса.

Я смогу.

Я смогу разыграть из себя героическую дуру. Сегодня. А завтра – выиграю!

– Ребята, вы не могли бы все пойти погулять? – попросила я. – Мне завтра вставать в четыре утра. И еще в пять вашего героя пинать… И уроки я пока еще не делала… вот где кошмар-то!

– Ты что – не понимаешь?! – возмутился Эвин.

Я посмотрела ему прямо в глаза. И чуть заметно покачала головой.

Оборотни отлично разбираются в запахах людей. А от меня не пахло страхом. Возбуждением перед дракой. Усталостью. Весельем. Но – не безнадежностью! Никак не безнадежностью.

Я справлюсь.

А вот делиться планом ни с кем не буду.

Во-первых, не хочу подставлять магистра Истрона.

Во-вторых, не факт, что здесь нет друзей Вирта. Наверняка ведь донесут.

А значит – никакой информации! Фиг им! И с кисточкой!

Оборотень чуть опустил веки. А потом поднялся с кровати и ухватил за локти соседей.

– Так, ребята, выметаемся! Рысью!

Ребята захлопали глазами. Но Эвин был неумолим:

– Ёлка права. Решить мы ничего уже не сможем. А вот измотать ей нервы и не дать выспаться – запросто! И обещаю, что к Ведуну никто не пойдет. А кто попробует – сам порву! Всем все ясно?

Всем было ясно.

Я завела часы на четыре утра, плюхнулась в кровать – и тут же отключилась, крепко сжимая в кулачке амулет. Совсем крохотный. Как пятирублевая монетка из темного металла.

* * *

Магистр Истрон лениво перебирал книги. В его возрасте (немножечко за сто лет) спать уже не так сильно хочется. И трех часов сна ему вполне достаточно. Можно еще немного почитать, а потом отдохнуть – и ждать с утра эту смешную девочку.

– Развлекаешься?

Антел Герлей появился словно из пустоты. Только что никого не было – и вот он стоит перед конторкой.

– И что? Тебе жалко Хелмстрона?

– Ни капельки. Не убьет его?

– Нет. Походит дней десять без магии – поумнеет.

– Думаешь, стоит так жестоко?

– А ты что предлагаешь? – Магистр Истрон удивленно посмотрел на Ведуна. – Чтобы она пришла к тебе и пожаловалась? Тогда девочке учиться не дадут.

– Никто бы не узнал…

– Ты сам-то веришь?

В сохранение секретности в Универе Ведун не верил. В принципе. Потому и протест получился неубедительный.

– Ладно. Но девочка точно вне опасности?

– Вполне. Я ей дал хорошую игрушку, эльфийскую. Еще чуть ли не времен создания Кариема. Ауру не затронет, каналы не порвет, и заметить ее никто не заметит.

– А глотать-то зачем?

– Ты же знаешь, по правилам они должны быть в одних рубашках и штанах, босые… я побоялся, что она не сумеет ее замаскировать.

– Может быть.

Мужчины переглянулись, пряча искорки в лукавых глазах. И первым не выдержал директор.

– Ох, доиграешься, Ист…

– На себя посмотри, уж сколько лет со своей игрушкой расстаться не можешь…

Директор пожал плечами. Действительно, Универ был для него игрушкой, любимым домом, родным местом… всего не перечислить и за сутки. Спорить было глупо.

– Разве плохо получается? Кто-то играет в старые книжки, кто-то в учеников… мне интересно, тебе тоже… но блокатор… ты уверен, что его не распознают?

– А я ей дал не блокатор. У него слишком простое действие.

– А что?

– Негатор.

– Ист, ты рехнулся?! – Директор едва не подскочил. – Негатор?! Сопливой девчонке?! Ты хоть представляешь, что с ней будет?!

– Плохо ей будет. Но по-другому Вирта не пробить. Он же здесь бывает, и я смотрел. А ты?

Директор сдвинул брови.

– Ну, смотрел.

– На нем всегда несколько защит. Блокатор может просто не сработать.

– На дуэли защиты обязаны снимать.

– Очень смешно.

Библиотекарь скривился так выразительно, что директор понял: в честность Вирта Истрон не верит! И все тут.

– Но негатор – это все равно перебор. Вирта не жалко, но

девочка?! Она там в конвульсиях не упадет?

Истрон пожал плечами:

– Я смотрел и ее ауру. Силовые каналы развиваются нормально. Но пока у нее еще нет никакой силы. Так, по мелочи. В худшем случае для нее это окажется очень болезненно. Но и только.

– Если с ней что-то случится – это будет на твоей совести.

– Не случится. Я знаю.

Магистр Истрон не был настолько уверен, как показывал, но признаваться? Еще не хватало!

Разница между блокатором и негатором была принципиальная. Блокатор ограничивал доступ к магическим потокам на определенном пространстве. У всех, кто там присутствовал.

Негатор был направлен на одного человека. И жестко отсекал несчастного от магии на определенное время. Остальные ничего не видели, не чувствовали и не понимали.

Только заклинатель – и тот, на кого была направлена блокировка.

Беда в том, что негатор давал направленный поток магии. Если его держать перед собой и направлять на нужного человека.

А если нет…

Зацепить должно было и Вирта, и Ёлку.

Но если для парня с хорошо развитыми силовыми каналами магия давно стала почти частью тела, он привык к ней

и не мог представить себе жизни без нее, то Ёлка… Она пока живет без магии. Ее почти не затронет заклинанием.

Директор еще раз посмотрел в невинные глаза старого друга – и махнул рукой.

– Если что – ты мне за девчонку ответишь.

– Не за Вирта?

Директор коротко послал Вирта в дальние дали.

– Тогда ей надо было дать аварийный телепортер, – ухмыльнулся Истрон.

Директор послал туда же Истрона вместе с телепортером, развернулся и вышел вон.

Завтра на рассвете он собирался приглядеть за горячими источниками. Так, на всякий случай.

* * *

Будильник послушно пискнул. Я прихлопнула его ладонью и зевнула. Блин!

Сволочь этот Вирт. Не мог попозже назначить время. Рассветом даже и не пахло. На улице было темно, холодно и противно.

Тем более что я проснулась за час до встречи. Аккурат в четыре утра.

Амулет за ночь нагрелся и безобидной бляшкой лежал в ладони.

Я вздохнула.

Взяла с тумбочки графин, сунула бляшку в рот – и торопливо запила несколькими глотками воды. Проскочило мгновенно. В желудке странно потеплело. Я пискнула – и дернулась на кровати, но было поздно.

Тепло становилось все сильнее и сильнее, оно распространялось по всему телу, мне казалось, что в желудке у меня прожжется дыра… я скорчилась, прижимая руки к месту жара и серьезно опасаясь, что сейчас амулет вывалится из меня, проделав новое отверстие…

Фу-у-ух…

Отпустило…

Я попробовала выпрямиться – и испытала горячее желание отправиться к магистру Истрону.

Что мне вообще подсунули? Активизированный уголь?

Как-то неприятно…

Я потерла лоб.

Словно я вдруг стала… немного другой. Какой?

Не знаю.

Я вообще не понимала, что ощущаю. Но – ладно. Переживем.

Лишь бы дуэль выиграть.

Я сползла с кровати и начала собираться. Если я приду чуть пораньше, есть шанс искупаться в источниках.

* * *

Ага, размечталась.

Стоило мне приоткрыть дверь – на сантиметр, не больше, – и в нее просунулась здоровущая волчья морда. Эвин!!!

– Ты чего?! – возмутилась я, оглядывая коридор в поисках Лерга и Лютика. – Ковриком работать взялся?

– Половичком, – рыкнул оборотень, запихивая меня в комнату. – Р-р-р-рассказывай!

– Чего тебе рассказывать? – уперлась я. На исповедь не тянуло. Такие вещи, как амулет, лучше держать при себе.

– Ёлка, не крути! Сама знаешь. Что ты придумала?

Судя по горящим решимостью волчьим глазам и доброй улыбке – из меня все равно все вытряхнут. Проще рассказать часть правды:

– Есть одно заклинание. Получится – хорошо. Нет – помру.

– Против Вирта?

– Да. На него и моих силенок должно хватить. Только оно очень болезненное. И тошное. Если я упаду, ты меня оттащишь в библиотеку?

– В больницу…

– В библиотеку. К магистру Истрону. Он знает, как нейтрализовать последствия.

– Почему не сказала сразу?

– Я поняла так, что мы просто не потянем. Не по силенкам. Пока.

– Врешь ты где-то…

– Где? – перешла в наступление я. – Не пойман – не вор! Не наезжай! Без тебя тошно!

Тошно мне было по вполне объективной причине – из-за ощущени, что проглотила я не просто медную кругляшку, а цельного ежа. Живого и активного.

Но вранья в моих словах оборотень не усмотрел. Убрал лапы с кровати и покачал головой.

– Ёлка, для тебя это не опасно?

– Нет, – заверила я. – Не должно бы. Так, поболит чуть-чуть… но если что – ты понял. А Лерг с Лютиком где?

– С ночи засели у источников. Мало ли что Вирту в голову взбредет. Пошли?

Я растаяла. Блин!

Я не заслуживаю таких друзей! Один всю ночь меня караулит, двое других вообще в засаде сидят ради меня, шкуркой рискуют… пусть даже засада и не на слонопотама. Но если Вирт задумает какую-то гадость – что ему сделают первокурсники?

– Эвин, – сглотнула я комок в горле. – Вы замечательные…

– Да, нас сложно не заметить. – Оборотень, понимая, что ему грозит приступ сентиментальности и слезоразлива, цапнул меня зубами за куртку. – Пошли! А то искупаться не

успеешь.

Я запустила пальцы в пушистый мех.

Замечательные у меня друзья.

Почему таких не было в мире техники?

А кто его знает? Видимо, не заслужила.

* * *

Ага, фиг нам с кисточкой. Особенно мне и насчет купания.

Уже на подходе к источникам мы услышали гневные вопли:

– Вы что тут делаете, соплячье?! Шпионить решили?!

– Это ты что делаешь, козел?! Ты зачем собрался тут свои игрушки разложить? На себя уже надежды нету?

– Ты на что намекаешь? Что я нечестно буду драться?

– А что, засунуть под камушек амулет теперь считается честностью? И вообще, молчал бы ты в тряпочку! Вызвать на дуэль первокурсницу! Ты еще конфеты у младенцев не отбирал, нет?

Голоса Лерга и Лютика я узнала бы где угодно. Третий голос… я его вчера недолго слышала. Но…

Урою, тварь такую!

Судя по всему, Эвин придерживался того же мнения. Он отпустил мою куртку и рванул вперед с такой скоростью, что не догнали бы и на мотороллере.

Но я честно попыталась.

– Ты что – хочешь следующим быть? Так сходи пока, утопись сам, чтобы я об тебя руки не марал!

– Твои руки и нужник не замарает, скорее наоборот!

В дискуссию вклинился угрожающий рык.

Я прибавила ходу. Нет уж. Друзей я на растерзание не отдам…

И вылетела на поляну к горячим источникам.

Картина Репина «С приплыздом».

На полянке Вирт Хелмстрон, злой, как три черта. Лерг и Лютик стоят напротив, сжав кулаки. И, судя по всему, сдаваться не собираются. Эвин, крадучись, подбирается сбоку.

– Ребята! Вы чего! Я первая в очереди!!! – воззвала я, понимая, что сейчас дуэль превратится в свалку, а рассказывать о ней будут так: «Эта соплюшка на парня своих друзей натравила, и то вчетвером не справились!» После такого придется уходить из Универа в монастырь. И то еще не во всякий примут. Позорище.

– Ёлка?! – обернулись парни.

– Не сбежала? – мерзко ухмыльнулся Вирт.

– А ты тут с утра пораньше пришел место для могилки подобрать? – не осталась я в долгу.

– Ага. Для твоей.

– Помечтай, недопесок, – перешла я на личности. Лишь бы на ребят не переключился.

Но – куда там. Видимо, так Вирта в жизни не оскорбляли.

Потому что бедняга побагровел и зашипел:

– Я тебе… и…

– Воспользуйся лучше резиновой куклой, извращенец, – фыркнула я. – Твои секунданты где?

Мне показалось, что Вирт на секунду растерялся. Но тут же взял себя в руки.

– Сейчас подойдут.

– Вот и отлично. А пока… ребята, как там должны проводиться дуэли?

– В одной рубашке и штанах, без амулетов на теле, – рыкнул Эвин, не отводя глаз от Вирта. – Босиком с распущенными волосами.

Я кивнула и принялась разуваться.

– Как скажете.

Все ошалело посмотрели на меня.

– Ребята, чего копья ломать? Если я все равно прикончу этого недоделка? – искренне удивилась я.

Вирт приобрел цвет бешеной свеклы. Стадия помидора была уже пройдена.

– Ты, … и …!

– Ты разувайся давай, – фыркнула я в ответ на прочувствованное обещание подвергнуть меня сексуальным извращениям с животными и нечистью разных видов. – А то кто тебя знает? Я вот ребят попрошу, чтобы они и трусы твои проверили, вдруг ты на яйца парочку талисманов присобачил?

М-да.

Переборщила.

Вирт развернулся ко мне и поднял руку. Между пальцами заиграли синие огоньки.

Но в этот момент гласом с небес раздалось:

– Вы что – уже начали?! Без нас?

И на тропинке показались два молодых парня.

– Секунданты Вирта, – шепнул Эвин, который так и держался поближе ко мне. Я перевела дух.

Пока мы оставались только с Виртом – было возможно все. Даже самое худшее. Он мог просто прикончить нас – и сказать, что мы напали из-за угла.

Да, сплетни пошли бы. Но не слишком серьезные. Ну, напали. Хотели убить. Чего удивляться? Девчонка поняла, что ей не справиться, подговорила друзей, Вирт героически отбился… Откуда такое извращенное мышление?

А какое оно еще может быть? С папой-бизнесменом и мамой-биологом?

Зато теперь к нам спускались два парня. Явно с последних курсов. И в их присутствии Вирт ничего не сделает моим друзьям. А мне…

У меня есть свой козырь в рукаве.

* * *

Меня проверили со всех сторон. А именно заставили раз-

деться до трусов и лифчика, ощупали в стратегически важных местах и даже просветили какой-то пакостью, похожей на зеркальце. Только незакрашенное.

Я не стала спорить.

Зачем?

Все равно на Вирте отыграюсь.

Или помру. Но тогда пусть все видят, что игра была честной. За амулет внутри я даже не беспокоилась. Магистр обещал, что его никто не увидит? Я верила. Больше мне ничего не оставалось.

По окончании проверки я натянула обратно рубашку со штанами. И потерла руки.

– А теперь просветим вашего друга?! Вы же не заначите свое зеркальце?

Кажется, парни так и хотели сделать. Но протестовать – означало автоматом признать нечестную игру.

Вирт испепелил меня взглядом, но куда было деваться? Тем более, что к месту дуэли подтянулся и еще народ. Я опознала Кесса, Кана, Райво, остальных просто выучить пока не успела. Ничего. Все еще впереди.

Страха я не испытывала, лишь странную смесь ощущений. Искрящееся веселье, как от дозы шампанского. И непонятную тяжелую дурноту внутри. Как будто в желудке свивал сети маленький, но очень активный паук.

Вирту, в отличие от меня, не повезло. Его вообще раздели догола и внимательно осмотрели. И обнаружили подозри-

тельную вышивку на внутренней стороне трусов.

Эвин и обнаружил. И тут же сжал клыками подозрительную тряпку, показывая, что просто так – не отдаст. Еще аристократу пришлось расстаться с кольцами, сережкой в ухе, на которую без «зеркальца» никто не обратил внимания, – и выплести из волос что-то вроде заговоренной косички. Как я поняла – сильного щита.

И все равно что-то ребята точно пропустили.

Когда мы встали друг напротив друга, Вирт выглядел недовольным, но не слишком. Так, слегка.

– Начинай, – пригласил он меня. – Ты же бьешь первая? Вот и постарайся меня достать. А потом я тебя…

Я послала ему очаровательную улыбку.

– Если помрешь – я твои трусы на память оставлю, договорились? Повешу над дверью, чтобы другим неповадно было.

Вирт сверкнул глазами и вскинул руку. Но – поздно.

Магистр Истрон не зря тренировал меня.

Руки сами сложились в отработанный жест.

Пальцы сплелись, и с губ сорвалось всего девять слов. Коротеньких, слившихся в скороговорку…

Подействовавших!!!

Каплю силы, вброшенную в заклинание, я ощутила всем телом.

Как и острую боль, внезапно пробившую желудок.

До сих пор не знаю, как я устояла на ногах. До крови про-

кусила губу, пошатнулась, но – справилась!!!

На миг мне показалось, что все кругом черно и холодно. И больно. Безумно больно…

«Сейчас бьет Вирт!!!» – сиреной взвыло сознание. И я постаралась собраться.

Напрасно.

Аристократ трупом лежал на травке. И не подавал признаков жизни. Я сделала шаг, другой… ноги едва повиновались, но я на них стояла. И даже умудрялась ходить. А вот Вирт не проявлял желания встать. Я потыкала его носком ноги, услышала болезненный стон, поняла, что в ближайшее время ответа не дождусь, – и повернулась к зрителям.

– А дальше-то что?

Все растерянно смотрели на меня. Кажется, в их головах не укладывался такой поворот событий.

– Надо срезать прядь волос с головы противника, – пробормотал Кан. – Так считается, что дуэль закончена.

Я вздохнула.

– Чем?!

– Своей силой…

Мальчишки, судя по всему, были растеряны не меньше меня.

Я плюнула – и опустилась на колени рядом с Виртом. Парень не проявлял никакого желания очнуться.

И как тут резать?! Зубами отгрызть?!

Выход нашелся быстро. Я выбрала прядь подлиннее, вце-

пилась – и дернула со всей дури. Дури хватило. Голова Вирта глухо стукнулась о землю. Волосы остались у меня. Не все, но мне было достаточно.

И только тут я поняла, что даже выйти из круга для меня задача непосильная.

– Эвин, – протянула я руку, – ты обещал оттащить меня в лазарет… Дуэль закончена?

Один из секундантов Вирта выступил вперед. Подошел к нам, посмотрел на Вирта, пощупал его пульс…

– Его тоже надо в лазарет. Что ты сделала?

– Не знаю. Дуэль…

Перед глазами плыли разноцветные мошки, но я держалась. Это – моя жизнь!!! Я не упаду, пока меня не признают победителем!!! Я должна!!!

Секундант выпрямился во весь рост.

– Я объявляю дуэль законченной. Ученица Ёлка победила.

Эвин метнулся серой молнией. И вместо холодной земли я плюхнулась на теплую холку. Оборотень вздернул меня и заставил самой выйти из круга. Там я разжала руку, отпуская прядь противника, но Лерг не позволил. Он перехватил у меня волоски, поднырнул под другую руку – и они вдвоем с Эвином потащили меня к Универу. Лютик подмигнул и остался на месте дуэли.

Пресекать все разговоры о честности и бесчестье.

Да и прибраться надо было…

Сразу за поворотом, там, где нас уже не видели, Лерг перегрузил меня на спину Эвина. Вовремя! Я уже была почти без сознания. Единственное, на что меня хватило, – напомнить оборотню: «Магистр Истрон».

И сознание отключилось, как перегоревшая лампочка.

* * *

Эвин домчался до библиотеки в одну минуту. Собака бежит быстрее человека? Да! А оборотень бежит быстрее самой скоростной собаки! Раз так в пять!

Магистр Истрон оказался на месте. И даже ждал. На полу была расстелена простыня, на которую Эвин и сгрузил тело подруги.

Уже тело. Выглядела Ёлка так, что краше в гроб кладут.

Мертвенно-бледная, с запавшими глазами, с проступившими под истончившейся кожей сетью сосудов… оборотню всерьез казалось, что девчонка сейчас умрет на полу библиотеки.

– Что вы с ней сделали?! – рыкнул он на магистра.

И получил щелчок по носу.

– Брысь отсюда. Лучше тебе этого не видеть.

Оборотень хотел было запротестовать. Но магистр сделал жест – и матерого волка просто подняло в воздух и вынесло за дверь библиотеки, которая за ним и закрылась.

Изнутри послышался болезненный женский стон…

* * *

Магистр Истрон с уважением посмотрел на девчонку. Он вообще рассчитывал на полутруп. Но Ёлка жила. И даже умудрялась сопротивляться воздействию.

Сильной магичкой будет.

Магистр быстро провел диагностику.

Очень хорошо.

Негатор был активирован и сейчас поглощал жизненные силы своей временной владелицы. А теперь его требовалось извлечь.

Как?

Просто позвать.

Негатор был сделан самим магистром Истроном. На своей крови. Им же заклят. И слушался своего истинного хозяина, как верный пес. Его можно было передоверить кому-то другому. Ненадолго. Вот как сейчас. Но стоило магистру только протянуть руку над головой девушки и произнести несколько коротких слов, как игрушка рванулась наружу. Из желудка – через пищевод и гортань.

Был и вариант похуже. Но делать Ёлке полостную операцию как-то не хотелось. Магистр повернул голову девушки набок, чтобы не захлебнулась.

Ёлка застонала.

Магистр поморщился. Извини уж, девочка, но выбора нет.

Изо рта ученицы выплеснулся фонтанчик воды и желчи. И вместе с рвотой – амулет.

Магистр легко поймал его в воздухе, не обращая внимания на грязь. И – деактивировал. К сожалению, внутри человеческого организма этого делать нельзя. Можно повредить магические каналы.

Негатор послушно затих в руке хозяина.

Магистр проверил заряд.

Почти полон, надо же! Опасность для Ёлки крылась в том, что негатор, израсходовав свой заряд, принимался накапливать новый. Откуда? Да из ауры «хозяйки». Ее магии, ее жизненных сил, если магии не хватит. И была опасность перерасхода.

Но вроде бы девушка жива?

Магистр запустил полную диагностику. По ауре. И довольно прищурился, вглядываясь в открывшееся разноцветное полотно. Яркое, чистое, переливающееся всеми цветами радуги. Да, сейчас ей плохо. И все подернуто желтоватой дымкой боли. Но в целом…

Разрывов и повреждений почти нет.

Наполнение…

Магистр пригляделся внимательнее. И присвистнул.

Еще бы! Даже сейчас, ничего не знающая и не умеющая, она все равно очень сильна. Каналы распределены по ауре равномерно, прокачиваются хорошо, поступление идет непрерывно. Девчонка не просто занимается. Она в это всю

душу вкладывает.

И строение ауры очень характерное для боевиков. Стихии уравновешенны, присутствуют все четыре, но ни одна не превалирует. Желания лечить особенно не наблюдается. Жалости тоже. Бело-голубые тона лекарей не проявлены. А вот агрессии – от души. Хотя она сама и не осознаёт, но именно агрессия позволяет ей быстро развиваться и прогрессировать. Посмотри на проблему как на врага – и дерись! Падай, вставай – и снова дерись. Упорства хоть отбавляй. Любопытство сильно развито. А вот склонности к чистой теории мало. Фиолетового цвета не слишком много. Надо будет помочь девочке. Или дать понять, что знания – главное на пути к любой цели. Знаешь – победишь! Тогда она книжные горы свернет.

Неудивительно, что Кристалл распределил ее к боевикам.

– Цела? – рядом материализовался Ведун.

– Вполне. Ты ее ауру уже видел?

– Ага. В первый же день посмотрел.

– И как тебе впечатление?

– На следующие пятнадцать лет Универ приобрел себе персональное шило в нежном месте.

– Развлекаться будешь?

– Наслаждаться. Сам знаешь, нам вредно, когда все тихо и спокойно.

– Еще бы.

Маги хитро переглянулись. Самым страшным кошмаром

для мага является рутина. Однообразие. Тогда гибнут самые сильные. Самые стойкие.

Именно рутина заставляет терять магические способности, красит ауру в серый цвет… и поэтому среди магов так мало преподавателей. Труд их в общем-то рутинный. И если не гореть интересом к своей работе, если не воспринимать ее как постоянное приключение – вряд ли что получится.

Увы, таких мало.

Поэтому все преподаватели в Универе делятся на две категории: энтузиасты, лучшие и любимые, и – «отстойник», который директор чистит и разгребает, но без которого все равно никуда. Не во всех же предметах есть свои энтузиасты. И появляются такие «серые крыски». Они начитывают предмет, рассказывают, показывают, объясняют, но для них это просто работа. Заработок. Отчитал – и свободен. Не душа, не любовь и не дело жизни.

Настоящие энтузиасты таких не уважают.

И Директор уже предвкушал, как Ёлка взбаламутит отстойник. Развлечения над непонравившимися преподавателями были еще одним способом тренировки учеников. А заодно давали возможность убрать самых противных типов.

– Ладно, она минут через пять очнется. Пошлю в лазарет. Так что топай, чтобы тебя не видели.

– А то! Я же не должен ничего знать про дуэли.

Магистры ухмыльнулись.

– Пусть боятся и конспирируются.

– А то обнаглеют и вообще на шею сядут. – Директор ухмыльнулся еще более вредно и соединил руки в жесте телепортации.

Магистр Истрон проводил его взглядом и похлопал девушку по щеке:

– Давай просыпайся. Пора.

Ёлка застонала. Магистр прищелкнул пальцами, активируя небольшое количество молекул аммиака вокруг ее головы. Воздух – он много чего содержит. Только умей воспользоваться.

Ёлка вздрогнула и открыла глаза.

Выглядела она – краше в гроб кладут. Но магистра это не смутило.

– Жива? Здорова? Как самочувствие?

– Явно жива. Не знаю. Хреново.

– Тогда сейчас позову твоего друга, и ползите в лазарет. Жить будешь, и неплохо. Про амулет – молчи. Ага?

Ёлка послушно кивнула. Магистр ухмыльнулся и распахнул двери, в которые тут же влетел встрепанный Эвин.

– Ёлка?!

– Да все с ней будет хорошо. Тащи в лазарет. Пусть приведут в себя, – напутствовал их магистр.

Дождался, пока оборотень взвалит подругу на хребет, убрал угвазданную простыню (сжег, чтобы не оставалось никаких следов) и отправился отмывать амулет. Да и библиотеку следовало проветрить.

* * *

Эвин практически тащил меня на себе. Ощущения были… омерзительные!

Меня тошнило, голова кружилась, подкатывала слабость, а желудок вообще обосновался где-то у гланд и при каждом движении пытался вырваться наружу. Но говорить получалось.

– Что там? Неизвестно?

– Не знаю. Я тебя ждал. Но вряд ли кто-то теперь решится нарываться. Ты выиграла и честно. А если ты уделала боевика девятого курса, всякая мелочь тем более будет осторожна.

– А те, кто круче?

– Не станут связываться с соплюшкой. Но тебя могут попросить объяснить, что ты сделала.

Я прикусила губу. Упс.

А вот это плохо. Магистра я выдать не могу.

– Ты тоже?

– Хотелось бы.

– Я не могу рассказать. Я слово дала.

– Почему?

– Заклинание слишком мощное. Магистр сказал, что вооружать нас таким нельзя. Перекалечим друг друга.

– Так всем и говори. Авось отстанут.

– Логично.

Оборотень доволок меня до симпатичной беленькой двери с большим голубым кругом. Ну не было тут красных крестов. Зато прижились голубые одежды лекарей и голубые круги как знак их профессии. Распахивать дверь пришлось лапой. За что мы тут же и поплатились.

– Куда грязными лапами в больницу?! Побрею налысо!

Мы хлопнули глазами и уставились на человека в голубом балахоне. Впрочем, гневался он недолго. Сверкнул глазами на Эвина и переключился на меня.

– Так. Ранена?

Я замотала головой.

То есть попыталась. Потому что желудок предупреждающе шевельнулся, и меня чуть не вывернуло прямо на загривок оборотню. Этого мужчине хватило.

– Тащи ее в первую палату по коридору и сгружай на кровать. Я сейчас подойду.

Эвин послушался.

В палате было хорошо и уютно. И она вовсе не походила на палату. Да, одна кровать посередине. Но в остальном – стены, разрисованные под цветочную поляну. Веселенькие занавесочки в ромашку. Покрывало, за которое дома, то есть в мире техники, пришлось бы заплатить бешеные деньги. Толстый пушистый ковер…

Магистр появился словно из воздуха.

– Нравится?

– Д-да…

– Тогда постарайся больше не попадать в госпиталь. А то переведу в каземат. Ясно?

Я кивнула.

– Теперь полежи смирно. Я проведу диагностику. Кстати, можешь звать меня магистр Фейрл.

– Ёлка… ученица.

– Эвин. Ученик первого курса факультета боевой магии. Мы коллеги.

– Да неужели? – прищурился магистр. – Где вляпались? На дуэли?

– Дуэли запрещены, – вывернулся Эвин.

– С лестницы упали?

– Вроде того, – улыбнулась я.

– Так. По воздействию на ауру… все нормально, последствий нет. Аура не нарушена. Есть остаточные болевые последствия. Обезболивать не буду.

– Мне на лекции! – взвыла я.

– Через час. А пока – лови.

Мне в ладонь лег голубоватый шарик диаметром сантиметров пятнадцать.

– Взять в руки, сконцентрироваться на нем и внимательно смотреть. Сама вляпалась, сама и лечиться будешь. Так полезнее.

– Просто сконцентрироваться?

– Да. Через час я приду.

Я послушалась. Взяла шарик. Слегка обхватила пальцами.

Он оказался теплым и слегка пружинистым.

А теперь вглядеться внутрь и сосредоточиться?

На первый взгляд – обычный шарик. На второй – я словно оказалась высоко в небе. В том, как мы его себе представляем. Как видим во сне. И послушно полетела внутрь. Как птица. Внутри шарика кружились облака. Там было весело, спокойно, уютно, я наблюдала за их танцем, а они переплетались, перетекали из одной формы в другую, дразнили, танцевали… звали меня за собой…

* * *

Эвин довольно кивнул, когда подруга откинулась назад, крепко сжимая в руках восстановитель. Хорошая вещь для людей с повреждениями ауры. Если бы речь шла о физических проблемах – все было бы серьезнее. А у нее проблемы только энергетические. Если их запустить, они доставят не меньше сложностей, чем рваные раны. Но сейчас все сделано вовремя.

Ёлка поправится. И очень быстро. Интересно, что она видит внутри. Эвин, например, бежал по лесу. А кто-то плавал в воде. Летал. Или танцевал с огнем.

– Через час позовешь, – распорядился магистр Фейрл.

И исчез.

Оборотень остался наедине с подругой. Улегся на мягкий ковер, положил голову на лапы – и задумался.

Что-то странное было в этой дуэли. Пусть другие верят в заклинания. Он – не поверит. Он ощущал запах девушки и понимал, когда та врала. О дуэли она сказала неправду.

Но Эвин будет последним, кто ее разоблачит.

А если кто-то и догадается – промолчит тоже.

Вызывать на дуэль первокурсницу – подло.

Пытаться заранее «зарядить» место дуэли – еще омерзительнее.

А Ёлка – неплохой человек. Эвин не воспринимал ее как девушку, чего не было, того не было. Оборотню вообще больше нравились высокие, пышногрудые и с рыжими волосами. Ёлка же… она другая. Но тоже симпатичная. И не злая.

Нет, он промолчит про дуэль. А всем остальным скажет, что девушка была на восстановлении в госпитале…

Размышления прервал возглас.

– Опа! – в дверь ввалился Кесс. – Ёлка?

– Не ори, – рыкнул Эвин.

– Да ладно! Ее сейчас и громом не разбудишь!

– А ты здесь как?

– Вирта притащили.

– И?

– Магистр сказал – жить будет. Но восстанавливаться ему не меньше круга. А на это время никакой магии. Круто?

Эвин закатил глаза. Нехило Ёлка его. Интересно – чем?

– Он в сознании?

– Нет. Магистр Фейрл ругается. Слушай, а чем она его?

– Заклинанием.

– Понятно, что не поленом. Просто… она ведь и круга толком не отучилась!

– Она вообще из мира техники.

– Вот! И такие результаты!

– Что – вот? Так получилось. А ее не спрашивай.

– Почему?

– И другим передай. Загрызу.

– Эв, ты чего?

– Эвин, – рыкнул оборотень. И смягчился. – Она не сможет ничего рассказать. На ней зарок.

Кесс присвистнул. Зароки были делом очень серьезным.

– Ей сказали заклинание, но она поклялась дальше его не передавать. Слишком опасно. Сам видишь – она едва выжила.

– Не похожа она на умирающую. А кто?

– Магистр Истрон. Библиотекарь.

Кесс потер руки.

– То есть…

– Да. Ты можешь спросить прямо у него. А девчонку не трогайте.

Кесс задумчиво кивнул, попрощался и вышел. Оборотень усмехнулся ему вслед. В библиотеку? Ну, беги, зайчик, беги. Библиотекарю ты как раз на один зуб.

Натравливая на Истрона кучу учеников, Эвин не испытывал никаких угрызений совести. С чего бы? В библиотеке

всегда полно работы. А уж не говорить то, чего не надо, магистр умеет намного лучше его подруги.

Оборотень посмотрел на солнце.

Еще полчаса. И пора будить девчонку.

* * *

Я открыла глаза. И тут же наморщила нос.

– А можно еще?

– Перебьешься, – огрызнулся магистр Фейрл. – А снова устроишь дуэль – поставлю клизму. С дохлыми ежиками.

– И не жалко вам животных? – не испугалась я перспективы.

– Ничего. Для тебя возьму у алхимиков. Брысь отсюда.

Я поднялась с кровати.

Отлично!

Все тело было легким и послушным. Хоть танго танцуй.

– Ты лучше скажи, что ты со своим противником сделала?

– Не знаю, – захлопала я глазами.

– А я теперь разгребай за вами. Мучайся. Паршивцы!

Я опустила глазки долу. Угрызения совести меня не посещали. Жить хотелось. Вот и сделала. Еще бы и не то сделала.

– Иди отсюда. И чтобы я тебя больше здесь не видел.

Я послушалась.

В коридоре меня ждали ребята.

Эвин, Лерг, Лютик.

При виде парней у меня защипало в носу.

– Ребята, какие же вы классные!

– О! Заценила! – ухмыльнулся Лерг. – Держи.

И на ладонь мне опустился маленький сверточек.

– Это что?

– Волосы Вирта.

– Фу… – скривилась я.

– Спрячь и никому не отдавай, – погрозил мне кулаком Лютик. – Это тебе не хухры-мухры.

– А что? Фетишизм?

– Тьфу на тебя, – обиделся Лерг. – Ты его победила. Это его волосы и кровь. Теперь он не может причинить тебе вреда. А вот его жизнь в твоих руках. Понимаешь? Ты на него такую порчу навести можешь…

– Да не хочу я.

– И не наводи. Но пусть он знает. Обычно ставится обратная связка на волосы.

– То есть?

– Я поставлю на вас вечером. Если он решит причинить тебе вред, все вернется к нему. Хм-м…

Под таким углом я вопрос не рассматривала. А зря. Что, этот индюк смирится с поражением от соплюшки с первого курса?

Да никогда! Я бы жила и ждала удара в спину.

Зато сейчас – ноу проблемс. Сплошной покой.

От других меня это не убережет. Но… я еще научусь за-

щищать себя!

Обещаю.

Я стану сильной.

Самой лучшей ведьмой курса!

Я буду учиться день и ночь! И никто никогда не посмеет сказать, что женщин на факультете боевой магии держат из милости! Я справлюсь!

И начну – с библиотеки…

* * *

В аудитории меня встретили криком «Ура-а!».

И я еще раз порадовалась.

Кажется, в этом мире у меня будет то, чего не было в мире техники.

Друзья. Коллеги. Братья по разуму.

Мало?

Безумно много.

И я в очередной раз вознесла благодарность небу за то, что поехала ночью в лес.

Глава 3
О начертательной магометрии

– Ученица Ёлка, к доске!

Я послушно вылетела из-за стола и встала по стойке смирно, поедая преподавателя сияющими глазами.

– Расскажи мне, какие изменения будут наблюдаться в ауре проклятого человека.

Я кивнула. И вцепилась в мел.

– Значит так. Проклятия бывают нескольких видов. Обычные, стихийные, случайные, перенаправленные… в зависимости от этого изменяется и аура…

И принялась увлеченно пачкать доску мелом.

Элрос Ривенский слушал и кивал.

Уж что-что, а ауристику я знала на отлично. И сдала на высший балл! И теорию, и практику!

Со времени той самой дуэли прошло полгода. Или, как тут говорят, шесть кругов. И у нас состоялся промежуточный зачет. Совсем небольшой. Всего три предмета. Просто со второго семестра обещали добавить новые – и надо было проверить, как мы усвоили азы. Иначе дальше не двинешься.

Хотя семестром я это именовала только по привычке. Слова «каникулы» здесь не знали. Летний отпуск – и все. А год – учись, студент.

То есть Ученик Магов.

Ученица Ёлка…

– Садитесь, отлично, – бросил преподаватель. – Шалек…

Я послушно опустилась на свое место. С этого семестра у нас добавляется начертательная магометрия. И алхимия. Тоже важно. Интересно, какие преподаватели будут у нас там?

Хотя… какие бы ни были!

Магометрию я уже пыталась разбирать самостоятельно.

Со времени той дуэли многое изменилось. Я стала своей в библиотеке, заслужив от магистра Истрона прозвище Колючка. А что касается доверия – магистр даже оставлял меня несколько раз без присмотра среди своих бесценных книг.

Я старалась оправдывать доверие. Честно читала все, что он мне подсовывал, разбирала, что приказано, и не лезла, куда не надо. Все-таки я магистру жизнью обязана.

И благодаря ему уже могу спокойно сдать экзамен за первый год. Но не афишируюю.

Пусть нам все расскажут, покажут, мы пройдем практику, а дальше будет видно.

Быть слишком умной тоже плохо. Магистр хорошо вдолбил в меня эту истину. Яркой и заметной – да. Я ведь первая девушка на факультете. И за мной придут другие. Но я не должна превращаться в ходячую энциклопедию.

Я даже не собиралась спорить. Зачем? Магистр был прав во всем. И я усердно осваивала книги под его руководством, чтобы потом удрать с друзьями в купальни или в город. С Лергом, Лютиком и Эвином за это время мы просто срос-

лись. И что особенно приятно – другие ребята со старших курсов тоже дружили с нашей компанией. Но именно дружили. Я стала настолько «своим парнем», что ребята даже не стеснялись переодеваться в моем присутствии.

Особенно мы, правда, не шкодили. Слишком много времени занимала учеба. Но дружили крепко.

Прозвенел звонок.

Мы подхватили сумки с книгами и заспешили по коридорам.

– Интересно, кто у нас будет вести магометрию?

– Терос Фалойский, – проинформировал проносящийся мимо Кан.

Мне это ни о чем не говорило.

– Редкая зараза, – крикнул коллега – и удрал дальше.

Мы переглянулись. Зараза?

Тут и такое водится?

* * *

Водится. И даже неплохо себя чувствует.

Из кабинета я вылетала злая, как инквизитор, которому вместо молодой ведьмы подсунули старую монашку. Ребята старались не приближаться. Ибо черт не сладит с бабой гневной.

А все начиналось так хорошо…

Терос влетел в кабинет – и я даже задохнулась на миг.

Красив, зараза! Не отнять!

Ярко-золотистые волосы, не соломенные, а того редкого оттенка, который в нашем мире пытаются получить с помощью краски для волос – и все равно не получают. Огромные голубые глаза, мужественное лицо, мускулистая фигура – ожившая девичья мечта. К тому же одет в шикарную мантию в лиловых и золотых тонах, с отделкой кружевом и мечом у пояса – почти сказочный принц.

Ага, купите, девушка, дорожный губозакатыватель. Мужчина прекрасной мечты обвел кабинет взглядом принца, запертого в свинарнике, остановился на мне и поднял тонкую черную бровь.

– Это что?!

Раньше я бы уползла под парту и скулила там до конца урока. Сейчас же… я просто *не могла* себе этого позволить.

– Вообще-то человек – кто. Парта – что. Вам кого надо? – поинтересовалась я.

– Женщина на факультете боевой магии – это именно «что». Недоразумение, нелепость и ошибка природы, – проинформировали меня.

И что на такое ответить? «Сам козел»?

Ответ нашелся неожиданно.

– Зато я брови не крашу, – ляпнуло на всю аудиторию подсознание – и удрало обратно.

«Сказочный принц» побагровел, становясь не слишком эстетичным.

– Женщины вообще не способны к боевой магии. Поэтому я вам, девушка, советую не тратить время. Переводитесь на факультет лекарей. Все равно вы даже магометрию не сдадите.

– Не сдам – пересдам, – спокойно отозвалась я. – Коллегиально. Директору и магистрам.

– Это мы еще посмотрим, – прошипел красавец, становясь уже вовсе непривлекательным. – Женщины вообще не способны понять магометрию!

– Шовинист, – парировала я. – Вы, мужики, рожать не можете, так мы же не издеваемся.

– Рожать – невелика заслуга. Кошки тоже рожают.

– Своей матери это скажи, – огрызнулась я, понимая, что терять уже нечего. Так и так меня этот козел будет выживать! И как мне могло понравиться *это*? Не иначе – временный сдвиг по фазе.

– Зачем вообще вас учить, если вы нарожаете сопливых детишек, выскочите замуж и навсегда поменяете магию на поварешку?

– Еще чего! Не дай бог такое чмо родится! Первая застрелюсь! – уже откровенно хамила я.

– УМ Ёлка, два часа исправительных работ в библиотеке за неуважение к преподавателю, – внезапно отозвался Терос Фалойский.

– Так точно магистр Фалосский, – схамила я.

– Три часа. Без отработки я вас к следующему занятию не

допущу.

Я прикусила язык. Магистр Истрон, конечно, мне не откажет. Я и так за эти полгода у него на пятьдесят отработок насидела. Если не больше. Но… пусть считает, что мне не нравится в библиотеке.

– А теперь откройте тетради, – провозгласил довольный Терос. – Наша сегодняшняя тема – построение двумерных фигур на плоскости…. Вы, девушка, тоже постарайтесь хотя бы записать правильно. Это очень тяжелая задача, я понимаю, но писать-то вас учили?

Ну все.

Ты попал… Фалосский…

* * *

Из кабинета я вышла злая, как шершень. Вас бы пошпыняли всю дорогу! И за что?! За то, что я – женщина?!

Почему женщина не может быть боевым магом?!

Что за дискриминация?

Пусть у меня по физкультуре больше трояка не стояло! Зато тренер по карате плакал, видя меня в спарринге! И честно признавался, что я способна любого угробить! Я же не виновата, что у меня то нога подворачивается, то рука не туда идет… оно само!

А что до магии! Магистр Истрон постоянно повторяет, что талант у меня есть, я расту и развиваюсь! И буду расти

дальше! Я умная и красивая! Ладно, красота не обязательна! Но я могу справиться! Я могу стать боевым магом! И вообще, вурдалаки и шишиги смотрят не на пол, а на меч! Вот!

Эвин догнал и хлопнул по плечу.

– Ёлка, не расстраивайся. Все будет хорошо!

– Неужели? – скептически поинтересовалась я.

– Точно.

– Посмотрим…

А вечером в библиотеке, отрабатывая свои часы, я посоветовалась с магистром Истроном. И услышала весьма неприятную новость.

Ребят в их комнатах не было.

Еще бы! Они сидели у меня. Копии ключей имелись у всех троих. И сейчас друзья валялись на кроватях, грызли яблоки и ждали меня. Я плюхнулась рядом и затребовала себе фрукт. Сжевала, помолчала пару минут – и выдала короткое:

– У меня проблема.

– Почему? – поинтересовался Лютик.

– Я расспросила магистра Истрона. Означенный Фалосский…

– Фалойский.

– По фиг. Так вот. Этот козел – двоюродный дядюшка Вирта Хелмстрона.

Ребята скривились.

После дуэли блондинчик нас не беспокоил. И вообще вел себя тише воды, ниже травы. Немало способствовало этому

обстоятельству наличие у нас пряди его волос. Мы в любой момент могли наслать на него порчу. Да и месяц без магии тоже слегка его воспитал. А тут…

– Близкое родство, – заметил Эвин. У оборотней и восьмиюродные дядюшки семьей считались.

– Да. И магистр своего племянничка любит и опекает. Вот и сорвался на меня.

– И будет срываться. Спокойно он тебе учиться не даст, – подвел итог Лерг.

– Что делать будем? – поинтересовался Лютик.

– Ставить гада на место! – удивилась я странному вопросу. – Если не поймет – потом добавим. Я тут кое-что придумала…

На самом деле вычитала в одной из книг, подсунутой магистром Истроном. И это можно было применить сейчас.

– Вот смотрите…

Ребята выслушали. Посмеялись. Подумали.

И мы принялись разрабатывать серьезный план.

* * *

План стал воплощаться в жизнь на следующий же день. С помощью Кесса из алхимической лаборатории исчезло снотворное. И материализовалось в моей комнате.

Эвин слетал в город за полезными вещицами для задуманной пакости.

А на ужине я специально появилась сразу после магистра Фалойского.

И нагло присела к нему за столик.

– Разрешите, магистр?

– Не разрешаю, – рыкнул товарищ. Но куда там!

– А я все равно присяду. Магистр, за что вы на меня так взъелись?

– Я на тебя не взъелся. Просто женщины и магометрия не сочетаются. И точка.

– Вы же понимаете, что это не так. Женщины не глупее мужчин.

– При взгляде на тебя в это сложно поверить.

Я выдохнула. Еще пара минут, ребята занимают свои места…

– Вы просто не хотите меня понять! Я же не прошу снисхождения! Я просто хочу, чтобы вы не относились ко мне предвзято!

– При чем тут предвзятость! Ты можешь начертить мне октагональный селенический кинэдр, врезанный в тороид в трехмерной проекции?

Вообще-то могу. И даже покруче могу. Но не признаюсь.

– Мы же только начали учиться! Никто не родился с полным знанием магометрии!

– А у тебя его и не будет. У женщины не может быть аналитического мышления, как, например, полового члена.

– А что – вы именно им думаете? – не удержалась я. – Вот

не знала…

– Ты вообще ничем не думаешь, вот и не знаешь, – отбил преподаватель. – Иди отсюда, не порти аппетит.

– Ну почему вы не хотите меня понять!!! – взвыла я.

Фраза была кодовым сигналом. На другом конце столовой раздался грохот.

А что делает человек, если у него за спиной переворачивают стол?

Правильно. Оборачивается.

И этих минут мне хватило, чтобы всыпать в суп магистра несколько белых крупинок снотворного. Через два часа его и пушкой не разбудят. Часов на девять. А мне больше и не надо.

Грохотал, конечно, Лютик.

Магистр опять стал меня выгонять из-за стола, я расплакалась и ушла, размазывая по лицу сопли.

Как?

Никогда не верьте женским слезам. Мне, например, для достижения эффекта слезогонки надо всего лишь вспомнить фильм «Белый Бим, черное ухо». И слезы хлынут потоком.

Так-то.

А добиваться слезами я могу чего угодно. Главное – не бояться размазать косметику и покраснеть носом.

А ночью мы пошли на дело.

* * *

Самые простые методы – всегда самые эффективные. Маски типа шапочки омоновца, темные плащи, сапоги без каблука…

Повезло – гад предпочитал верхний этаж. Подняться на крышу преподавательского общежития?

Запросто.

Спуститься по веревке?

Еще проще.

А уж открыть окно – это мы подрядили Лерга. Немного телекинеза. Простенького, безопасного, выветривающегося за пару часов.

И нитка с иголкой тоже магии не содержали.

Мальчишки, конечно, искололись, но дело мы сделали быстро.

И вылезли обратно, гнусно хихикая.

Мстя наша будет страшна.

И предупреждение – тоже. Не уймешься – еще и не то устроим!

* * *

Уважаемый магистр Терос Фалойский первый раз за де-

сять лет проспал на занятия.

Почему?

Сложный вопрос.

Но магический будильник смог поднять уважаемого магистра только за десять минут до занятий.

А директор очень не любил, когда преподаватели опаздывают.

Очень.

Так что магистр ахнул, схватил первую попавшуюся мантию, провел расческой по волосам и помчался в нужный корпус.

За пару шагов до аудитории он остановился, пригладил волосы и неспешной походкой вошел в класс.

– Доброе утро. Начнем наш урок. Тема сегодня…

Первый смешок промчался по аудитории, когда он повернулся спиной к классу, чтобы написать тему на доске.

Магистр развернулся.

Тишина.

Опять повернулся к доске.

Смешок прозвучал еще более отчетливо.

Что происходит?!

Смеялись явно над ним.

Но почему?!

Мантия в порядке, все в порядке… магистр покосился в оконное стекло… силуэт был безупречен. Лицо тоже чистое, он же смотрел в зеркало…

Но что происходит?!

Урок стал для магистра настоящим наказанием.

Спросить у учеников – над чем они смеются? Он спросил. Но ответа не получил. Он использовал заклинание, избавляющее от грязи и пыли, но смех все равно не утихал.

То там, то тут…

Даже сотворенное мимоходом зеркало не дало ответа.

Но смеялись точно над ним.

На перемене магистр вылетел в коридор как ошпаренный. И стоило ему повернуться к кому-то спиной – как вспыхивали новые смешки. Но в чем же дело?

Мантия была цела! Он заметил бы прореху!

Так что же происходит?!

Ответ дал магистр Теодорус, который хлопнул магистра по плечу.

– Тер, ты с ума сошел? Ты как одевался?

– Впопыхах.

– Заметно. Иди сюда.

Магистр Бреме Теодорус затащил Тероса в пустую аудиторию и закрыл дверь на ключ.

– Снимай мантию.

– Но я…

– Трусы под ней есть? Снимай!

Терос повиновался.

И спустя пять минут возмущенно воззрился на клок фиолетового меха. С золотом!

– Это – что?!

– Хвост, – заржал магистр Теодорус. – Посмотри…

Созданная щелчком пальцев магистра иллюзия Тероса шла по кабинету. И клок пушистого меха подрагивал именно на том месте, где у зайцев находится хвостик. Сходство было идеальным.

– Сволочи!!! – взвыл магистр, со всей дури дергая за «хвост».

«Тресь», – сказала мантия, сияя дыркой на месте клочка меха.

Кто бы ни пришивал его к мантии, свое дело он знал туго. Отодрать хвост можно было только вместе с куском ткани.

* * *

Хихикающий магистр Теодорус кое-как наложил иллюзию на коллегу и посоветовал проверить остальные вещи.

Злой, как голодный вурдалак, магистр Фалойский кое-как провел уроки и удалился в свои комнаты. Он предпочитал жить на территории Универа. Так удобнее.

А через пятнадцать минут из комнаты понесся откровенный мат на шести языках.

Неизвестные злоумышленники свое дело сделали на отлично. Ко всем мантиям были пришиты фиолетовые с золотом хвосты. И крепко пришиты. Отодрать каждый получалось только со здоровым куском ткани. На нитки мерзавцы

не поскупились.

Исключение сделали только для парадной мантии, с маленькими аметистами и натуральным золотым шитьем.

К ней ради разнообразия была пришита голова неизвестного науке зверя. И ради разнообразия же – не сзади, а спереди.

Несколько минут магистр размышлял, откуда ЭТО взялось, а потом зарычал не хуже тираннозавра.

Негодяи просто купили в городе горжетку для знатных дам, разрезали на мелкие части и использовали для своего черного дела.

Но когда?!

Спит он чутко.

А днем?!

Кто посмел?!

Если снять магический след?!

Магистр повел ладонями по комнате, но куда там…

Злоумышленники позаботились затереть магические следы. И никаких заклинаний не обнаружилось.

То, что умники просто спустились с крыши по самой обыкновенной веревке и не применяли никакой магии, Теросу и в голову не пришло. Такой вот профессиональный кретинизм.

Пришлось бедняге плюнуть на гордость и отправляться на поклон к универским домовым. Чтобы те отпороли хвосты и что-нибудь сделали с единственной уцелевшей мантией.

* * *

Через два дня после нашей проказы меня вызвали к директору.

– Можно войти? – поскреблась я.

Я хоть и обнаглела в Универе, но не настолько, чтобы открывать ногой двери.

– Заходи.

Я просочилась в кабинет и встала посреди ковра, как ходячее смирение и послушание. Глазки вниз, ручки сложены на поясе, улыбочка очаровательная…

Не поверили…

– Не круто начинаешь?

Глаза пришлось отлепить от ковра.

Директор улыбался. Весело и совершенно не зло.

– Не сердитесь?

– Нет. И ругаться не буду.

– Почему?

– Потому что когда ученик хамит мастеру – это плохо. Но когда мастер оскорбляет ученика – это омерзительно. Ты априори слабее. И не можешь защитить себя. Если только не пожалуешься мне. Но ты ведь не пожалуешься?

– Я – нет. А магистр?

– На что? На появление хвостов на мантиях?

– К одной была пришита голова.

– Знаю, – уже откровенно заржал директор. – Домовые показали.

– Домовые?

– А ты думаешь, мы бы потянули магическую уборку Универа? Да на одних прачках разорились бы. Посмотри…

Директор прищелкнул пальцами – и кивнул мне на ближайшую стену.

Не прошло и десяти секунд, как стена начала… словно бы расплываться. И из нее выглянула любопытная серая мордочка.

– Звали, шеф?

– Звал. Познакомься. Это домовой Верет. А это наша ученица, Ёлка. Она из мира техники и домовых никогда не видела.

– Тогда обижаться не буду. А то уставилась… дырку протрет, – буркнул домовой, вылезая из стены.

Я действительно смотрела во все глаза.

Домовые оказались симпатичными существами. Больше всего они походили на медвежат-коал. Только уши поменьше, лицо почти человеческое, не считая слишком больших и круглых глаз, а руки-лапки снабжены тонкими длинными пальчиками. Облачен он был во что-то вроде белого греческого хитона. Одежда застегивалась на одном плече изящной серебряной заколкой и красиво ниспадала до пола. Из-под подола выглядывали вышитые золотом сапожки.

Ничего общего с домовыми, как я себе их представляла.

И не только я. Врут сценаристы безбожно…

– Ну, насмотрелась, деваха? – оборвал мои мысли голос домового.

Я кивнула.

– А вы симпатичный.

Домовой внимательно посмотрел на меня.

И вдруг кивнул.

– Ежели чего починить надо – заходи. Поможем. Еще чего надо?

– Нет. Благодарю.

– Тогда оставайтесь.

Домовой шагнул к стене – и в следующий миг его словно втянуло внутрь.

– Вот такие они, домовые духи. Если что – положишь ладонь на стенку и позовешь. Имя помнишь?

– Верет.

– Домовой дух Верет.

– Они – духи?

– Среднее между духами и живой материей. Это вы еще будете проходить.

– Если сдам магометрию.

– Если что – соберем комиссию. Или ты решила ее не учить?

– Учить! – возмутилась я. – Да половина магии построена именно на магометрии. Как геометрия – на правильных чертежах. Не буду знать магометрию – и призыв не освою. И

общение с духами. И некромантию. И… и… и…

– Ты поняла. Заметно. Учить будешь?

– Буду.

– Отлично. А этому дураку я намекну, что расизм в Универе наказуем увольнением. И родственные симпатии тоже.

– А мне ему можно будет еще раз намекнуть, если что?

– Главное – не попадитесь.

Я опустила глазки. Что ж. Директор добился своей цели.

Во-первых, мне сказали, что «КГБ все видит».

Во-вторых, шкодить можно, если осторожно.

В-третьих, не буду учить – только так отчислят.

Так что вот так.

Учиться, учиться и учиться.

И наслаждаться жизнью.

А если этот Фалосский чудак на букву «Му» не поймет намека – я ему все рукава насмерть заштопаю!

Я мило улыбнулась директору.

– Обещаю.

– Тогда можешь идти восвояси. И учти. За мантии – отработаешь. Два дня в библиотеке.

Судя по улыбке директора, он был в курсе нашей дружбы с магистром Истроном.

– Слушаюсь, шеф!

– И с друзьями. Ясно?

– Да…

На этот раз прозвучало уже грустнее. Но ребята, которым

я сообщила о приговоре, огорчения не выказали.

– Ёлка, ты не понимаешь! За такие шалости и отчислить могут, – объяснил мне Эвин. – Универ – это самое престижное учебное заведение мира. Сюда дикий конкурс.

– Незаметно.

– Ты привыкла к миру техники.

– Тоже верно.

Я забыла, что этот мир населен далеко не так плотно. У нас город-милионник не проблема. Здесь город на сто тысяч человек – уже столица. Их по пальцам перечитать можно.

Почему?

А тут сделан огромный упор на сельское хозяйство. Крестьяне, гильдии, купцы, дворяне, короли. Достаточно разумно организованное сословное общество. Не развивается техника. С бытовыми делами отлично справляется магия. Связь, медицина, даже телепортация… А значит, нет промышленной революции.

Казалось бы, люди должны здесь размножаться намного быстрее.

Увы…

В этом мире есть свои проблемы.

Нечисть. Нежить. Магические всплески. Иногда – эпидемии. Иногда – разломы, которые уничтожают десятки тысяч людей.

Разлом?

Стихийный портал в другой мир. Я прошла в управляе-

мый. А вот если два мира случайно стыкуются между собой, может возникнуть стихийный портал. А не все миры родственны нашему. Представить себе только стыковку Земли и газового гиганта. Жуть?

Вот то-то и оно…

Так что маги здесь – очень уважаемые члены общества.

И увы – не слишком долгоживущие.

Хотя меня это не пугало. Что лучше – вспыхнуть один раз – или чадить тысячу лет?

Сейчас я горела. Ярко и весело. У меня были друзья. Любимое дело. Целый мир.

За такое можно и жизнью заплатить.

* * *

Ребята даже слегка обрадовались. Они были уверены, что если кто-то узнает о нашей маленькой шалости – выгонят без права восстановления. А пара дней работы в библиотеке, да под началом очаровательного магистра Истрона, у которого столько интересных книг!

А еще можно столько всего узнать…

И найти столько интересного…

Отработка была принята с восторгом.

Терос перестал прессовать меня на занятиях. Замечательный здесь директор.

Глава 4
Любовь, любовь – наш господин

Когда Эвин стал ходить рассеянный и какой-то тоскливый, мы заметили не сразу.

Оборотни вообще отлично скрывают свои чувства. Но разве можно куда-то деться от верных друзей! Мы же где хочешь достанем! И все нервы выпытаем.

Так что зажимали оборотня втроем. В моей комнате.

Я, Лерг и Лютик.

– Что у нас сегодня на ужин было? – начала я с невинного вопроса.

Я-то ужин пропустила. Зачиталась в библиотеке. Благо магистр Истрон разрешал мне приходить в любое время и сидеть, сколько захочу.

– Отварная салака, – буркнул оборотень.

– Салака была вчера. А это больше всего похоже на макароны по-флотски, – заметила я, приподнимая крышку с блюда, заботливо сбереженного друзьями.

Могли бы и не беречь.

Картошка имела такой вид, словно она своей смертью померла. А мясо в подливке можно было различить только с микроскопом. Или с заклинанием «острый глаз». Есть это на ночь не хотелось совершенно.

– Значит, макароны, – согласился оборотень.

– Макароны, значит, – протянула я, стратегически перекрывая дверь.

Лерг и Лютик сдвинулись поближе к окну. На всякий случай. Хоть и пятый этаж, но оборотню двадцать метров не высота. И тридцать тоже. У них когти такие – по скалам лазить могут, кроша гранит!

– Рассказывай.

– Не понял… – протянул оборотень.

Но меня было не остановить.

– Значит так. Это не ты второй десяток дней ходишь как в воду опущенный. Это не ты путаешь картошку с макаронами, а рыбу с мясом. Это не ты зависаешь над лекциями, как поломанный комп девяностого года? Я хочу знать причину!

– Да тебе все показалось, – попытался отбояриться оборотень, но я была неумолима.

– Если не расскажешь, скормлю тебе весь этот кошмар по-флотски. Или по-столовски. Ясно?

Эвин весело посмотрел на меня. Впервые весело за последние пару дней.

– И как?

– Втроем справимся!

– Не справитесь!

Раньше я бы точно попробовала. Итогом стало бы размазанное по стенкам и ученикам пюре. Но не сейчас.

– Не переводи разговор. Ты что – влюбился?

Я ляпнула – и вдруг замерла на месте.

А ведь точно! Все симптомы!

За восемь кругов обучения мы уже знали друг друга вдоль и поперек. А симптомы влюбленности мне были и самой знакомы.

Не на себе, нет!

Но нескольким подругам я утирала глаза! Были девчонки, которые выплакивались у меня на плече, твердо зная, что я не расскажу никому об их проблеме! Жаловались на «козла Мишку, Лешку, Петьку, Сашку, Пашку…» и далее по алфавиту.

А теперь Эвин…

– Кто она? – конкретно спросил Лерг, проделавший в уме те же вычисления.

Эвин затравленно огляделся.

Я взвесила на руке тарелку с ужином.

И оборотень сдался.

Видимо, понял, что легче рассказать, чем удрать – и еще неизвестно сколько от нас бегать. Мы ведь не отцепимся.

– Малия Арейне.

Я почесала затылок. Имя ни о чем не говорило.

– Она с факультета чего?

– Временная магия.

Я задумалась. Вот хоть убей – не помню такой!

– Я завтра вам ее покажу. Ребята, она такая… такая…

– Лишь бы сякой и разэтакой не оказалась, – фыркнула я. – Блондинка, брюнетка?

– У нее волосы как солнышко…

– Человек? – оборвал Лерг восторженный рассказ о солнышках. Потом, видимо, последуют коралловые губки и жемчужные зубки… русалки дохнут от зависти.

– Она на восьмушку эльфийка. Но да – человек. Аристократка.

Титулы здесь тоже были. Но… не такие, как в мире техники. Просто – дворянство. Можно – личное. Можно – наследуемое. Дворяне имели право на приставку «ар». Так что Малия ар-Арейне. Так?

Этот вопрос я и продублировала приятелю.

– Да. Она такая… воздушная! Неземная!

– Завтра покажешь свою эльфийку. – Особенно я не обольщалась. Эльфы тоже учились в Универе. И действительно были воздушны, изящны и грациозны. Еще бы! У них кость чуть не в два раза тоньше и строение мышц немного другое! Да и различия в анатомии есть.

Эльфы вообще другой биологический вид. И с людьми скрещиваться почти не могут. Только по большому обоюдному желанию и с определенными заклинаниями. А к получившемуся потомству относятся нежно и трепетно. Даже полукровки наследуют эльфийскую грацию и изящество. И кровь эльфов проявляется заметно до десятого колена. Это потом внешних признаков уже не видно. Кажется, так.

А вот как проявляется аристократическое воспитание?

Вирт Хелмстрон, кстати, ар-Хелмстрон, оставил неизгла-

димое впечатление.

Заносчивой скотины.

И не верила я в аристократическое благородство. Благородным может быть и свинопас. А свиньей – даже принцесса. Не говоря уж о том, что все маги автоматически приравниваются к аристократам. И буду я по окончании курса Ёлка ар-Универ. Если не захочу вернуть себе родные имя и фамилию. Или изобрести новые.

Или просто Ёлка.

Обычно маги оставляют себе прозвище из Универа.

Если остаются в этом мире.

Хотя что делать боевому магу в мире техники? Утопиться? Или Госдуму взорвать? Там самая страшная нечисть – политики. А этих ни одна холера не возьмет!

– Обязательно покажу.

Эвина словно прорвало. Ей-ей… через два часа я уже заочно терпеть не могла эту Малию! Это как же надо вынести нормальному парню мозги?! И чем?

Два часа слушать, как она очаровательно ходит, говорит, садится, наклоняет головку набок… свернуть бы ей эту голову!

Да не ревную я! Не ревную!

Эвин мне как брат! Не хотелось бы, чтобы парень влюбился в неподходящую девушку.

* * *

Девушку, «невинный идеал прелести и чистоты», по выражению оборотня, мы увидели на следующее утро в столовой. Эвин показал.

И мы втроем пригляделись.

Не знаю, что думали парни. С моей же точки зрения…

Ладно! Опишем беспристрастно!

Блондинка. С интенсивно-золотыми локонами, которые ниспадают на плечи крупными кольцами. И струятся вниз по желтой мантии. Мантия, кстати, не чета моей. Подогнана по фигурке и сшита из какого-то дорогого материала. А вот отделка подкачала. Вкус девушке явно зарезали. Иначе она не прицепила бы к мантии безумно дорогие и модные кружева с рисунком. На такой хрупкой (что есть, то есть) фигурке лишние черты и полосы смотрелись как колбасная нарезка на блюде. Личико какое-то… странное. Эльфийская кровь сказалась? Этакое суженное к подбородку. А глаза не слишком большие. Зато раскосые. И получается какое-то хорьковое выражение лица. Хищное.

Неэстетично.

Хотя это я злопыхательством занимаюсь. Кому-то ведь нравится. Вон сколько парней вьется вокруг. И Эвин присоединился.

Но внимания оборотню доставалось не намного больше,

чем шести его конкурентам.

Так, то головку склонит, то улыбнется рассеянно… голос очень тихий… даже не расслышать. И говорит очень мало.

По принципу – молчи, дурак, за умного сойдешь?

Не знаю.

Я ничего не могла с собой поделать.

Мне эта блондинка *не нравилась*!

И пусть я – дура!

– А ничего, – заметил Лютик.

– Симпатичная, – поддержал Лерг.

– Ёлка, а тебе как?

– Не знаю, – честно созналась я. – Вроде так не кикимора. Но что внутри?

– А посмотрим поближе?

– Нет, – отказалась я. – Лучше послушаем.

– Это как?

Моя идея была проста.

Кто скажет больше всего гадостей о женщине?

Разумеется, ее подруга. Подруг я не знаю. Но судя по виду девушки, по ее прическе, макияжу, мантии с кружевами… Березка что-то знать должна!

Вот с подругой я и побеседую вечерком. А до тех пор – Эвину сплошные слова одобрения.

На том мы с парнями и договорились.

Может, я правда ревную друга?

Я честно попыталась встряхнуть свои ощущения и чув-

ства.

Нет. Не ревную. Эвин мне как Гошка. То есть как брат. Братьев не ревнуют, если крыша не поехала. Но что-то внутри просто шепчет «не верь, не верь, не верь…». И звенит колокольчик, предупреждающий о нехорошем.

В детстве так со мной уже было.

Компания подростков, самый авторитетный – крутой, очень симпатичный паренек, гроза девчонок. В этаком пиратском стиле: кудри каштановые, глаза черные… лапочка. Весь вежливый, воспитанный, взрослые умилялись. А меня просто перекашивало. И хотелось удрать под корягу.

Когда через год оказалось, что мальчик четырнадцати лет – наркоман, никто и не верил.

А когда узнали, что еще трое из его компании уже подсели…

Меня родители раза три к наркологу таскали, боялись. В одном же дворе все жили…

Чутье?

Не знаю.

Надо поболтать с Березкой.

* * *

К подруге я решила зайти сразу после занятий. И не прогадала. Березка была одна и не слишком-то увлечена большим травником.

Я помахала в воздухе эльфийскими хлебцами. Между прочим, шесть серебряных за полкило. При цене на обычную ковригу хлеба в две медяшки. Зато – не полнеешь. И одним хлебцем наедаешься чуть ли не на полдня. Специально себе со стипухи прикупила. Ладно. Придется пожертвовать в фонд спасения друга.

– Привет. Пустишь?

– Ага. Заходи.

– Я тут к чаю принесла…

– Я чай не пью, он портит цвет лица. Травяной отвар будешь?

– Буду.

Березка элегантно прошествовала к столу. Я не могу сказать, что она засуетилась или захлопотала. Нет! Каждое движение было выверено так, что хотелось крикнуть «Камера! Стоп!».

Девушка явно тренировалась.

Только вот неясно – зачем?

Нет, я все понимаю, девушки стараются быть более привлекательными внешне.

Но сейчас, глядя на холеную и изящную Березку, я просто не понимала мужчин.

Ну хорошо.

Буду я красивой. Сделаю из себя конфетку и топ-модель. Я могу. Собственно, здесь любая может. Возможности пластической хирургии представляете?

Возможности магической хирургии вообще безграничны. Что там увеличение груди! Маги могут сделать ее любого размера. Столько раз, сколько захочется клиенту. Губы, глаза, волосы… играют и с цветом, и с формой… Дорого. Не без того.

Но на факультете врачей есть даже специальное направление.

А если кто думает, что спрос на подобных специалистов только у богатых дамочек – вы живо передумайте! Спецслужбы любого королевства дерутся за подобных специалистов. Потому что работа очень тонкая, кропотливая и долгая.

На эту специальность хотят пойти многие, но отбор там строгий.

Но я к чему…

Пусть я стану конфеткой. Внешне.

Но внутри-то ничего не изменится!

Стерва останется стервой. Шлюха – шлюхой. Леопард может закрасить пятна, но клыки никуда не денутся. И когти тоже.

Так что же?

Парни смотрят на внешность, как на конфетный фантик?

А заверни в фантик навоз? Или камушек?

Слопают и попросят добавки?

Смешно…

Но ведь лопают!

И получается, что стерва с подтянутой попкой имеет боль-

ший успех, чем не такая симпатичная, но добрая и умная девушка.

И парни лопают камушки, плюются, ломают зубы… и радостно тянутся за новым фантиком!

Ярким и красивым, кто бы спорил!

Где логика?

Я завидую?

Может быть. А еще я просто не понимаю. Почему так много тех, кому важна только внешность? Почему?

И… соответствует ли внешность Малии Арейне внутреннему содержанию?

– Это надо пить горячим, а не температуры трупа! – в мои мысли ворвался голос Березки.

Я похлопала ресницами.

Пока я выпадала из реальности, она уже заварила чайник, разложила эльфийские хлебцы и изящно уселась напротив.

– Что у тебя случилось?

– У меня? Да я просто так зашла…

– Да что ты? Сколько не общались, а теперь ты соскучилась? Ёлка, не ври, а?

Я ухмыльнулась.

Березка не дура. Зануда, стерва, зараза, но не дура. Факт. И забывать об этом не стоит.

– Вообще-то я посплетничать зашла.

– Вот как?

– А кто еще расскажет всю подноготную о женщине, как

не другая женщина?

– О ком?

– Малия Арейне.

– Сучка!

Словцо, сорвавшееся с губ девушки, шокировало меня. Березка – и такие выражансы? Селедка с вареньем, суп с тертой пластмассой… Видимо, мое лицо было достаточно красноречивым.

Березка чуть поморщилась, но повторила:

– Сучка. И гадина.

– А подробнее?

– А подробнее – она же ар-Арейне. И с эльфийской кровью. Вот и ведет себя так, словно у нее в попе солнце горит.

– Да этим многие славятся, – подколола я. И Березку понесло.

Как я была права, придя сюда!

За следующие двадцать минут я получила такое досье на Малию, что королевской службе сыска не удалось бы собрать и за год!

Малия оказалась девушкой-хамелеоном.

С парнями она была очаровательна. С девушками – злостно кусательна. Особенно с теми, кто не отличался происхождением, но мог составить конкуренцию по красоте.

Им доставалось по полной программе. Одной кто-то подсунул толченное стекло в пудру. Второй пропитали платки настойкой райнета. Один раз утерлась – и у тебя на коже яз-

вочки, которые придется выводить пару кругов. Березку тоже попытались подловить на туфельки с интересными стельками. Но подруга тщательно ухаживала за обувью. И к тому же многое знала о травах от матери. Она заметила подозрительный запах – и проверила стельки.

– Если бы я не вытащила эту гадость – охромела бы! – возмущалась подруга. – Но как и когда?! Даже не представляю!

– А это точно она?

– Уверена!

– Почему? Учти, вариант «больше некому» не прокатит.

Березка поморщилась.

– Мы с ней накануне схлестнулись. А на следующее утро я не видела ее в купальнях. Думаешь, сложно войти в наши комнаты?

Я считала, что несложно.

Отмычки люди придумали в ту же пору, что и замки. Усложнится одно – усложнится и второе.

– А директор?

– Не пойман – не доказано. Тем более что родственники у нее ого-го… Визгу поднимется…

Я кивнула.

– Попал Эвин…

– Твой друг? Хвостатый?

Я кивнула.

– Действительно, паршиво. – Березка покрутила чашку, не замечая, что отвар давно и безнадежно остыл. – Мужика-

ми она крутит только так. Приворотным зельем она, что ли, душится?

– Удушить бы ее!

– Да не поможет! У нее охранные амулеты крутые.

Я задумалась над вызовом на дуэль. Но было ясно, что Эвин мне не простит. Я хорошо учусь. Уделать-то я могу кого угодно. Из первокурсников. Но…

Я сейчас наваляю этой стервочке. А она бросится плакаться всем вокруг. Я же еще останусь виноватой! Чаще жалеют не тех, кто болеет, а тех, кто громче всех воет! Ненавижу такие ситуации!

Но что же делать, что же делать…

– Ничего ты сделать не сможешь! – припечатала Березка. – Наиграется – сама бросит.

Я прикусила ноготь.

Нет уж! Не знаю что! Не знаю как! Но я не позволю Эвину унижаться!

Он мой друг!

А друзьям надо помогать вне зависимости от их желания! Вот!

– Глупо. – Кажется, я опять думала вслух. Ну и плевать!

Это мой друг!

Все!

* * *

Когда Лерг и Лютик услышали последние сводки, они загрустили. Эвину, по понятным причинам, говорить ничего не стали. Но пообещали тоже навести справки.

Навели. У Кана.

И матерились еще громче.

Информация, полученная от Березки, полностью подтвердилась.

Ну не мать-перемать?!

Эвин все это время ходил хвостом за своей красоткой. А нам оставалось только наблюдать.

Или…

Идея пришла мне в голову неожиданно.

Директор ведь знакомил меня с домовыми духами. И я поддерживала это знакомство. Специально покупала со стипендии что-нибудь вкусное. Особенно домовые духи уважали миндаль в сахаре.

И если попросить Верета собрать компромат на Малию…

Друзей я посвящать в это не стала. А вечером, прикупив еще миндаля (эх, стипендия мала…), выпроводив приятелей и тщательно закрыв дверь, приложила ладонь к стене и тихо позвала:

– Верет… я вас приглашаю в гости. Пожалуйста, окажите милость…

Я так говорила всегда. И не удивилась, когда через несколько минут в комнату шагнул домовой дух. Только пригласила его к столу.

Пирожные и кадри тоже обошлись в приличную сумму. Но… черт с ними, с деньгами! Друг дороже!

– Вечер добрый, хозяюшка, – приветствовал меня Верет. И приступил к трапезе.

Пирожные он тоже любил. И ел долго и со вкусом. Честно говоря, вид у него при этом был умилительный. Так бы и потискала, если бы обидеть не боялась. Домовые духи мне вообще ужасно нравились. Такие очаровашки!

И кажется, мое теплое отношение тоже играло значительную роль. Я читала, что домовые духи во многом эмпаты.

Верет допил кадри, отказался от третьей чашки и помахал лапкой.

– Ну что, рассказывай… чего надобно?

Я опустила плечи. Когда ж меня все читать перестанут, как книгу?

– Когда повзрослеешь. Так надобно-то чего?

– Малия ар-Арейне. Знаете такую?

– Ой, знаю, – вздохнул Верет. – Нехорошая она… ты от нее держись подальше.

– Я бы и рада, – в унисон вздохнула я. – Да вот только…

История про Эвина была выслушана с пониманием. Я честно выложила, что знаю, что думаю и чего хочу. А моя просьба заставила Верета задуматься.

Я молчала. Все было сказано. А настаивать… не хотелось. Пусть домовые духи сами решают – помочь мне или нет.

Наконец Верет встал и решительно сгреб со стола пакет с миндалем.

– Ладно. Есть у меня одно чадо. Ему как раз такое дело по плечу. Эйрех! Иди сюда, негодник!

Я с интересом наблюдала, как из стены высунулась мордочка домового духа. Только маленького. Не больше кошки.

– Звали?

– Звал. Вот, посмотри на девушку. Это Ёлка. Запомнил?

– Да.

– Ей надо проследить за одним человеком. Будешь ей во всем помогать.

– Это надолго?

– Нет. Думаю, ненадолго.

Я кивнула.

– Надеюсь, дня на четыре. Если все получится так, как я хочу.

Я собиралась сделать гадость, о которой честно рассказала домовому духу.

Но Эйрех только одобрительно кивнул. Маленький он. Но сообразительный.

* * *

Следующим вечером мы опять встретились в Эйрехом. Я

внимательно выслушала отчет и кивнула.

Эвин был только одним из многих. Из двух десятков примерно людей и не-людей.

А следующим вечером я поджидала Малию в ее комнате. В маске. И без плаща. Так лучше.

Девушка сделала шаг внутрь – и я резко рванула ее за руку.

И припечатала к стене.

Дралась я плохо. Но сейчас мне помог Эйрех. Домовые духи полностью властны над своим домом. Так что камни просто вцепились в девушку, не давая ей пошевелиться. А рот я ей зажала заранее приготовленной тряпкой. Специально испачкала. К воротам за грязью пожирнее бегала.

Мне надо было взбесить девчонку до последнего предела.

Зачем?

А как еще заставить выглянуть из-под маски свиное рыло?

– Слушай меня, сучка! Если ты посмеешь крутить хвостом перед Эвином – я тебе остаток крашеных волос вырву! Поняла?

Малия сверкнула глазами. И я от души врезала ей под ребра. Так, что блондинка согнулась вдвое.

А когда смогла выпрямиться – меня в комнате уже не было.

О моем визите напоминала только грязная тряпка во рту.

Эйрех рассказал мне, что Малия закатила истерику. Швырялась предметами, едва не разбила зеркало, хотела пойти к

директору, но потом передумала.

Еще бы!

Надо отомстить.

И директор тут не помощник.

На следующий день мы наблюдали активно окручиваемого Эвина. Приятель сиял от счастья. Лерг и Лютик хмурились. Я была спокойна.

Второй этап «раскачки» был назначен на вечер.

Эйрех обещал подбросить записку. Коротенькую и выразительную.

«Я предупредила».

А в подарок прилагалась коробочка с пудрой и толченым стеклом. Как намек. Не уберешь лапки от чужого добра – и этому обрадуешься!

После второго акта милая и очаровательная девушка таки расколотила зеркало. И я поняла – мне обязательно повезет.

Должно повезти!

Я не учла только одного.

Степени стервозности Малии и ее догадливости. Или просто – гадости?

* * *

Я предполагала, что Малия будет действовать по принципу «Назло теще зять повесился». И приблизит Эвина настолько, что приятель таки разглядит свиную морду под кра-

сивой оберткой.

Или просто отошьет Эвина.

Меня бы устроило и первое, и второе.

Малия выбрала третий вариант.

Я и Лерг как раз сидели, играли в карты и ждали Лютика, когда из стены вывалился Эйрех. И замахал руками.

– Смотри!!!

Домовой протянул мне промокашку с чернильными пятнами. Я прищурилась.

Да, здесь писали чернилами. И в школе ходили промокашки. Очень удобная вещь. Но прочитать на ней что-то… как?

Лерг сообразил быстрее. И перевернул листок бумаги так, чтобы он отразился в зеркале. Через десять минут, ругаясь и споря, мы восстановили текст.

«Милый Вирт, предлагаю Вам встретиться сегодня вечером в третьей купальне от входа налево. Это касается изрядно насолившей вам девушки. Малия ар-Арейне».

Лерг выругался.

– Эйрех, ты можешь узнать, о чем они говорят?

– Нет, – покачал мордочкой домовый дух. – Там уже не дом.

– И подслушать не получится.

– Нет. Никак.

Я чертыхнулась.

Лерг внимательно поглядел на меня.

– Сама расскажешь? Или попинать придется?

– Лучше не надо, – предупредила я. – Буду сопротивляться.

– Ёлка, я хочу знать, что ты затеяла. Я должен знать!

– Ты – возможно. А вот Эвин…

– Я даже Лютику не скажу. Обещаю.

Я задумалась.

С одной стороны – рассказать хотелось. С другой – страшно. А если Лерг решит, что я просто дрянь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.